

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(44) 2022

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(44) 2022

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д.84

Фактический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Недоступова Л.В.</i> Семейно-родовые дворовые имена в Воронежском говоре.....	7
<i>Осипова Е.А.</i> Русская словесность в эпоху цифровой глобализации.....	16
<i>Позднякова Е.Ю.</i> Дискурсивный подход к изучению семантики имени собственного: результаты экспериментального исследования.....	24
<i>Золотухин Д.С.</i> Язык-объект VS язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях.....	31
Методика преподавания языков	
<i>Лескова Е.В.</i> Изучение гендерного аспекта фразеологической лексики на занятиях по РКИ.....	38
<i>Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В.</i> Из опыта онлайн-преподавания РКИ на начальном этапе в Воронежском государственном техническом университете.....	44
<i>Телкова В.А.</i> Проблема речевого развития учащихся в трудах отечественных методистов прошлого.....	49
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Вязовская В.В., Воронова Т.А.</i> Ономастика очерка Н.С.Лескова «Загадочный человек».....	54
<i>Мухина Е.А.</i> Причастные формы в русских духовных стихах.....	58
<i>Гончарова Н.Н.</i> Пасхальный канон Иоанна Дамаскина как источник композиции «Степи» А.П. Чехова.....	66
<i>Кольцова Л.М., Чуриков С.А.</i> «Пусть ум твой пробудит и душу потрясет...» (крылатое слово И.С. Никитина в русском языковом пространстве).....	74
Лингвокультурология	
<i>Гладко М.А.</i> Текстобразующий потенциал игры-головокружения в медиапространстве.....	81
<i>Верховых Л.Н.</i> Воронежское лингвокраеведение в XXI веке: направления исследований, перспективы развития.....	89
<i>Воронова Т.А., Вязовская В.В.</i> Лексические средства изображения времени и пространства в «Московской лирике» Арсения Тарковского.....	95
Межкультурная коммуникация	
<i>Чжан Янь</i> Представление о «COVID-19» в сознании носителей русского языка.....	98
Концептология	
<i>Смирнов Е.С.</i> Субконцепт «дедушка» в традиционной лингвокультуре северного Приангарья (на материале устных текстов коренных ангарцев).....	103
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Пром Н.А.</i> Этапы фактуализации в медиакommunikации: лингвофилософский подход.....	108
<i>Онуприенко К.А.</i> «Вы – там!»: иммерсивные технологии в журналистике информационного общества.....	114
<i>Зайцев В.С.</i> Советское журнально-газетное чеховедение 1930-1950-х гг.....	125
Язык СМИ	
<i>Алексеев А.Б.</i> К вопросу изучения политейнмента как специфической разновидности политического дискурса.....	134
События, обзоры, рецензии	
<i>Безатосная О.М.</i> «Вселенная Достоевского»: обзор мероприятий ВГТУ, посвященных юбилею писателя.....	142
<i>Волкова Е.А.</i> Ф.М. Достоевский «завоевал» мир: к 200-летию со дня рождения великого русского писателя.....	144
Правила оформления статей	147

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Nedostupova L.V.</i> Family and class names in the Voronezh dialect.....	7
<i>Osipova E.A.</i> Russian literature in the era of digital globalization.....	16
<i>Pozdnyakova E.U.</i> A discursive approach to the study of proper name semantics: results of the experimental study.....	24
<i>Zolotukhin D.S.</i> Object-language VS instrument-language: relevance of the concepts of metalanguage and metadiscourse in linguistic research.....	31
Methods of teaching languages	
<i>Leskova E.V.</i> The study of the gender aspect of phraseological units in the classes by Russian language as a foreign.....	38
<i>Bugakova N.B., Popova Ju.S., Sulemina O.V.</i> Experience of RFL online-teaching for beginners at Voronezh State Technical University.....	44
<i>Telkova V.A.</i> The problem of speech development of students in the works of Russian methodologists of the past.....	49
Literary text: aspects of study	
<i>Vyazovskaya V.V., Voronova T.A.</i> The onomastics of N.S. Leskov's essay «An Enigmatic Man».....	54
<i>Mukhina E.A.</i> Forms of participles in Russian spiritual verses.....	58
<i>Goncharova N.N.</i> St. John Damascene's canon of pascha as a source of the composition of Anton Chekhov's «The Steppe».....	66
<i>Koltsova L.M., Churikov S.A.</i> «Let your mind awaken and shake your soul...» (The winged word of I.S. Nikitin in the Russian language space).....	74
Language and culture studies	
<i>Gladko M.A.</i> The text-forming potential of the Ilinx game in mass media.....	81
<i>Verkhovyykh L.N.</i> Voronezh linguistic local history in the 21 st century: research directions, development prospects.....	89
<i>Voronova T.A., Vyazovskaya V.V.</i> Lexical meanings representing time and space in Arseny Tarkovsky's "Moscow lyrics".....	95
Intercultural communication	
<i>Zhang Yan</i> The idea of «COVID-19» in the consciousness of native Russian speakers.....	98
Concept studies	
<i>Smirnov E.S.</i> The subconcept «GRANDFATHER» in the traditional linguistic culture of North Angara region river basin (on the material of oral texts of Angara residents).....	103
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Prom N.A.</i> Stages of factualization in media: linguophilosophical approach.....	108
<i>Onuprienko K.A.</i> "You are there!": immersive technologies in journalism of the information society.....	114
<i>Zaitsev V.S.</i> Soviet Chekhovian studies in magazines and newspapers of 1930-1950s.....	125
Language of mass media	
<i>Alexeyev A.B.</i> On the question of the study of politainment as a specific type of the political discourse.....	134
Events and reviews	
<i>Bezatosnaya O.M.</i> "The universe of dostoevsky": the review of the events held in VSTU in honour of the writer's anniversary.....	142
<i>Volkova E.A.</i> F. M. Dostoevsky conquered the world: on the occasion of the 200 th anniversary of the birth of great Russian writer.....	144
Layout of the articles	147

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок четвертый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 22 научные работы.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие диалектные антропонимы (Л.В. Недоступова), особенности русской словесности в эпоху цифровой глобализации (Е.А. Осипова), специфику дискурсивного подхода к изучению семантики имени собственного (Е.Ю. Позднякова), а также релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях (Д.С. Золотухин). В разделе «Методика преподавания языков» представлены проблемы применения дистанционных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному (Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина), анализируются особенности речевого развития учащихся в трудах отечественных методистов прошлого (В.А. Телкова), а также рассматривается использование фразеологической лексики на занятиях по РКИ в гендерном аспекте (Е.В. Лескова). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, затрагивающие особенности прочтения имен собственных в художественном тексте Н.С. Лескова (В.В. Вязовская, Т.А. Воронова), представляющие исследование причастных форм в русских духовных стихах (Е.А. Мухина), рассматривающие пасхальный канон Иоанна Дамаскина как источник композиции «Степи» А.П. Чехова (Н.Н. Гончарова) и крылатое слово И.С. Никитина в русском языковом пространстве (Л.М. Кольцова, С.А. Чуриков). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые представляют текстообразующий потенциал игры-головокружения в медиапространстве (М.А. Гладко), выявляют направления исследований и перспективы развития Воронежское лингвокраеведение в XXI веке (Л.Н. Верховых), анализируют лексические средства изображения времени и пространства в «Московской лирике» Арсения Тарковского (Т.А. Воронова, В.В. Вязовская). В разделе «Межкультурная коммуникация» анализируются представления о «COVID-19» в сознании носителей русского языка (Чжан Янь). В разделе «Концептология» на материале устных текстов коренных ангарцев рассматривается субконцепт «дедушка» в традиционной лингвокультуре северного Приангарья (Е.С. Смирнов). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, представляющую этапы фактуализации в медиакommunikации, выполненную в рамках лингвофилософского подхода (Н.А. Пром), исследование о применении иммерсивных технологий в журналистике информационного общества (К.А. Онуфриенко), а также обзор советского журнально-газетного чеховедения 1930-1950-х гг. (В.С. Зайцев). В разделе «Язык СМИ» представлено исследование политеймента как специфической разновидности политического дискурса (А.Б. Алексеев). Раздел «События, обзоры, рецензии» рассказывает о мероприятиях минувшего года, посвященных 200-летию юбилею Ф.М. Достоевского (О.М. Безатосная, Е.А. Волкова).

Содержащиеся в выпуске 1(44) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА **LINGUISTICS**

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.34.46.001

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ДВОРОВЫЕ ИМЕНА В ВОРОНЕЖСКОМ ГОВОРЕ

В статье представлен диалектный семейный антропонимикон одного населённого пункта Центрального Черноземья. Актуальность настоящего исследования обусловлена большим интересом к народной речи, являющейся одним из архаичных пластов лексики живого языка. Оно базируется на данных, собранных автором в полевых условиях в процессе общения с коренными жителями – представителями старшей возрастной группы сельской местности. Целью работы является описание семейно-родовых дворовых имён, образованных от фамилий и данных по временному пребыванию (проживанию) на определённой территории или по месту жительства, представление семантического значения, установление способа образования, номинативной и оценочной функции, конкретизация вариативных прозваний и их особенностей, нашедших отражение в говоре посёлка Высокого Воронежской области. Предметом изыскания стал антропонимический материал в виде уличных именовании деревенских семей. Объектом исследования выступает народный говор. В рамках проведения работы использовались методы наблюдения, опроса, описания и анализа. В результате представлены 2 группы дворовых имён, репрезентированных 48 лексическими единицами. Определена многочисленная и малочисленная среди них. Отмечены антропонимы, образованные суффиксацией (с помощью -ев-, -ин-, -ат-, -ик-, -ов-, -чик-, -ёнк-, -ан-, -ск-, -яч-, -к- и др.) и префиксально-суффиксальным способом. Отдельно рассмотрена группа уличных прозваний, в которых наблюдается усечение фамилии. Сделан вывод о том, что запечатлённые в народном говоре семейно-родовые имена являются особыми диалектными образованиями, свидетельствующими о богатой картине мира сельчан, включающей факты жизни и сведения о поселковом коллективе.

Ключевые слова: дворовые имена, антропонимы, уличные именовании, ономастические единицы, семейно-родовые прозвания, отфамильные имена, семейские имена по временному пребыванию (проживанию).

L.V. Nedostupova

FAMILY AND CLASS NAMES IN THE VORONEZH DIALECT

The article presents the dialectal Semeyskiy anthroponymicon of one settlement of the Central Black Earth Region. The relevance of this study is due to the great interest in folk speech, which is one of the archaic layers of living language vocabulary. It is based on data collected by the author in the field during communication with indigenous people - representatives of the older age group of rural areas. The aim of the work is to describe family-clan courtyard names formed from surnames and data on temporary residence (residence) in a certain territory or at the place of residence, presenting semantic meaning, establishing a method of education, nominative and evaluative functions, concretizing variable nicknames and their characteristics that have found reflected in the dialect of the village of Vysokoye, Voronezh region. The subject of the research was anthroponymic material in the form of street names of village families. The object of the research is the folk dialect. As part of the work, the methods of observation, survey, description and analysis were used. As a result, 2 groups of household names are presented, represented by 48 lexical units. The numerous and few among them have been identified. Anthroponyms formed by the suffixation are marked (with the help of -ev-, -in-, -at-, -ik-, -ov-, -chik-, -onk-, -an-, -sk-, -ach-, -k-, etc.) and in the prefix-suffix way. A group of street

nicknames, in which the truncation of the surname is observed, is considered separately. It is concluded that the family-clan names imprinted in the folk dialect are special dialectal formations, testifying to the rich picture of the world of the villagers, including the facts of life and information about the village collective.

В современном мире глобализации и цифровизации происходят процессы, которые коренным образом меняют жизнь людей и приводят к появлению в их языке разнообразной лексики, отражающей новые реалии. Всё это обнаруживается в условиях городской среды с высокоразвитой инфраструктурой и сферами деятельности.

Некоторую «особенность» демонстрирует картина жизни небольших сельских поселений, отдалённых от областных центров: традиционные формы общения и народная речь пока ещё сохраняют свою самобытность. Её отчётливо можно наблюдать на всех уровнях: лексическом, фонетическом, морфологическом, словообразовательном и др.

В XXI веке коллективы лингвистов и отдельные исследователи ведут деятельность по изучению разных аспектов языка. Одним из таких направлений является диалектная антропонимия. Среди работающих в русле данных проблем учёные: И.А. Королёва [1] и Т.Т. Денисова (Смоленск) [2], А.С. Щербак (Тамбов) [3; 4], А.В. Шевляков (Томск) [5], А.В. Гузнова (Нижний Новгород) [6; 7], М.Э. Рут [8] и В.С. Кучко (Екатеринбург) [9], Л.Н. Верховых [10; 11] и Л.Д. Горелова (Воронеж) [13], Т.Н. Бунчук и Е.Л. Прописнова (Сыктывкар) [14] и мн. др. Однако до настоящего времени народный ономастикон ещё недостаточно изучен.

Стоит обратить внимание на то, что «пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с собственными именами. Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, личных предметов материальной и духовной культуры» [15; с. 3].

В связи с этим, интересными представляются точки зрения В.А. Никонова и Т.А. Сироткиной: «личные имена, прозвища, фамилии людей, безусловно, являются частью лексической системы, функционируют в её рамках, развиваются по языковым законам, но при этом антропонимия образует в языке особую подсистему, в которой общие законы языка преломляются специфически и, кроме того, возникают свои собственные закономерности, которых нет в языке вне её» [16; с. 6], «антропонимы подчиняются законам диалекта, отражают его особенности. В антропонимии, при взаимодействии общерусских и местных элементов, сохраняются фонетические и морфологические черты территориального диалекта» [17].

Наше исследование направлено на изучение тематической группы «Человек» в народной речи. Работа является продолжением цикла статей автора по диалектной антропонимике [18; 19; 20; 21; 22].

Примечательно, что определённым способом отражения окружающей реальности являются семейно-родовые дворовые имена, активно функционирующие в сельском пространстве. Касаемо таких именований деревенских жителей, важно понять, как появился тот или иной антропоним, какую функцию он выполняет.

Обратимся к определению терминов, используемых в работе: «родовой – свойственный роду, характерный для него; принадлежащий роду»; «дворовый – свойственный двору (характерный для него)» [23].

Целью данного изыскания является описание семейно-родовых дворовых имён, образованных от фамилий и данных по временному пребыванию (проживанию) на определённой территории или по месту жительства, представление семантического значения, установление способа образования, номинативной и оценочной функции, конкретизация вариативных прозваний и их особенностей, нашедших отражение в говоре посёлка Высокого Воронежской области.

Предметом работы стал антропонимический материал в виде уличных именовании сельских семей. Объектом исследования выступает народный говор.

В рамках изыскания использовались методы наблюдения, опроса, описания и анализа.

Настоящая статья базируется на данных живой речи диалектоносителей старшего возраста одного населённого пункта, расположенного в двухстах километрах от столицы Черноземья. Уточним: «Высокий был основан в 1922 году в 6 километрах южнее Таловой, вблизи дороги, ведущей в Бутурлиновку. Получил своё название по возвышенности, склоны которой сбегает на север до долины почти исчезнувшей теперь реки Таловая, на восток до Таловской балки, на юг и на запад до верхнеозёрских и вознесенских прудов... Образование посёлка связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века» [24; с. 1].

Итак, проиллюстрируем 2 группы дворовых именовании, представленных 48 лексическими единицами. (Для определения дворовых имён в роли синонимов используем термины: антропонимы, уличные именовании, ономастические единицы, дворовые прозвания, семейные имена). Они, как оказалось, в деревенском пространстве даны семьям высочан своими односельчанами по разным фактам. Особенности употребления уличных имён отражены в речи одного из респондентов: «*Рась хтёй-та будя вспоминать хвамілю, ды и накой а́на трэбаи́цца? Мы па-прóстоу гутáрим, па-на́шинсти завéм ту́тошних*».

Первая группа функционирующих антропонимов включает 36 уличных прозваний, полученных от официальной фамилии.

1. Дворовые отфамильные имена:

Абертя́и, Абертя́евы – ‘дворовое имя семьи от фамилии Аверьяновы’: *Прамяжду сабо́й Аверья́новых пачаму́й-та клі́чуть Абертя́и. Вида́ть па нём, па Ко́ле, па ба́те. Вро́ди как оттэ́ля фсе́ паишо́. Тады́ яго́ пёрывага́ Абертя́ем дражні́ли, апасля́ паишо́-па́ехала, и фсю́ йих па́дворю́ так клі́кають. Типэ́рича сы́ну дом аста́вили Абертя́и, а са́ми ста́раи в но́вам даму́ живу́ть за паса́дкой. Та́ма но́вая у́льца. Абертя́евы расся́лились, быко́ф де́ржуть, пті́цу, у них гаро́доф вон ско́льтя, яша́чуть.* (В статье используется упрощённая транскрипция; звук «г» в говоре – фрикативный (γ)).

Батра́ки – ‘дворовое имя семьи от фамилии Батраковы’: *Калі́ шко́ла нача́льная ту́та аткры́лася, Батрако́вы тады́ у нас бы́ли пёрвы́ми учителя́ми. Он – дире́ктаром, а а́на пёрвай клас́с вяла́. Дитё́ф у них тро́я было́. Йих, калі́ вы́расли, на́чили звать Батракі́. Типэ́рича вон ско́льтя йих, весь род клі́чуть Батрака́ми.*

Горю́ны – ‘дворовое имя семьи от фамилии Горюновы’: *Де́да с ба́пкой Маня́шкой зна́ли па ме́ду, у них тады́ он у е́дних был. Ані́ ра́ни пачалу́ дяржа́ли. Дражні́ли йих Горю́на́ми, хвамі́лия э́нтая Горюно́вы. Симе́йства, правда, нибальше́нинтия, сын иде́й-та па́то́ма пада́лси с сямьё́й, а ба́пка с де́дам так вазля́ астано́фти и фсю́ жы́зню пражы́ли, до́чиря нидалё́ко.*

Карпё́нковы – ‘дворовое имя семьи от фамилии Карповы’: *То́лика, Лю́дку, Во́фку так и дра́жняют Карпё́нковы. Вить а́ні та́х-то Ка́рповы. Тут во́та вазле́ нас ат нас йі́хний двор. Дом вон како́й стайі́ть большо́й, вон ско́льтя хат в нём. Да йих са́мих типэ́рича па сялу́ Карпё́новых то́жа мно́га.*

Кисе́лі – ‘дворовое имя семьи от фамилии Киселёвы’: *В э́нтаю вре́мя, калі́ те́хника пришо́ла в сяло́, шохве́ра в ца́не ста́ли. У Кисе́лёвых маши́на грузава́я фсяды́ ва дваре́. Пае́дя на ней на рабо́ту порáни, ве́рнитца. Кисе́ля́ми йих заву́ть, рась хтёй-та будя́ вспоминать хвамі́лю, ды и накой а́на трэбаи́цца? Мы па-прóстоу гутáрим, па-на́шинсти завéм ту́тошних. Кисе́лям ничижа́ло, э́жели калі́ на́да пиряве́сть, срáзам фсе́ е́дным ма́хом зде́лають: и са́лому с се́нам скати́ни пагру́зють, и привя́зють с по́ля, а дру́гим трэбаи́цца дя́дю найма́ть.*

Конча́кі – ‘дворовое имя семьи от фамилии Кончаковы’: *Тады́ чижэ́лаи бы́ли гадóчти, а э́нти зажы́тошина жы́ли, ла́пка свая́ дахо́д дава́ла. Шли́ фсе́ к Конча́ка́м. Ну апасля́ йим пришо́лся вон ско́льтя фсяго́ пиряжи́ть, кады́ кула́чили и сосла́ли. Конча́ковых ту́та прилі́чно, ну йих то́льтя фсех клі́чуть Конча́кі.*

Коробкі́ – ‘дворовое имя семьи от фамилии Коробовы: *Ві́тькин двор Коробкі́ па-у́лишному, та́х-то Ко́робовы ані́. Глядь, дамо́к сабе́ абло́жили, сталóк у ла́вочти паста́вили. Чиб было́ иде́ пасиде́ть ве́чиром з ба́ба́ми аль с мужу́ка́ми.*

Кострю́кі – ‘дворовое имя семьи от фамилии Кострюковы’: *Йі́хняя фа́мілья Кострюко́вы, ну а нихто́ ни заве́ть радові́ну та́х-то, то́льтя Кострюкі́. От ста́рых Кострюко́в типэ́рича ничаго́ ни аста́лася. Ма́ня забале́ла плахо́й балэ́зней, намучи́лася и памя́рла. Муж йи́ев тады́ поня́л, че́ биз жа́ны нялё́кко. Сыны́ с жэ́на́ми ла́дныи, павы́билися в лю́ди, займа́ють до́лжна́сти.*

Кудре́иши, Кудря́иш – ‘дворовое имя семьи от фамилии Кудряшовы’: *Тамáртин и Шу́ртин двор дра́жняют Кудре́иши, ані́-т вить Кудре́ишо́вы. У э́нтих Кудряше́й хло́пцы развясэ́лыи рябяты́ тады́ бы́ли. А паи́ли па уму́: пёрвай - ма́ряк, пла́вая, тады́ вярта́етца с дыньго́й. А дру́гой там во́на на пті́шнику рабо́тал. Сыча́с Кудря́иш дамо́к э́нтат ма́ли́нтий прада́ли, пиряи́ли в дру́гой, нидалё́ко атсэ́дова.*

Люба́ры – ‘дворовое имя семьи от фамилии Любаровы’: *Са́ику да фсю́ йі́хнюю па́дворю́ клі́чуть Люба́ры. Ані́ ж Люба́ровы. Збира́ють у сибé тады́шніи ма́шины, трахтарá. Та́ма те́хнити вазле́ двара́ нагна́ли, чаго́ то́льтя не́ту. И самасва́л, и Ура́л, и ГАЗо́н. Ста́рый йі́хов фсе́ валаке́ть ка́ двару́.*

Матвѣйчиковы, Матвѣйчики – ‘дворовое имя семьи от фамилии Матвеевы’: В энту пору Тóликовы с ягóвай мáтрей жíли. Да тóта, бувáлача, фсе са стáрыми праживáли, век та́кой тады́ был. Звать их тóта Матвѣйчиковы, хучь а́ні Матвѣевы. У сыно́ф типѣрича свайі да́ма, уж и у энти́х дѣтти к дѣлу падаши́, павыраста́ли, павы́фчилися. Матвѣйчики, гваря́, юры́стами рабо́тають.

Махины́ – ‘дворовое имя семьи от фамилии Махиновы’: У Пѣтти с Ва́сьтий атѣ́ц в калхо́зи в энту па́ру пост займа́л. Лю́ди ш ня зна́ли, чѣ тако́е калбасá, а а́ні йи́е уж ва всю ё́ли. Дра́жнють их Махины́, весь ро́д-та энто́т Махино́вых.

Ро́ги – ‘дворовое имя семьи от фамилии Роговы’: Ра́ни наро́д напро́иши был, а сыча́с уж дю́жа нясу́тца. Вот и энти Ро́ги, как трóити зажи́ли палу́ччи, на фсех ни глядя́ть. Та́ма чѣ стáрыи, чѣ малады́я Ро́говы.

Плешáки – ‘дворовое имя семьи от фамилии Плешаковы’: У нас абóя муж с жанóй Плеша́ки ско́льтя гадо́в витврача́ми рабо́тали. А́ні и на хвѣрми за скати́най сляди́ли. И у каго́ до́ма аль карóва тѣлитца, аль паслѣ́д ня вы́шел, их заву́ть. А у каго́ приві́вка парася́там трѣ́балася, аль жи́внaсть захварáла, паѣ́дутъ за йі́ми на двор, напро́сують энти́х Плешако́вых.

Поздня́ки – ‘дворовое имя семьи от фамилии Поздняковы’: Там во-во́на вазл́я дарóги в атр́яд дамо́к стайі́ть, живу́ть Поздня́ки. Дед Ми́шка фсю́ жи́зню в атр́яди прая́и́а́чил, он шóхвир. Бувáла ё́дя весь в смалѣ́, в саль́рте. Да и сыны́ ягóвыи, Поздняко́вы, то́жса малѣ́ня шохвері́ли. Чи́жѣла́й крестья́нскaй труд на́ш.

Проко́повы, Прокопѣ́нкины, Прокóпы – ‘дворовое имя семьи от фамилии Прокопенко’: Проко́повых у нас вон ско́льтя мно́га, да дру́жныи прамѣ́ж сабо́й. До́жнó а́ні Прокопѣ́нко, ну та́х-то ни завѣ́м их. Дю́жа прасты́я, и трудо́ги Прокопѣ́нкины. Сыча́с, гваря́, Проко́пы таргую́ть ко́рмам для курѣ́й, да и са́ми вы́раи́ивають скати́ну. Лю́ди бяру́ть. Бяз мя́са в дирѣ́вни ни праживѣ́шь. Вы́ха́жвають памно́га, хто на со́тни гало́ф бирѣ́ть, а хто и бо́ли, прадава́ть. На ры́нти ку́ря́тину купля́ють харашо́.

Пуза́ки – ‘дворовое имя семьи от фамилии Пузаковы’: Ии́ио́ там во́на живу́ть Пуза́ки. Па приро́де па свайі́ дю́жа краси́ваи, круглaли́цаи, смугла́и. Как врóди Пузако́вы па-насто́яи́шиму а́ні, ну дра́жнють Пузака́ми йі́хний род.

Скороду́мы – ‘дворовое имя семьи от фамилии Скородумовы’: Скороду́мы на Мали́нко́вай у́льцы пражива́ють. Эт кли́чтя йі́хния, пайма́еши, а так па даку́ментам Скороду́мовы. Дво́я у них сыно́ф уло́гаи, умо́м ни то как трóнутыи. Трѣ́тий сын и до́чера – энти нипла́хія, живу́ть сва́мі сѣ́мьями.

Ско́тники – ‘дворовое имя семьи от фамилии Скотниковы’: Ско́тники ии́ио́ у нас тóта е́сть. Чѣ́ жа, ду́мають, а́ні за скати́ной уха́жсвають. Ан нет, хва́ми́лия Ско́тниковы. Прасты́я дю́жа и аткр́ытаи. К ним фся́ды ва двор зайде́шь, а́ні намагну́ть табѣ́. **Сморчкі́** – ‘дворовое имя семьи от фамилии Морчевы’: Там на углу́ сіні́й дамо́к, Сморчкі́ живу́ть. Эт та́х-то дра́жнють Мо́рчевых. В йі́хом раду́ ё́дныи мужу́ти. Ма́тря да трѣ́тига ража́ла, ду́мала, мо́жа до́чиря буд́я. Ня вы́шло, то́льтя ря́бяты.

Суда́ки – ‘дворовое имя семьи от фамилии Судаковы’: Суда́ки фсе худю́и́шаи да вы́со́каи, ну дю́жа смі́рнаи. Нихто́ ничаго́ пра энто́т двор ня ка́жа. Сам он ле́ктрик, де́фти на учите́лѣв па-вы́фчилися, в шко́ли-т их заву́ть Судако́вы.

Супо́ны – ‘дворовое имя семьи от фамилии Супонины’: Супо́ны сыча́с живу́ть на Ма́ркаса, а дамо́к но́винтий пастро́или вазл́я магази́на. Дят́ям пастро́или, найма́ли плотняко́в а вѣ́рнутца а́ні суды́ аль нет апасл́я уче́би, нихто́ ня зна́я. Хва́ми́лия, па пра́вди, Супо́нины, ну на них ка́жуют Супо́ны.

Сушкі́ – ‘дворовое имя семьи от фамилии Сушковы’: Сушкі́ на Мали́нка́х живу́ть, йі́хний двор оттѣ́ля к кра́ю. Тады́, када́й-та, на энти́х мяста́х гарóды людскі́я бы́ли, а апасл́я паи́ню па́д застро́йто́у пиряда́ли. Це́льная у́льца но́вая пастро́илася. А́ні, да́жнó, Сушко́вы, ну мы завѣ́м Сушкі́.

Федóсы – ‘дворовое имя семьи от фамилии Федосовы’: Федóсы ра́ни на ча́тьвѣ́рта́м жи́ли с вя́сны па óси́нь, а́ні вади́ли пачалу́. Ульѣ́в дю́жа памно́га бы́ла. Йи́е-та трѣ́былася вы́вази́ть ф по́лю, чи́б ме́д таска́ла. Так во-во дра́жнили па хва́ми́лии па йі́хней, па Федóсовым. Тóта у них хатѣ́ночтя нибальше́нинтия вазл́е грѣ́ди́ра у астанóвти. А́ні и до́чирю ря́дом пасади́ли, живу́ть фсем ро́дом Фе́дóсы вме́сти.

Фо́ны – ‘дворовое имя семьи от фамилии Фоновы’: Фо́ны скати́ни ско́льтя де́ржуют, гарóд сажа́ють. Эт па йі́хний фами́лии так празва́ли, па Фо́новым. У них и лук, и картóхи отку́ль ядрѣ́ныи

фсяды? Дитей у Лёхи с Вáлей нѣту, хто гварить ат нягó, хто кáжа, чѣ ат ниѣ. Ну прамѣж сабо́й симѣйства ла́дують.

Хромыхи – ‘дворовое имя семьи от фамилии Хромыховы’: У Хромыхов ё́дная ба́пка Нью́рка аста́лася, де́да уж ско́лтыя нѣту. Дачаря́ по́да́ле жи́вуть, а к ей фсю вре́мю прия́зжа́ють. Фсе́ успява́ють, гаро́д нибальшо́й Хромыхи́ сажáють, для́ сибѣ́ выхáжсваю́ть, и унучáта тут бу́ваю́ть. Ани́ сабе́ на даму́ таблі́чтню павѣ́сили: «Хромыховы».

Чернышáтики, Чернышáтиковы, Черныхи́ – ‘дворовое имя семьи от фамилии Черных’: Чернышáтики́ три бра́та, ани́ дру́жить. Дво́я чѣ́ртють, рису́ють, тады́ вы́фчили́ся на чѣ́ртѣжни-ков. Ра́ни Чернышáтиковы́ бы́ли пѣ́рвыи жанихи́ на пасѣ́лку. Ате́ц у них уж по́мир. Типѣ́рича Черныхи́ за ма́трей при́глядва́ють, ей уж бо́ли во́симдисит гадо́чтєв. Кáжуть на них вот так, а са́ми ани, кро́де, Черныхи́.

Шиши́ – ‘дворовое имя семьи от фамилии Шишлянниковы’: У Шишóв в роду́ тады́ фсе́ бы́ла ла́дна-скла́дна, пакэ́дова Во́фка ня влез ф́ тю́рмю. Ско́лтыя фся́го́ бы́ло! Аль ча́го ни хватáло? По трóштити на́чил закла́двать за вара́тник и устра́ивать канце́рты. А типѣ́рича фся́ жи́знь напирка́сяк ва́ фсем роду́: и у нягó, и у ма́три, и у жане́ с дятя́ми. Атхло́пáчвали я́го, фсем сува́ли, пакэ́ль са́ми ога́ли́лися. Семья́-т Шишля́нниковых апозо́рная.

Шопѣ́ны – ‘дворовое имя семьи от фамилии Шопинские’: Шопѣ́нами у нас ны́ня дра́жняют симѣ́йству Шо́пинсти́х. Глянь, вазлѣ́ двора́ стайи́ть тялѣ́га, да сей па́ры дѣ́ржуть лошадѣ́нку. Ани́, вить, и хазя́йствам займа́ютца: па́рани фста́нут, и ко́сють тра́ву, и свóзють сѣ́ну. Да Ся́рѣга́ сам вон как жи́внать лю́бя, бис скати́ни никуды́. А ишишó́ ани́ уж дю́жа музыка́льнаи, он и на гармо́ни ре́жа, и на балала́йти.

Рассмотрим вторую группу уличных прозваний. Она репрезентируется 12 антропонимическими единицами.

2. Дворовые имена, данные по временному пребыванию (проживанию) на определённой территории или по месту жительства:

Ки́ца, Ки́цины, Ки́цєвы – ‘дворовое имя, данное по пребыванию отца в дагестанском селе Кища’: Ра́ни Ми́шка Ка́рпов ѣ́здил на дя́лам в Да́гяста́н, ат рабо́ти пасы́лали. Пакэ́ль та́ма побы́ли, дя́ла пападе́лали, а кали́ вярну́лися, ту́тошнии яму́ кли́чтню приля́тили Ки́ца. А на нѣ́м и се́мью фсю́ кли́чуть, весь и́йхов род. Та́ма уж и де́ти, и уну́ти взро́слыйи. Ани́ нидалѣ́ко от шко́ли фсе́ жи́вуть. У Ки́циных гаро́д, бува́лача, да сама́го ле́та в ваде́ стая́л, низи́на. Тады́ Ки́цєвы зе́млю завязли́, расшвы́ряли. Вро́де лу́ччи ста́ла. Сы́час ани́ на радíтильска́й уса́дьби бро́сили сажáть, тра́ву сѣ́ють, ни́чаго́ ня вы́зрѣва́я.

Кра́йневы – ‘дворовое имя, данное по проживанию на окраине посёлка’: Ра́йтину се́мью пра́д-ражнíли Кра́йневы, ха́та и́йхния стая́ла там во́на на краё́. Кали́й-то у́льца начина́лася оттэ́дова, эт типѣ́рича пасѣ́лак вон вить как расстро́илси. А тады́ э́нтага́ ни бы́ло. И хучь аста́лася в дамо́чти ё́дная ба́пка, малады́я типѣ́рича в свайи́х жи́вуть дама́х, род и́йхний называ́ють Кра́йневы.

Кубáнские, Кубаня́чы – ‘дворовое имя, данное по временному проживанию на Кубани’: Тады́ вре́мичтя́ трудо́ная вон кака́я была, апаслѣ́ вайны́ лю́ди ѣ́здили на Куба́нь хлопо́к убирáть, на жи́знь трóштити зарабо́тать. Вот ани́ малады́я муж с жанóй та́ма нямно́жичтя́ паубира́ли, да вярта́лися суды́. А лю́ди фсе́ гута́рили, как жа́ ани́ та́ма, на чужби́ни. С э́нтих пор Грíдневых, се́мью празва́ли Кубáнские, Кубаня́чы. Кубáнские дя́фчаты́ дю́жа дру́жнаи бы́ли, и́их трóя и ё́днaй брат. Тады́ у ста́рых Кубаня́чых ха́та фся́ды ухóжная бы́ла, фсе́ чи́стим-блíстим ва́ двару́, лю́дям на за́висть. Ну а скато́м сибѣ́ ани́ дю́жа ни насíлвали.

Куби́нцєвы – ‘дворовое имя, данное по проживанию в прошлом на Кубе’: Дани́л с Ра́ей дал-го́ньтя́ на ми́ру скита́лися, он вить ва́еннай бы́л. Куды́ паи́лють, туды́ и ѣ́хали. На Ку́би и́им дю́жа панра́вилася, кали́ та́ма жи́ли-служи́ли. А суды́ вярта́лися, пракли́кали Куби́нцєвы.

Курга́ны – ‘дворовое имя, данное по расположению дома’: Там во-во́на бы́ла вазвѣ́и́нать, курга́н. Лю́ди на ней ха́ту сабе́ пастро́или. И́их с э́нто́й па́ры та́х-то и пра́дражнíли Курга́ны.

Се́верные – ‘прозвище по проживанию в северной части посёлка’: Лѣ́нка с Я́шкой пастро́илися нидалѣ́ка ат я́говых радíтилеф. Ну хто́й-та ря́шил, чѣ́ рась ани́ на се́вири сля́, то бу́дуть Се́верные. Так и́йхний двор и кли́чуть. У них уж три пака́лє́нья в радовíне, прамѣ́ж сабо́й в ди́рэвни фсє́х дра́жняют Се́верные.

Цели́новы, Цели́нные – ‘дворовое имя, данное по временному пребыванию на целинных работах в Казахстане’: Тады́ ва́ вре́мю Хрущё́ва пасы́лали трахтарíстов на цели́ну, и Ма́ню с му́жем ту-

ды напра́вили. Та́ма Ми́шка ради́лси, оттэ́ля ани́ вярну́лися суды́. А яго́ с э́нтой поры́ прадра́жні́ли Цели́на. И тупе́рича то́льтя та́х-то и заву́ть йі́хний двор: Цели́новы, Цели́нные. Лю́ди йі́х уважа́ють, ані́ ту́та тады́ клубам заведэ́вали.

Шийся́тшесты́е – ‘дворовое имя, данное по номеру дома на улице’: *В адна́е вре́мю намяра́ ста́ли ве́шать на двары́. У Му́рцовых ха́та ста́ла шийся́т шеста́я, апасля́ э́нтага и прадра́жні́ли йі́х фсех Шийся́т шесты́е. Калі́ й́дешь мима́ йі́хнуга двара́, но́мир висі́ць, яго́ видэ́ць* – 66.

Таким образом, своё неофициальное именование род в языковом коллективе получал по разным фактам, и в том числе: по фамилии, по временному пребыванию (проживанию) членов семьи на определённой территории, а также по месту жительства.

Как видно из лексического материала, две группы семейно-родовых прозваний, зафиксированных в высококовском говоре, репрезентированы: 1) дворовыми отфамильными именами: *Абертя́и, Абертя́евы; Батра́ки; Горю́ны; Карпё́нковы; Кисе́ли; Конча́ки; Коробки́; Кострю́ки; Кудрэ́ши, Кудря́иш; Люба́ры; Матве́йчиковы, Матве́йчики; Махи́ны; Ро́ги; Плеша́ки; Поздня́ки; Проко́повы, Прокопе́ннины, Проко́пы; Пуза́ки; Скоро́думы; Ско́тники; Смorchки́; Судáки; Супо́ны; Сушкí; Федо́сы; Фо́ны; Хромы́хи; Черны́шати́ки, Черны́шати́ковы, Черныхí; Ши́иш; Шопе́ны*; 2) дворовыми именами, данными по временному пребыванию (проживанию) на определённой территории или по месту жительства: *Ки́ца, Ки́цины, Ки́цевы; Кра́йневы; Куба́нские, Куба́нчы; Куби́нцевы; Курга́ны; Се́верные; Цели́новы, Цели́нные; Шийся́т шесты́е*.

Со всей очевидностью можно утверждать, что отфамильные уличные прозвания, функционирующие в речи старожилов, представлены большим количеством ономастических единиц: 36 антропонимов. Дворовые имена, данные по временному пребыванию (проживанию) на определённой территории или по месту жительства, отмечены 12 антропонимами. Немногочисленность второй группы свидетельствует о том, что жители деревни крайне редко покидали родные места, а если и выезжали по каким-либо причинам, то такие случаи их жизни находили отражение в речи односельчан.

Перечень антропонимов позволяет указать на вариативные дворовые именованья. Среди них интерес вызывают следующие семьи, имеющие по 2 прозвания: *Абертя́и, Абертя́евы; Куба́нские, Куба́нчы; Кудрэ́ши, Кудря́иш; Матве́йчиковы, Матве́йчики; Цели́новы, Цели́нные*; по 3 прозвания: *Ки́ца, Ки́цины, Ки́цевы; Проко́повы, Прокопе́ннины, Проко́пы; Черны́шати́ки, Черны́шати́ковы, Черныхí*. Нужно сказать, что такое маркирование людей земляками свидетельствует о своеобразном выделении названных родов из местного социума, как кажется, и с учётом проявления к ним определённого отношения. Показателями его является присутствие в прозваниях определённых суффиксов, с помощью которых выражается то или иное значение.

Так, в частности, экспрессивная окраска создаётся за счёт суффикса *-чик-*, имеющего уменьшительное значение: *Матве́йчиковы, Матве́йчики*; за счёт *-ёнк-, -ат-* – уменьшительно-ласкательное значение: *Карпё́нковы, Черны́шати́ки, Черны́шати́ковы* и др. Добавим, что суффикс *-к-* в семейных именованьях *Коробки́, Смorchки́* служит, на наш взгляд, показателем положительной оценки в речи говорящего. Пренебрежительное значение, как полагаем, имеет антропоним *Куба́нчы* за счёт суффикса *-яч-*. Итак, оказывается, ономастические единицы выполняют номинативную и оценочную функцию.

Стоит обратить внимание на то, что в качестве одного из способов образования дворовых имён выступает суффиксация. Так, лексемы с формантом *-ов-*: *Проко́повы←Прокопенко, Цели́новы←Целина; -ев-*: *Ки́цевы←Ки́ца, Кра́йневы←Крайний, Куби́нцевы←Куба; -ин-*: *Ки́цины←Ки́ца, Прокопе́ннины←Прокопенко; -ат-, -ик-, -ов-*: *Черны́шати́ки, Черны́шати́ковы←Черных; -чик-*: *Матве́йчиковы, Матве́йчики←Матвеевы; -ёнк-*: *Карпё́нковы←Ка́рповы, -ан-, -ск-, -яч-*: *Куба́нские, Куба́нчы←Куба; -к-*: *Коробки́←Ко́ровы* и др.

В нашем небольшом семейном именнике отмечено прозвание, образованное с помощью префикса и суффикса: *Смorchки́←Мо́рчевы*. И два прозвания, образованные в результате изменения звукового состава фамилии *Аверья́новы*, выглядят как искажённый её вариант: *Абертя́и, Абертя́евы*. Эти примеры являются единичными в системе говора.

Отдельно следует выделить группу антропонимов, образованных усечением фамилии. Она состоит из 21 именованья: *Горю́ны←Горюно́вы; Батра́ки←Батрако́вы; Кисе́ли←Киселёвы; Конча́ки←Кончако́вы; Кострю́ки←Кострюко́вы; Кудрэ́ши←Кудряшо́вы; Люба́ры←Люба́ровы; Махи́ны←Махино́вы; Ро́ги←Ро́зовы; Плеша́ки←Плешако́вы; Поздня́ки←Поздняко́вы; Проко́пы←Прокопе́нко; Пуза́ки←Пузако́вы; Скоро́думы←Скороду́мовы; Ско́тники←Ско́тниковы; Су-*

даки←*Судакóвы*; *Супонь*←*Супóнины*; *Сушкí*←*Сушкóвы*; *Федóсы*←*Федóсовы*; *Фóны*←*Фóновы*; *Хромьíхи*←*Хромышовы* и др. Считаем, что в названных неофициальных именах нашла отражение экономия речевых средств.

Небезынтересен факт функционирования в поселковом коллективе нескольких ономастических единиц с двойной мотивацией, «когда фамилия (или часть её) наталкивает на ассоциации» [25: с.115]. Особенно среди них выделяются: *Шопéны*←*Шóпинские* (за музыкальные способности); *Шишí*←*Шишля́нниковы* (за то, что остались ни с чем).

Наконец, нельзя не заметить, что отражённые в воронежском говоре дворовые именованья являются особым архаичным пластом народной речи, свидетельствуют о богатой картине мира диалектоносителей, включающей факты жизни и сведения о деревенском пространстве. Среди таких реалий: жилища людей и характеристика сельских усадеб, место проживания и состав семьи, семейные взаимоотношения и физические особенности рода, оценка односельчанами земляков, профессиональная занятость и отношение к труду, сельскохозяйственные работы и плодородие земли, домашние животные, пчеловодство, огородничество и мн. др.

Завершая исследование, следует сказать, что данная статья вносит определённый вклад в изучение антропонимикона и диалектных особенностей нашего региона. Она демонстрирует большой интерес автора к великолепию живого народного языка.

Чрезвычайно важно мнение известного российского диалектолога Л.Я. Костючук о том, что «бережное отношение к памятникам и современным говорам, продолжение экспедиционных исследований и в современных условиях служат сохранению сведений и о населении определённой территории, и о языке определённого региона» [26; с. 103].

Библиографический список

1. Королёва И.А. Становление русской антропонимической системы: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2000. 387 с.
2. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 26 с.
3. Щербак А.С. Региональный антропонимикон (этнолингвистическое осмысление) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2004. С. 179.
4. Щербак А.С. Диалектная лексика в ономастике Тамбовской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004. СПб.: Наука, 2004. С. 206-212.
5. Шевляков А.В. Антропонимикон диалектной языковой личности: аспекты изучения // Филологические науки. М., 2006. С. 93-97.
6. Гузнова А.В. Прозвища как микроантропонимы: дифференциальные признаки // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 36-39.
7. Гузнова А.В. Роль прозвищ в жизни общества (на материале арзамасских говоров) // Тамбов: Грамота, 2018. № 1. 1(79). Ч.1. С. 89-93.
8. Рут М.Э. Об ономастике и диалектной лексикографии (из опыта работы над дополнениями к «Словарю говоров Русского Севера») // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2019. С. 292-293.
9. Кучко В.С. К семантико-мотивационной реконструкции русских диалектных слов, обозначающих группы людей // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2019. С. 188-191.
10. Верховых Л.Н. Региональные прозвища (на материале с. Красного Новохоперского района Воронежской области) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 201-207.
11. Верховых Л.Н. Некалендарные имена в составе уличных фамилий (на материале с. Абрамовка Таловского района Воронежской области) // Истоки. Научно-популярный альманах. Вып. 5. Борисоглебск: БГПИ, 2006. С. 21-25.
12. Верховых Л.Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2007. №1(8). С. 87-95.

13. Горелова Л.Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: 1746-2010 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 19 с.
14. Бунчук Т.Н. Антропонимическая система села Лойма / Т. Н. Бунчук, Е. Л. Прописнова // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 8-30.
15. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. С. 3.
16. Никонов В.А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. С. 6.
17. Сироткина Т.А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/antroponimy-v-leksicheskoi-sisteme-odnogo-govora-i-ikh-leksikografiya-v-nedifferentsialnom> (дата обращения 15.11.2021).
18. Недоступова Л.В. Мужские прозвища в Воронежской области // Русская речь. Вып. № 1. Москва: РАН, 2016. С. 92-95.
19. Недоступова Л.В. Женские уличные имена в Воронежской области // Русская речь. Вып. № 2. Москва: РАН, 2018. С. 89-95.
20. Недоступова Л.В. Необычные сельские уличные именованья // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения актуального знания в учебный процесс. Борисоглебск, 2021. С.158-164.
21. Недоступова Л.В. Своеобразие женских уличных имён воронежской глубинки // RUSISTIKA BEZ GRANICI. Sofia, 2021. Volume V. Issue 3. S. 7-15.
22. Недоступова Л.В. Деревенская семейская антропонимия в народной речи Воронежского края // Наука и мир в языковом пространстве. Макеевка, 2021 г. С. 64-74.
23. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/html> (дата обращения 15.11.2021).
24. Гряднева Л.М. Высокий: время, события, люди. 1922-2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007. С.1.
25. Боронина О.В. К вопросу об отфамильных прозвищах // Вопросы ономастики. 1980. Вып. 14. С. 111-115.
26. Костючук Л.Я. Свидетельства об истории языка и народа (по псковским памятникам письменности и народным говорам) // Актуальные проблемы диалектологии. Вологда: «Русь», 2000. С. 101-103.

References

1. Koroleva I.A. Formation of the Russian anthroponymic system: dis. ... doct. philol. sciences. Moscow, 2000. 387 p.
2. Denisova T.T. Nicknames as a type of anthroponyms and their functioning in modern speech communication (based on the nicknames of the Shumyachsky and Ershichsky districts of the Smolensk region): author. diss. ... Cand. philol. sciences. Smolensk, 2007. 26 p.
3. Shcherbak A.S. Regional anthroponymicon (ethnolinguistic understanding) // Russian language: historical destinies and modernity. M.: MGU, 2004. S. 179.
4. Shcherbak A.S. Dialectal vocabulary in the onomasticon of the Tambov region // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2001-2004. Saint Petersburg: Nauka, 2004. S. 206-212.
5. Shevlyakov A.V. Anthroponymicon of a dialectal linguistic personality: aspects of the study // Philological sciences. M., 2006. S. 93-97.
6. Guznova A.V. Nicknames as microanthroponyms: differential signs // Baltic Humanitarian Journal. 2016. Vol. 5. No. 3 (16). S. 36-39.
7. Guznova A.V. The role of nicknames in the life of society (based on the Arzamas dialects) // Tambov: Gramota, 2018. № 1. 1 (79). Part 1. S. 89-93.
8. Ruth M.E. On onomastics and dialectal lexicography (from the experience of working on additions to the "Dictionary of Russian North Dialects") // Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Ekaterinburg, 2019. S. 292-293.
9. Kuchko V.S. Towards a semantic and motivational reconstruction of Russian dialect words denoting groups of people // Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Yekaterinburg, 2019. S. 188-191.
10. Verkhoviyh L.N. Regional nicknames (based on the material of the village of Krasnoy, Novokhopersk district of the Voronezh region) // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: VGPU, 2005. S. 201-207.
11. Verkhoviyh L.N. Non-calendar names in street names (based on material from Abramovka, Talovsky district, Voronezh region) // Istoki. Popular science almanac. Issue 5. Borisoglebsk: BGPI, 2006. S. 21-25.
12. Verkhoviyh L.N. Surnames with a dialectal base in the lexico-semantic aspect // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical-didactic research. Voronezh, 2007. No. 1 (8). S. 87-95.

13. Gorelova L.D. The history of the surnames of the inhabitants of the village. Chigorak, Borisoglebsk district, Voronezh region: 1746-2010: author. dis. ... Cand. philol. sciences. Voronezh, 2011. 19 p.
14. Bunchuk T.N. Anthroponymic system of the village of Loima / T. N. Bunchuk, E. L. Propisnova // Scientific dialogue. 2015. No. 9 (45). S. 8-30.
15. Bondaletov V.D. Russian onomastics. M.: Education, 1983. p. 3.
16. Nikonov V. A. Name and Society. Moscow: Nauka, 1974. p. 6.
17. Sirotkina T.A. Anthroponyms in the lexical system of one dialect and their lexicography in the nondifferential dialect dictionary [Internet source]. URL: <https://www.dissercat.com/content/antroponimy-v-leksicheskoi-sisteme-odnogo-govora-i-ikh-leksikografiya-v-nedifferentsialnom> (date of application: 15.11.2021).
18. Nedostupova L.V. Male nicknames in the Voronezh region // Russian speech. Issue No. 1. Moscow: RAS, 2016. S. 92-95.
19. Nedostupova L.V. Women's street names in the Voronezh region // Russian speech. Issue No. 2. Moscow: RAS, 2018. S. 89-95.
20. Nedostupova L.V. Unusual rural street naming conventions // Epistemological foundations of modern education: topical issues of promoting actual knowledge in the educational process. Borisoglebsk, 2021. S. 158-164.
21. Nedostupova L.V. The originality of female street names in the Voronezh province // RUSISTIKA BEZ GRANICI. Sofia, 2021. Volume V. Issue 3. S. 7-15.
22. Nedostupova L.V. Village Semeiskaya Anthroponymy in the Folk Speech of the Voronezh Territory // Science and World in the Language Space. Makeevka, 2021. S. 64-74.
23. Efremova T.F. Explanatory dictionary of the Russian language [Internet source]. URL: <https://www.efremova.info/html> (date of application: 15.11.2021).
24. Gridneva L.M. High: time, events, people. 1922-2007. Talovaya: Talovskaya district edition, 2007. p.1.
25. Boronina O.V. On the question of surname nicknames // Questions of onomastics. 1980. Issue. 14. S. 111-115.
26. Kostyuchuk L.Ya. Testimonies about the history of the language and the people (according to the Pskov monuments of writing and folk dialects) // Actual problems of dialectology. Vologda: "Rus", 2000. S. 101-103.

УДК 81'23

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.36.28.002

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
аспирант кафедры журналистики
института общественных наук
и массовых коммуникаций
Осипова Е.А.
Россия, г. Белгород, тел. +7 952-430-88-17
e-mail: osipova_e@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University
Postgraduate student
of the Journalism Department
of the Institute of Social Sciences
and mass communications
Osipova E.A.
Russia, Belgorod, tel. +7 952-430-88-17
e-mail: osipova_e@bsu.edu.ru*

Е.А. Осипова

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В XXI веке Россия столкнулась с проблемами, вызванными цифровой глобализацией, оказывающей качественное влияние на все сферы жизни и деятельности общества. Статья посвящена осмыслению медийного аспекта общественного диалога, касающегося моделирующего воздействия цифровой глобализации на русскую словесность. Вследствие экспансии сетевой культуры русская речь «перенасыщается» англицизмами, жаргонизмами и интернетизмами, которые широко тиражируются и распространяются в сетевом пространстве. В связи с этим особое внимание в средствах массовой информации обращается на проблему снижения качества владения языком – он упрощается и обедняется. На стремительное падение статуса русского языка оказывает воздействие и агрессивная дисплейная коммуникация, инструментами которой являются упрощения, сокращения, смайлы, аниме, гиперссылки. Современный человек получает большую часть информации из Интернета, в котором текст «теряет свою сакральность». Цифровые технологии обуславливают снижение культуры чтения, книга перестает быть главным проводником знаний. Серьезную озабоченность вызывает неспособность детей «цифровой эры», читающих с экранов гаджетов, к глубокому анализу и осмыслению литературных произведений, наблюдается дефицит концентрации внимания и, как следствие, неспособность к грамотной речи и письму. Негативные последствия цифровой глобализации отражаются и на состоянии русской литературы, которая все чаще подменяется современным «легковесным чтивом», набирающим популярность в Интернете. Этому процессу сопутствует «мельчание» писателей, потеря ими высочайшего в культуре статуса «инженеров человеческих душ». Сегодня приоритетной задачей общества является сохранение русской словесности как несомненной духовной ценности.

Ключевые слова: русская словесность, культура, цифровая глобализация, трансформация, культурная идентичность, духовная ценность.

Е.А. Осипова

RUSSIAN LITERATURE IN THE ERA OF DIGITAL GLOBALIZATION

In the XXI century, Russia has faced problems caused by digital globalization, which has a qualitative impact on all spheres of life and activity of society. The article is devoted to understanding the media aspect of public dialogue concerning the modeling impact of digital globalization on Russian literature. Due to the expansion of the network culture, Russian speech is "oversaturated" with Anglicisms, jargonisms and internetizms, which are widely replicated and distributed in the network space. In this regard, special attention in the media is drawn to the problem of reducing the quality of language proficiency – it is simplified and impoverished. The rapid decline in the status of the Russian language is also affected by aggressive display communication, the tools of which are simplifications, abbreviations, emoticons, anime, hyperlinks. A modern person receives most of the information from the Internet, in which the text "loses its sacredness". Digital technologies cause a decline in the culture of reading, the book ceases to be the main conductor of knowledge. Serious concern is caused by the inability of children of the "digital era", reading from the screens of gadgets, to in-depth analysis and comprehension of literary works, there is a lack of concentration of attention and, as a result, inability to literate speech and writing. The negative consequences of digital globalization are also reflected in

the state of Russian literature, which is increasingly being replaced by modern "lightweight fiction", which is gaining popularity on the Internet. This process is accompanied by the "shallowing" of writers, the loss of their highest status in culture as "engineers of human souls". Today, the priority task of the society is to preserve Russian literature as an undoubted spiritual value.

Keywords: Russian literature, culture, digital globalization, transformation, cultural identity, spiritual value.

В XXI веке Россия столкнулась с проблемами, вызванными цифровой глобализацией, оказывающей качественное влияние на все сферы жизни и деятельности общества, ослабляющей его связь с духовной традицией и формирующей культуру, которая не только «все упрощает, все снижает» [1, с. 10], но и ведет к изменению «менталитета как стиля мышления в сторону... универсализации... всей системы материальных и духовных ценностей» [2, с. 201-202]. В этом контексте особую значимость приобретают вопросы сохранения обществом своей культурно-мировоззренческой позиции через литературу и язык, фиксирующий «особенности мироощущения и миропонимания говорящих на нем людей, систему их взглядов, ценностей, представлений, воззрений, верований, направленность их мысли и внимания, их уникальный социальный, интеллектуальный, эмоциональный и коммуникативный опыт, полученный в разных обстоятельствах жизни, их способность к нравственной и эстетической оценке событий социальной действительности» [3, с.231]. Сегодня, как сказал Президент РФ В.В. Путин, «речь идёт о сохранении... национальной идентичности, о том, чтобы... оставаться народом со своим характером... традициями... самобытностью... Литературное наследие России и уникальный по своей выразительности и многогранности русский язык – это наше национальное достояние..., которое обязаны сохранять» [4, с. 1].

Непосредственным предметом рассмотрения в статье является медийный аспект общественного диалога, касающийся моделирующего воздействия на русскую словесность цифровой глобализации.

Цель работы – выделить ключевые аспекты дискуссии, развернутой на страницах «Литературной газеты» и газеты «Культура» (в период 2012-2021 гг.) и посвященной происходящим в русском языке и литературе переменам.

Русская словесность – несомненная духовная ценность российского общества, его важнейший духовный ресурс, хранилище его интеллектуально-нравственных представлений, поэтому ее состояние, ее актуальная динамика, обусловленная глобальными обстоятельствами жизни, волнует сегодня не только филологов, но и самую широкую общественность – представителей культуры, политики, власти и духовенства. Сегодня есть общее понимание того, что «духовная связь с родной землей осуществляется через ценностное отношение к родной культуре и родному слову» [5, с.634].

Любовь к русской словесности воспитывается, в первую очередь, семьей и школой, однако сегодня, на чем фокусируется медийный диалог, в российских школах сокращается количество часов на изучение родного языка и литературы. В образовательной политике, как утверждает доктор филологии, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина В.И. Аннушкин, уделяется недостаточное внимание обучению и сохранению культуры речи, ее значимость не осознается обществом в полной мере. Исследователь, обращая внимание на исчезновение самого понятия «красноречие», заявляет: «Учить надо не только запятые расставлять, а науке и искусству речи, которые изначально и являются в русской традиции филологией, словесностью» [6].

По наблюдению заслуженного работника культуры С.Н. Рыкова, недостаточное количество времени на изучение литературных произведений, неинтересная подача учителями материала не только приводит к его поверхностному осмыслению, но мотивирует «бурный процесс отторжения классики» от обучающихся. Читаемые учениками произведения практически не обсуждаются с преподавателями на уроках литературы, а в число «любимых» у современной молодежи входят произведения не с «золотой полки», к которой традиционно относились Л. Кассиль, В. Каверин, К. Булычев, Г.Х. Андерсен, А. Линдгрен, Д. Свифт и многие другие выдающиеся писатели, а «фэнтези, фантастика, детективы, приключенческая и мистическая проза, разного рода антиутопии и постапокалиптические саги» [7, с.24-25].

Задача учителя, как считает педагог-словесник С.В. Федоров, не должна сводиться лишь к прочтению с учениками большого количества книг: детей нужно «научить читать сложные произведения самостоятельно и с удовольствием, а для этого нужно время... филологическое чтение – это медленное чтение» [8]. На самом деле, трудно переоценить роль учителя-словесника в образовательно-воспитательном процессе, ведь работа с детской душой – это «настоящее искусство, к этому надо иметь призвание, талант. Обсудить тему урока с ребёнком так, чтобы ему было интересно, судьбы литературных героев экстраполировать на современную жизнь, на те проблемы, которые волнуют детей...» [9, с.7-8], – подчеркивает руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский

В медийном диалоге в фокусе внимания оказывается культура речи на отечественном телевидении и радио. Авторами отмечается, что сегодня можно услышать «профессионалов», которые искажают русскую речь: «Излишне напористые интонации, невнятная скороговорка... Родной язык теряет свою чёткость, превращается в размытое мычание» [10, с.19]. Руководство СМИ не озабочено тем, что при такой подаче информации аудиторией не только не воспринимается ее суть, но и утрачивается восприятие родного языка, родного слова как несомненной духовной ценности.

В фокусе обсуждения на страницах рассматриваемых изданий оказывается проблема снижения качества владения языком, частого употребления в речи англицизмов, жаргонизмов и интернетизмов. Язык упрощается и обедняется, превращаясь, по мысли доктора филологических наук, профессора, проректора по научной работе Московского института лингвистики А.В. Кирилиной, в «произвольный набор знаков... который служит переносу информации... не вызывает эмоций и не влияет на мышление» [11, с. 13]. Особую обеспокоенность вызывает доминирующая позиция английского языка во многих сферах коммуникации, и, как следствие, перенасыщение родного языка англоязычными заимствованиями. А.В. Кирилина предупреждает, что «английские названия товаров и рекламные стратегии представляют глобальную эстетику, глобальную систему ценностей... создаётся и новая система убеждений и социальных поведенческих образцов. Важнейший результат этого – возникновение элиты, ориентирующейся на глобальное, её культурное отчуждение от остальных и возникающая из-за этого социальная поляризация» [11, с. 13]. Обращается также внимание на то, что в стране, где русский язык является государственным и подлежит обязательному использованию, происходит открытое пренебрежение законом. Так, в билете «Аэрофлота», как замечает на страницах «№Литературной газеты» заместитель председателя Совета Федерации В.А. Штыров, практически нет ни одного русского слова: «Сотни тысяч людей, живущих в России, вправе спросить: почему... их вынуждают искать переводчиков, чтобы разобраться в купленном за их же деньги документе?... На магазинах и лавках...иностранные слова...Тут вам Boutique Chantal и World Gold, CARNABY, TJ COLLECTION, L'OCCITANE...» [12, с. 14].

В своей публикации он также замечает, что на российском телевидении и в печати стало популярным обращение к взрослым по имени без отчества по аналогии с западными этическими нормами. «...Отчество не случайно имеет один корень с Отечеством. Выбрасывается одно, теряет прочность другое... Сначала отказываемся от родного языка, потом – от отчества, а в конце концов – от Отечества» [12, с. 14].

Пристрастие россиян к «англо-американизмам», как подчеркивает известный российский писатель и литературовед Е.Г. Водолазкин, свидетельствует о «комплексе неполноценности»: «в мире мы до сих пор чувствуем себя провинциалами... Разве та культура, которую мы создали, не позволяет нам быть самодостаточными?» [13, с. 284].

Сегодня исследователи обращают внимание на то, что статус русского языка стремительно падает под влиянием агрессивной дисплейной коммуникации, инструментами которой являются упрощения, сокращения, смайлы, аниме, гиперссылки и др. [14, 15, 16, 17]. Большую часть информации современный человек получает из Интернета, в котором «текст потерял свою сакральность – отсюда вольное с ним обращение. В итоге, – отмечает ректор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, профессор М.Н. Русецкая, – дети и молодежь...пытаются переносить некоторые элементы дисплейной коммуникации в устное и письменное общение» [18, с.м3]. Отсечь подростков от увлеченности цифровыми коммуникациями уже невозможно, поэтому современный педагог должен уметь включить в жизнь «цифровых детей» как несомненные духовные ценности родной язык и великую русскую литературу. Как отмечает А.В. Полонский: «Сегодня...востребован не просто специалист, обладающий совокупностью необходимых профессионально-педагогических квалификаций, а человек, отличающийся сформированной системой ценностей и широким предметным и гуманитарным кругозором, свободно ориентирующийся в мире информации и медийных технологий...» [19]. Очевидно, что важнейшей задачей сегодня становится формирование у обучающихся компетенций, необходимых в новых социальных условиях для правильного взаимодействия с новой коммуникационной средой, «обеспечивающих человеку способность повысить свой уровень понимания социальной динамики, отказаться от облегченной интерпретации социальных и культурных реалий, управлять все более усложняющимся педагогическим процессом, сотрудничать и вступать в профессиональный диалог с другими людьми при разных обстоятельствах и для решения различных задач, преодолеть оправдание инертности собственной мысли и желания «поручить себя другому», научиться представлять культурно-мировоззренческие приоритеты и понимать истинные ценности в жизни» [20, с. 631].

На страницах «Литературной газеты» велась полемика, касающаяся нового образовательного стандарта по литературе. В вопросе соотношения количества произведений классиков и современных авторов в

школьной программе мнения специалистов разделились. В частности, Гильдия словесников во главе с председателем С.В. Волковым выступила против перекоса в сторону классики: «...детям придётся прочесть 235 классических произведений, а на современные... не останется времени» [21, с. 4-5]. Профессор МПГУ, председатель Федеральной комиссии разработчиков ЕГЭ по литературе С.А. Зинин объясняет необходимость преимущественно классической составляющей в новой редакции стандарта: «Классика до сих пор волнует душу, и хороший учитель всегда сможет приблизить её к сердцу ребёнка... Далеко не вся современная литература «отлилась в бронзу», и мы не можем давать её в обязательном списке» [21, с.4-5].

Важной темой для широкого обсуждения в медиа профессиональным сообществом явилось возвращение в школы в 2014-2015 учебном году выпускного сочинения по литературе, которое, по мысли ученых В.В. Агеносова и М.М. Голубкова, «должно... обнаруживать понимание литературы как сферы национального самосознания, формирующей важнейшие нравственно-этические ценности и гражданскую позицию молодого человека, ориентирующие его на национальные, а не на «глобалистские» стандарты и ценности» [22, с. 11]. Большинство учителей-словесников положительно относится к письменной форме работы, направленной на качественное изменение образовательного процесса, на повышение читательской культуры обучающихся и формирование умения мыслить самостоятельно. Профессор МПГУ И.Г. Минералова считает сочинение необходимостью: «даже много читающие дети затрудняются в письменном и устном изложении изученного, а уж для большинства мало читающих письменный ответ на вопрос... погружает в депрессию или учит «выворачиваться» [23]. Однако новая форма сочинения, по мнению специалистов, разительно отличается от традиционной, которая была направлена на изучение не только биографии писателей и эпохи, но и на глубокий анализ произведений, осмысление позиции автора. Современная форма сочинения, названная профессором МГУ М.М. Голубковым «экзаменом по демагогии» [24, с. 11], отрицательно повлияла на письменную речь выпускников. Как отмечают учитель русского языка и литературы лицея № 4 г. Ейска И.В. Бондаренко и доцент филологического факультета МГУ Н.В. Николенкова, «сочинения содержат множество шаблонных структур, идеологических и смысловых клише... изобилуют штампами и канцеляризмами», необходимо «вернуться к сочинению по литературе, имеющему трёхсотлетнюю традицию русской школы» [25, с. 23]. Проведение итогового сочинения в декабре, а не в конце учебного года негативно отразилось на изучении программного материала по литературе, – уверена поэтесса и педагог И.А. Кабыш. Все осенние месяцы «учитель, игнорируя Чехова, Бунина и Горького, натаскивает выпускников на итоговое сочинение... Литература... учит отличать не ямб от хорея, а добро от зла, а это... необходимо человеку любой профессии» [26, с. 25].

Наряду с тем, что на изучение русской литературы в школах отведено недостаточное количество часов, на страницах изданий поднимается проблема целесообразности включения в программу произведений ряда современных писателей. По замечанию российского писателя и публициста, заместителя главного редактора журнала «Историк» А.А. Замостьянова, «русскую литературу выдавливают из школы. Но в скукоженной программе нашлось место для Виктора Пелевина, Асара Эппеля, Людмилы Улицкой – писателей, у которых есть поклонники, но нет бесспорной репутации всенародного достояния» [27, с. 9]. Арсений Александрович убежден, что литературе нужны не инновации, не «примоднённый фасад», а сохранение традиции, которая есть суть образования: «русская классическая литература – по крайней мере от Пушкина до Чехова – это чудо, которое повторится у нас не раньше, чем в Афинах появится новая троица трагиков» [27, с. 9].

Действительно, многие современные писатели и поэты уже не оказывают того огромного влияния на общество, как это было ранее, когда их по праву называли «инженерами человеческих душ». Главный редактор газеты «Культура», писатель П.В. Власов полагает, что это связано с рядом причин: «Атомизация, дробление, распад на «тусовки для своих», в рамках которых работают локальные «базары тщеславия» с дефицитом неизвестных большинству россиян литературных премий» [28, с. 32]. Закономерно, что произведения таких авторов не отличаются глубиной мысли, масштабом описываемых проблем и богатством языка. Писатель отмечает, что современная отечественная литература не пользуется авторитетом. Опасной тенденцией, по его мнению, также становится стремление издательств к сотрудничеству не с писателями, а с блогерами и «медийными звездами», имеющими миллионную аудиторию в социальных сетях. Петр Васильевич предлагает начать возрождение литературы с «возвращения прежнего статуса материальной, напечатанной книге», которая «обладает реальной творческой ценностью...»: «...литературу нельзя заменить «блогерами», так как те не способны создавать сложносочиненных, многомерных смыслов, вокруг которых и выстраивается национальная матрица» [28, с. 32].

О том, что в литературной среде происходит «мельчание» или даже «обнуление писателей», заявляет и вице-президент Русского ПЕН-центра Б.Т. Евсеев. Многие уходят в блогосферу, скрываясь за никнеймами, предпочитая глубоким произведениям написание лонгридов. Один из таких «творцов» в разговоре с Борисом Тимофеевичем поделился информацией: «И денежка каплет, и думать шибко не надо. А то замыслы, язык, композиция... А новейшее письмо, оно ничего авторского не требует: лови себе информационный шум и словечки из компа выуживай! Им молодёжь «внемлет»...» [29, с. 25]. Однако без великих замыслов, делает вывод автор, нет ни великой литературы, ни языка. И, как следствие, нет национального сознания. Сегодня создаются непрофессиональные группы, называющие себя союзами писателей. Состоят они из псевдописателей, составителей текстов и графоманов, чьи произведения не соответствуют литературным стандартам. Эту проблему в своем интервью «Литературной газете» акцентированно обозначил Глава Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Б.А. Орлов: «...современные фальшивые авторитеты от литературы... являются «бойцами» идеологического фронта. Их цель – деньги и сомнительная слава. Ради этого они готовы на всё – очернение истории своей страны, клевету в сторону представителей традиционных ценностей, двойные стандарты, разврат и моральное разложение...» [30, с. 17]. Борис Александрович подчеркивает, что речь идет о том, чтобы целенаправленно отстранить молодежь от реальной жизни и «окунуть» в виртуальный мир. Неслучайно большей популярностью у молодых людей пользуются хоббиты и гномы, а не герои реальной жизни [30, с. 17].

Великая русская литература должна, наконец, занять достойное место во всех образовательных учреждениях страны, – пишет архимандрит Тихон (Шевкунов). Первым шагом должно стать увеличение количества часов на изучение литературы в школах: «...приобщение к великой русской литературе и к культуре в целом – это не просто образовательная задача, а важнейший фактор духовного притяжения, благодаря которому объединяются разные народы, люди разных религий и даже убеждений» [31, с. 1]. Советский и российский кинорежиссёр, Генеральный директор и председатель правления киноконцерна «Мосфильм» К.Г. Шахназаров предложил, в свою очередь, ввести в школах обязательный экзамен по литературе, а во всех высших и средних учебных заведениях – курс классической русской литературы [31, с. 1].

Общенациональной тревогой является деградация культуры чтения, потеря книгой статуса главного проводника знаний и информации. Еще несколько десятилетий назад книга считалась лучшим другом человека, в ней он искал ответы на волнующие вопросы, учился анализировать поступки людей. Главный редактор «Литературной газеты» М.А. Замшев с удовлетворением вспоминает время, когда чтение было главным занятием на досуге. «Сейчас...входишь в книжный магазин, и глаза разбегаются. А того интереса к книгам, который был 30 лет назад у народа нет и в помине» [32, с. 3]. Советские граждане стремились собрать домашнюю библиотеку, книга, в некотором роде, воспринималась как атрибут роскоши и ценный подарок. В наши дни «градус общественного внимания к литературе снижается», – считает советник Президента России по культуре В.И. Толстой, поскольку у нее появился серьезный конкурент – Интернет [32, с. 3]. С развитием цифровых технологий Россия потеряла свое почетное звание самой читающей страны мира: «По статистике, российские граждане...отводят чтению книг в среднем лишь 9 минут в сутки...Классическая литературная речь... сегодня воспринимается... как исключение, а пренебрежение правилами родного языка становится нормой... в том числе, и в средствах массовой информации, и в киноиндустрии», – отметил глава государства в своем выступлении на Российском литературном собрании [33, с. 1].

Как многократно отмечается в медиапубликациях, читающие с экранов гаджетов «дети цифровой эры» оторваны от традиционного чтения, у них возникают сложности при работе с учебными текстами: школьники не способны к глубокому анализу материала, его осмыслению, попутно отвлекаются на игры и различную информацию в глобальной сети: «Чтение становится более прерывистым, фрагментарным, мимолетным, а восприятие – клиповым, поверхностным. Многие учителя и психологи... выделяют даже новую болезнь – «дефицит концентрации внимания», – подчеркивает Н.А. Борисенко, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, эксперт Русской ассоциации чтения [34]. Неспособность к грамотной речи и письму, пониманию смысла прочитанного отмечались учеными у школьников еще в конце 90-х гг. прошлого века. Этот феномен получил название «функциональной неграмотности». Тридцатилетние люди сегодня не способны отличить классику от «бульварного чтива»: «Преступление и наказание»... воспринимают как тягостный детектив, «Анну Каренину» – как глупую мелодраму, «Слово о полку Игореве» – как плохой боевик... [35, с. 30]. Закономерно, что в сегодняшних молодых семьях отсутствует традиция семейного медленного чтения, когда родители читали детям вслух, объясняя непонятные слова, а потом вместе обсуждали смысл прочитанного. И.А. Кабыш убеждена, что «русская литература – это слишком серьезно, чтобы пройти её со скоростью света» [36, с. 9]. Поэтому детям с ранних лет нужно прививать лю-

бовь к медленному, вдумчивому чтению, которое поможет им в будущем глубоко понимать содержание литературных произведений. Это особенно актуально в настоящее время, когда «...дети остаются один на один с текстами девятнадцатого и двадцатого века». Им одинаково непонятны слова «ямщик» и «пионер», «погост» и «колхоз» [36, с. 9].

Поводом для беспокойства представителей профессионального сообщества является и внедрение новых форм работы, которые практически вытеснили классическую организацию обучения во многих школах и вузах. Например, компьютерные презентации, часто используемые при подготовке домашних заданий и во время лекций, являются, по мнению В.И. Аннушкина, одним из примеров имитации модернизации: «Взоры учеников – на экране, докладчик считывает текст, а душа слушателей мертва... Живого слова учителя ничто не заменит» [37]. Компьютерные технологии, обеспечивающие свободную коммуникацию, в то же время, способствуют безграмотной письменной речи: «никогда прежде перед нашими глазами не проходило такое количество безграмотных текстов. Ошибки... стали теперь общедоступны. Они усваиваются и – тиражируются», – убежден Е.Г. Водолазкин [38, с.276].

Таким образом, проблемы русской словесности, обусловленные последствиями цифровой глобализации, находятся в центре внимания медийного диалога, в котором принимают участие общественные деятели, ученые, представители разных профессиональных сообществ. В «Литературной газете» и газете «Культура» формулируется мировоззренческий вывод о том, что под натиском цифровой экспансии разрушаются традиционные основы русской культуры, деформируются ее исконные духовно-нравственные ценности. Серьезную озабоченность сегодня вызывают снижение качества владения языком, его перенасыщение англицизмами, жаргонизмами, интернетизмами, деградация культуры чтения и «мельчание писателей». Однако приоритетная задача государства сегодня – сделать «русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире. При этом внутри страны мы должны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона» [39, с.1].

Библиографический список

1. Третьяков В.Т. Благо или зло? // Литературная газета. 2015. № 29. С.10.
2. Медведева Г.А. Россия: особенности цивилизации и выбор модели общественного развития в условиях глобализации современного мира // Журнал «Система ценностей современного общества». Издательство: ООО «Центр развития научного сотрудничества» (Новосибирск), 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-osobennosti-tsivilizatsii-i-vybor-modeli-obschestvennogo-razvitiya-v-usloviyah-globalizatsii-sovremennogo-mira> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа // Научные Ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 2. С. 230-240.
4. Путин В.В. Язык как национальная идея // Литературная газета. 2016. № 21. С.1
5. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Запросы общества в образовании: профессионально-педагогическая культура преподавателя современного российского вуза // Научные Ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Том 38. № 4. С. 629-638.
6. Аннушкин В.И. Культ речи // Литературная газета. 2014. №10. [Электронный ресурс] <https://lgz.ru/article/-10-6453-12-03-2014/kult-rechi/> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Рыков С.Н. Стала книга сиротой // Литературная газета. 2017. № 6. С. 24-25.
8. Федоров С.В. Чтение между строк // Литературная газета. 2014. № 3.[Электронный ресурс] <https://lgz.ru/article/-3-6446-22-01-2014/chtenie-mezhdu-strok/> (дата обращения: 10.01.2022).
9. Программа культурной безопасности // Литературная газета. 2016. № 21. С.7-8.
10. Ермаков А. Великий, могучий и – эталонный // Литературная газета. 2019 №47. С.19.
11. Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков // Литературная газета. 2012. №5. С.13.
12. Штыров В.А. Отечество и отчество // Литературная газета. 2013. № 42. С.14.
13. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка [эссе] // Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной. 2017. 384с.
14. Пекарская И.В., Шпомер Е.А. Деградация языкового сознания и речевого поведения как фактор повышения агрессии в российском обществе (на материале современной рекламы) // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2019. №29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/degradatsiya-yazykovogo-soznaniya-i-rechevogo-povedeniya-kak-faktor-povysheniya-agressii-v-rossiyskom-obschestve-na-materiale> (дата обращения: 05.01.2022).
15. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Язык в современных медиа: история приобретений и потерь. В сборнике: РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа. Сборник трудов Международной научно-практической конфе-

ренции, посвященной 145-летию Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород, 2021. С. 289-295.

16. Полонский А.В., Глушкова В.Г., Ряполова М.А. Язык наших медиа // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 2 (41). С. 123-130.

17. Пометелина С.М. Интернет-коммуникация: «эшафот» для русского литературного языка или очередной этап развития языковой системы? // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommunikatsiya-eshafot-dlya-russkogo-literaturnogo-yazyka-ili-ocherednoy-etap-razvitiya-yazykovoy-sistemy> (дата обращения: 15.01.2022).

18. Ефремова Д. Без лишних слов // Культура. 2016. № 42. С.3.

19. Полонский А.В. Особенности профессионально-педагогической культуры преподавателя вуза в свете реформы российского образования. В кн.: Педагогические технологии в современном образовании: Материалы международной научно-практической конференции. Белгород, Белгородский университет кооперации, экономики и права. 2014. С.274–288.

20. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Запросы общества в образовании: профессионально-педагогическая культура преподавателя современного российского вуза // Научные Ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Том 38. № 4. С. 629-638.

21. Так что же изучать в школе? // Литературная газета. 2018. № 14. С.4-5.

22. Агеносов В.В., Голубков М.М. Экзамен по демагогии // Литературная газета. 2020. № 31. С.11.

23. Минералова И.Г. Тема сочинения...сочинение // Литературная газета. 2014. № 19. [Электронный ресурс] <https://lgz.ru/article/-14-6457-9-042014/igra-v-smysly/> (дата обращения: 09.01.2022).

24. Агеносов В.В., Голубков М.М. Экзамен по демагогии // Литературная газета. 2020. № 31. С.11.

25. Бондаренко И.В. Вымученное сочинение // Литературная газета. 2020. № 5. С.23.

26. Кабыш И.А. Литература, которую мы потеряли // Литературная газета. 2019. №12. С.25.

27. Замостьянов А.А. Литература в эпоху контрпросвещения // Литературная газета. 2013. № 22. С.9.

28. Власов П.В. Как спасти русскую литературу? // Культура. 2021. № 11. С. 32.

29. Евсеев Б.Т. Обнуление писателя // Литературная газета. 2019. №1-2. С.25.

30. Орлов Б.А. Идеологическая борьба есть. А идеологии нет? // Литературная газета. 2021. № 12. С.17.

31. Культуре – выделенную полосу! // Литературная газета. 2013. № 40. С.1.

32. Замшев М.А. Борьба за книгу // Литературная газета. 2020. № 7. С.3.

33. Путин В.В. Русскими нас делают язык и литературы // Литературная газета. 2013. № 47. С.1.

34. Борисенко Н. Дети цифровой эры // Литературная газета. 2013. № 50. [Электронный ресурс] <https://lgz.ru/article/-50-6443-18-12-2013> (дата обращения: 11.01.2022).

35. Яковлева А. Зачем нам нужен этот Ванька? // Литературная газета. 2016. № 46. С.30.

36. Кабыш И.А. Выше, сильнее...медленнее! // Литературная газета. 2021. № 14. С.9.

37. Аннушкин В.И. Культ речи // Литературная газета. 2014. №10. [Электронный ресурс] <https://lgz.ru/article/-10-6453-12-03-2014/kult-rechi/> (дата обращения: 10.01.2022).

38. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка [эссе] // Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной. 2017. 384с.

39. Путин В.В. Русскими нас делают язык и литература // Литературная газета. 2013. № 47. С.1.

References

1. Tretyakov V. T. Good or evil? // Literaturnaya gazeta. 2015. No. 29. p.10.

2. Medvedeva G.A. Russia: features of civilization and the choice of a model of social development in the conditions of globalization of the modern world // The journal "The system of values of modern society". Publishing house: LLC "Center for the Development of Scientific Cooperation" (Novosibirsk), 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-osobennosti-tsivilizatsii-i-vybor-modeli-obschestvennogo-razvitiya-v-usloviyah-globalizatsii-sovremennogo-mira> (date of handling: 02.09.2021).

3. Polonsky A. V Medialect: a language in the format of media // scientific sheets. Series: Humanities. 2018. T. 37. № 2. С. 230-240.

4. Putin V.V. Language as a national idea // Literaturnaya gazeta. 2016. No. 21. p.1.

5. Polonsky A.V., Glushkova V. G. Participation in public life: culture and pedagogy of a professor at the University of the Mind of Russia moderna // Demonstration of achievements. Series: Humanidades. 2019. Volume 38. No. 4. pp. 629-638.

6. Annushkin V.I. The Cult of speech // Literaturnaya gazeta. 2014. No. 10. [Electronic resource] <https://lgz.ru/article/-10-6453-12-03-2014/kult-rechi/> (date of handling: 10.01.2022).

7. Rykov S.N. The book became an orphan // Literaturnaya gazeta. 2017. No. 6. pp. 24-25.

8. Fedorov S. Reading between the lines // Literaturnaya gazeta. 2014. No. 3. [Electronic resource] <https://lgz.ru/article/-3-6446-22-01-2014/chtenie-mezhdu-strok/> (10.01.2022).

9. The program of cultural security // Literaturnaya gazeta. 2016. No. 21. pp.7-8.

10. Ermilov A. The Great, mighty and – etalon // Literaturnaya gazeta. 2019 No.47. p.19.

11. Kirilina A.V. Globalization and the fate of languages // *Literaturnaya gazeta*. 2012. No. 5. p.13.
12. Shtyrov V.A. Fatherland and patronymic // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 42. p.14.
13. Vodolazkin E.G. House and Island, or the Instrument of Language [essay] // Moscow: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina. 2017. 384 p.
14. Pekarskaya I.V., Shpomer E.A. Degradation of language consciousness and speech behavior as a factor of increasing aggression in Russian society (based on the material of modern advertising) // *Bulletin of the N.F. Katanov KSU*. 2019. No.29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/degradatsiya-yazykovogo-soznaniya-i-rechevogo-povedeniya-kak-faktor-povysheniya-agressii-v-rossiyskom-obschestve-na-materiale> (date of handling: 05.01.2022).
15. Polonsky A.V., Glushkova V.G. Language in modern media: the history of acquisitions and losses. In the collection: RCT: Linguometodic educational platform. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 145th anniversary of the Belgorod State National Research University. Belgorod, 2021. pp. 289-295.
16. Polonsky A.V., Glushkova V.G., Ryapolova M.A. The language of our media. Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 2 (41). pp. 123-130.
17. Pometelina S.M. Internet communication: "scaffold" for the Russian literary language or the next stage in the development of the language system? // *Bulletin of the SSUPS: Humanitarian Studies*. 2017. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommunikatsiya-eshafot-dlya-russkogo-literaturnogo-yazyka-ili-ocherednoy-etap-razvitiya-yazykovoy-sistemy> (date of handling: 15.01.2022).
18. Efremova D. Without unnecessary words // *Kultura*. 2016. No. 42. p.3.
19. Polonsky A.V. Features of the professional and pedagogical culture of a university teacher in the light of the reform of Russian education. In: Pedagogical technologies in modern education: Materials of the international scientific and practical conference. Belgorod, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2014. pp.274-288.
20. Polonsky A.V., Glushkova V. G. Participation in public life: culture and pedagogy of a professor at the University of the Mind of Russia moderna // *Demonstration of achievements. Series: Humanidades*. 2019. Volume 38. No. 4. pp. 629-638.
21. So what should I study at school? // *Literaturnaya gazeta*. 2018. No. 14, pp.4-5.
22. Agenosov V.V., Golubkov M.M. Exam on demagogy // *Literaturnaya gazeta*. 2020. No. 31. p.11.
23. Mineralova I.G. The theme of the essay ... the essay // *Literaturnaya gazeta*. 2014. No. 19. [Electronic resource] <https://lgz.ru/article/-14-6457-9-042014/igra-v-smysly/> (date of handling: 09.01.2022).
24. Agenosov V.V., Golubkov M.M. Exam on demagogy // *Literaturnaya gazeta*. 2020. No. 31. p.11.
25. Bondarenko I.V. A tortured essay // *Literaturnaya gazeta*. 2020. No. 5. p.23.
26. Kabysh I.A. Literature, which we have lost // *Literaturnaya gazeta*. 2019. No.12. p.25.
27. Zamostyanov A.A. Literature in the era of counter-enlightenment // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 22. p.9.
28. Vlasov P.V. How to save Russian literature? // *Kultura*. 2021. No. 11. p. 32.
29. Evseev B.T. Zeroing the writer // *Literaturnaya gazeta*. 2019. No.1-2. p.25.
30. Orlov B.A. There is an ideological struggle. And there is no ideology? 2021. No. 12. p.17.
31. Culture – a dedicated lane! // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 40. p.1.
32. Zamshev M.A. The struggle for the book // *Literaturnaya gazeta*. 2020. No. 7. p.3.
33. Putin V.V. Language and literature make us Russian // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 47. p.1.
34. Borisenko N. Children of the digital era // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 50. [Electronic resource] <https://lgz.ru/article/-50-6443-18-12-2013> (date of handling: 11.01.2022).
35. Yakovleva A. Why do we need this Vanka? // *Literaturnaya gazeta*. 2016. No. 46. p. 30.
36. Kabysh I.A. Higher, stronger ... slower! // *Literaturnaya gazeta*. 2021. No. 14. p. 9.
37. Annushkin V.I. The Cult of speech // *Literaturnaya gazeta*. 2014. No. 10. [Electronic resource] <https://lgz.ru/article/-10-6453-12-03-2014/kult-rechi/> (date of handling: 10.01.2022).
38. Vodolazkin E.G. House and Island, or the Instrument of Language [essay] // Moscow: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina. 2017. 384 p.
39. Putin V.V. Language and literature make us Russian // *Literaturnaya gazeta*. 2013. No. 47. p.1.

УДК 81'373.2:81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.55.28.003

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

Кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры философии и социологии

Позднякова Е.Ю.

Россия, г. Барнаул, тел.: 89635235457

e-mail: helena_poz@mail.ru

Polzunov Altai State Technical University

PhD in Philology

Associate Professor of the Philosophy and Sociology

Department

Pozdnyakova E.U.

Russia, Barnaul, tel.: 89635235457

e-mail: helena_poz@mail.ru

Е.Ю. Позднякова

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена описанию подходов к изучению семантики имени собственного. С позиций ономазиологического подхода имя является результатом процесса номинации и рассматривается как номинативная единица. Представители данного направления изучают принципы и способы номинации, предлагают различные типологии номинаций, описывают компоненты номинативного процесса. Собственное имя при этом рассматривается вне коммуникативного контекста, в котором оно существует и функционирует. С точки зрения второго подхода, имя представляется коммуникативной единицей, которая может быть исследована с позиций жанроведения, текстологии, теории дискурса. С опорой на существующие подходы к изучению имени собственного в статье предлагается новый дискурсивный подход, в рамках которого наименования рассматриваются как элемент процесса коммуникации, включенного в дискурсивные практики носителей языка. Собственное имя понимается как своеобразный редуцированный до одного слова (или словосочетания) текст, эксплицированный в дискурсе и направленный от номинатора к реципиенту, обладающий потенциалом развертывания в разных коммуникативных ситуациях. Развертывание дискурса онима-компрессива сравнимо с процессами речепорождения, оним при этом выступает в качестве ключевой лексемы, содержащей в сжатом виде информацию, которая затем может быть развернута в разной степени подробности. С целью верификации данного предположения, был проведен дискурсивный эксперимент, материалом для которого послужили наименования городских коммерческих объектов – эргонимы, как наиболее представительный класс имен собственных в условиях города. В результате было доказано, что процесс развертывания дискурса онима происходит поэтапно: от онима – к набору ассоциаций как ключевых слов; затем – к словосочетаниям и предикативным конструкциям; далее – к контактному (диалог) и неконтактному (монолог) речевым актам.

Ключевые слова: теория номинации, ономазиология, ономастика, дискурсивная ономастика, дискурс, оним.

E.U. Pozdnyakova

A DISCURSIVE APPROACH TO THE STUDY OF PROPER NAME SEMANTICS: RESULTS OF THE EXPERIMENTAL STUDY

The article is devoted to the description of approaches to the study of the semantics of a proper name. From the viewpoint of the onomasiological approach, the proper name is the result of the nomination process. It is considered as a nominative unit. The scientists study the principles and methods of nomination, offer various typologies of nominations, and describe the components of the nominative process. In this case, the proper name is not considered as a part of the communicative context in which it exists and functions. From the point of view of the second approach, the onym is a communicative unit that can be studied from the positions of genre studies, textual studies, and discourse theory. Based on the existing approaches to the study of a proper name, the article proposes a new discursive approach, in which proper names are considered as an element of the communication process involved in the discursive practices of native speakers. A proper name is understood as a kind of text reduced to a single word (or phrase), explicated in the discourse and directed from the nominator to the recipient. The compressed text-discourse can be expanded in different communicative situations. The expanding of the compressed onym discourse is comparable to the processes of speech generation. The onym is considered as a key lexeme containing information, which can then be expanded in more or less de-

tails. To verify our hypothesis, a discursive experiment was carried out. The names of urban commercial objects – ergonyms – were selected as the material for the study. This group of onyms was chosen as one of the most frequently used in urban space. As a result, it was proved that the process of expanding the onym discourse happens gradually: from the onym – to a set of associations as keywords; then – to word combinations and predicative constructions; then – to contact (dialogue) and non-contact (monologue) speech acts.

Keywords: the theory of nomination, onomasiology, onomastics, discursive onomastics, discourse, onym.

Существующие подходы к изучению семантики имени собственного можно свести к следующим научным направлениям – ономаσιологическому, акцентирующему внимание на типологии номинаций, особенностях номинативного процесса, принципах и способах номинации, а также новому – дискурсивному направлению, в рамках которого оним рассматривается как свернутый текст, обладающий потенциалом развертывания в различных коммуникативных ситуациях. С точки зрения первого подхода, оним является результатом процесса номинации и рассматривается как номинативная единица [И.А. Астафьева (1996); Е.Л. Березович (2007); И.А. Воробьева (1977); Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова (1982); Г.Ф. Ковалев (2014); Г.А. Кривокубова (1993); И.В. Крюкова (2004); Л.З. Подберезкина (1997) и др.]. Второй подход предлагает взгляд на оним как на коммуникативную единицу, которая может быть исследована в контексте жанроведения, текстологии, теории дискурса [М.В. Горбаневский (1994); М.В. Китайгородская, Н.И. Розанова (2001); В.О. Максимов (2015); Н.В. Михайлюкова (2013) и др.]. Рассмотрим указанные подходы к изучению проприальной лексики более подробно.

В конце XX – начале XXI века в лингвистике актуализировались направления, связанные с исследованием семантической структуры собственных имен. Традиция изучения имени собственного как результата номинативного процесса восходит к трудам Дж. Милля, А. Гардинера, А.А. Реформатского, согласно концепции которых оним не обладает лексическим значением. Например, Е.В. Падучева указывает на то, что референция собственных имен основана не на их смысле, а на внеязыковых знаниях говорящих, поскольку «имена собственные не имеют значения (концепта) в языке, если не считать такого общего значения, как отнесение объекта к той или иной категории людей, городов, кошек и проч.» [1; с. 81]. Продолжением данной точки зрения является мысль о том, что онимы приобретают значение в условиях коммуникативной ситуации (О. Есперсен, А.В. Суперанская, С.И. Зинин и др.).

В современных ономастических исследованиях признается, что имена собственные имеют лексическое значение, однако оно несколько иной природы, чем у имен нарицательных. По словам Е.Л. Березович, «включенность имен собственных (ИС) в познавательные процессы, теснейшее взаимодействие с именами нарицательными (ИН), реальные условия функционирования ИС неопровержимо свидетельствуют о том, что проприальное слово связано с понятием, – но эта связь устроена иначе, чем у слова апеллятивного» [2; с. 51]. Исследование семантики онима с этой позиции предлагает схожую с именем нарицательным структуру значения онима. Так, например, И.А. Воробьева в работе «Топонимика Западной Сибири» [см. 3] указывает на то, что содержание собственных имен включает в себя денотативный, сигнификативный и структурный компоненты лексического значения, однако каждый из них обладает спецификой: а) денотатом служит один конкретный предмет (в широком смысле слова), который мыслится именно как конкретный, единичный; б) в сигнификативный компонент лексического значения СИ входит не понятие, а образ или наше знание об этом предмете, отраженное в мышлении; в) обобщение в семантику СИ вносит структурный компонент, зависимый от того блока лексической системы, в котором функционирует данное СИ: от топонимической, зоонимической, антропонимической системы и т.д. Обобщение проявляется и через употребление с именем нарицательным [4; с. 9-10].

М.В. Голомидова усложняет данную модель и описывает семантику онима, включающую четыре компонента. 1. Фреймы – несобственно языковые знания – отражают существующие у языкового коллектива фоновые знания о специфике применения онома и знания о свойствах денотата. 2. Частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, отличающая имена друг от друга, строится на тесном взаимодействии экстралингвистической и языковой информации: мотивировочный признак (элемент мотивации, экстралингвистическая категория) противопоставлен мотивированности (компоненту лексического значения). 3. Частная категориальная семантика, базирующаяся на связи онома – нарицательный термин, создает возможность для противопоставления разных рядов собственных имен в онимической системе языка. 4. Общая категориальная семантика опирает-

ся на контрастную проекцию онама – апеллатив, благодаря которой «высвечивается» специфика способа означивания [5; с. 27-28]. Е.Л. Березович расширяет и дополняет указанную модель с опорой на топонимический материал, особое внимание уделяя фреймовому компоненту, который «следует считать частью прагматической информации, соотносимой с именем, поскольку разворачивание фрейма определяет программу употребления онама» [2; с. 53]. В прагматической зоне значения ученый дополнительно выделяет эмотивный и коннотативный компоненты, к коннотации примыкает ассоциативный фон топонима. Кроме того, в модель семантики вводятся семантические связи в рамках определенного семантического континуума: «семантика каждой топонимической лексемы включает такую составляющую, как проекция семантического поля» [2; с. 55]. Таким образом, согласно концепции Е.Л. Березович, модель семантики топонима включает в себя 3 основных составляющих: 1) концептуальное ядро (общая категориальная семантика имени; частная категориальная семантика; частная характеризующая и индивидуализирующая семантика); 2) прагматическая зона (эмотивный, фреймовый компоненты и коннотации); 3) семантические связи (полевая проекция) (место в виртуальном семантическом поле; актуальные корреляции семантического поля) [2; с. 58].

Предлагаемые модели семантической структуры собственного имени сосредоточены на статическом аспекте, собственное имя при этом рассматривается вне коммуникативного контекста, в котором оно существует и функционирует. Представители ономастического направления изучают проприальное наименование как результат процесса номинации, описывают принципы и способы номинации готовых лексических единиц, предлагают различные классификации типов номинации, выделяют компоненты номинативного процесса. За рамками исследований остаются вопросы, связанные с порождением имен, их восприятием различными адресатами, функционированием онимов в разных видах дискурсов, трансформацией их значения в процессе употребления, т.е. то, что можно назвать «действительной жизнью» имени.

Другой подход к изучению семантики имени собственного связан с рассмотрением онама как свернутого текста или текста-«примитива». В диссертации М.В. Горбаневского отмечается, что «любое географическое название реального или вымышленного объекта представляет собой определенным образом свернутый текст, развертывание которого в идеальном объеме его составляющих может представлять собой лишь результат профессионального научного описания, а в частичном объеме его составляющих происходит постоянно в устной и письменной речи в соответствии с целями и задачами дискурса, стилистическими и иными лингвистическими особенностями монолога, диалога и полилога, а также в очевидной зависимости от возрастных, социальных, образовательных, интеллектуальных, психологических, эмоциональных и иных характеристик и особенностей его участников» [6; с. 254].

Разные исследователи предлагают различные модели семантической структуры такого текста. Например, В.О. Максимов предлагает рассматривать фамильный антропоним как свернутый текст, виртуальную модель семантической структуры которого сравнивает с кубом: «Представим, что полный объем такого свернутого текста представляет собой виртуальный куб, на каждой грани которого отображается некоторая часть информации, в нем заключенной в свернутом виде (ср. так называемый спящий режим персонального компьютера). В зависимости от задачи, условий и вида конкретного акта речевой коммуникации участники коммуникативного акта разворачивают этот куб той плоскостью, на которой отображена актуальная для коммуникантов информация о данном фамильном антропониме» [7; с. 86]. В структуре плана содержания фамильного антропонима В. О. Максимов выделяет шесть тематических компонентов: этимологический; социокультурный; этнографический; географический; статистический; структурно-словообразовательный и фонетический [7; с. 84]. Однако, мы утверждаем, что специфической особенностью любого собственного имени (не только топонима или антропонима) является то, что даже за отдельной языковой единицей стоит целое высказывание или текст. Кроме того, сами онимы могут вырастать из текстов (например, онимы, образованные на основе прецедентных имен).

В работах Н.В. Михайлюковой развивается концепция онама как текста-примитива. Автор рассматривает вывеску как «письменный текст малой формы («текст-примитив»), расположенный на городском объекте и выполняющий идентифицирующую и рекламную функцию» [8; с. 6]. В структуре текста вывески исследователь выделяет три компонента: идентифицирующий – общее название городского объекта, определяющее тип предприятия (например, магазин, кафе, рынок); квалифицирующий – уточняет профиль городского объекта (например, салон цветов); дифференцирующий –

индивидуальное название объекта – эргоним [9; с. 53]. Подробному анализу подвергается дифференцирующий компонент текста – эргоним, который обладает наибольшей смысловой нагрузкой, описываются его лексико-семантические, грамматические и лингвокультурологические особенности. В работе, тем не менее, преобладает ономазиологический подход к описанию текста вывески, изучены типы номинации эргонимов в аспекте их мотивированности, определена структура текста вывесок, дана их грамматическая характеристика. Вне поля зрения остались вопросы порождения и восприятия текстов-примитивов, а сами названия рассматриваются в статике – как результат номинативной деятельности, не изучена динамическая природа текстов-примитивов.

Отдельные исследователи предлагают модели сворачивания / разворачивания онима-компрессива. В статье О.А. Степовой имя персонажа русских народных сказок *Иван* рассматривается как свернутый текст [10]. Ученый предлагает модель его развертывания, базирующуюся на этимологическом анализе и описании особенностей функционирования данного онима в текстах сказок. Однако в данном примере мы имеем дело с прецедентным феноменом, особенностью которого и является тот факт, что за ним всегда стоит некое общее представление и связанный с ним текст, хорошо известный лингвокультурному сообществу. На прецедентность собственных имен, использующихся в различных текстах, в частности, в текстах рекламы, указывает также Г.Ф. Ковалев в своей статье «Имя собственное как прецедент в рекламе» [см. 11]. Отталкиваясь от рассмотренных выше концепций, мы предлагаем рассматривать любое собственное имя как «своеобразный *редуцированный до одного слова (или словосочетания) текст, эксплицированный в дискурсе и направленный от номинатора к реципиенту, строящийся по единым коммуникативным законам, определенным образом структурированный, заключающий в себе разнообразную информацию и обладающий определенной семантикой*» [12; с. 250]. Анализ подобных образований возможен с позиций предлагаемого нами нового дискурсивного подхода, в рамках которого наименования рассматриваются как элемент процесса коммуникации, включенного в дискурсивные практики носителей языка.

Применение самого термина «дискурс» по отношению к ониму и к продуцируемым с онимом как стартовым механизмом текстам предполагает новый взгляд на проблему семантики онима и описание его функционирования в различных видах дискурса. Дискурсивность онима означает, что имя собственное, с одной стороны, погружено в синхронно существующий дискурс, а с другой – вовлечено в создание новых дискурсивных практик носителей языка. Оним рассматривается не просто как свернутый текст, а как компрессия множества текстов, образующая в процессе развертывания дискурсивное поле онима. Важным представляется также то, что оним изучается нами с позиций адресатоцентрического подхода, при этом особое значение приобретают личностные смыслы воспринимающих субъектов. Развертывание дискурса онима-компрессива сравнимо с процессами речепорождения, оним при этом выступает в качестве ключевой лексемы, содержащей в сжатом виде информацию, которая затем может быть развернута в разной степени подробности. Процесс развертывания дискурса онима происходит поэтапно: от онима – к набору ассоциаций как ключевых слов; затем – к словосочетаниям и предикативным конструкциям; далее – к контактным и неконтактным речевым актам (диалог и монолог соответственно) (см. схема 1).

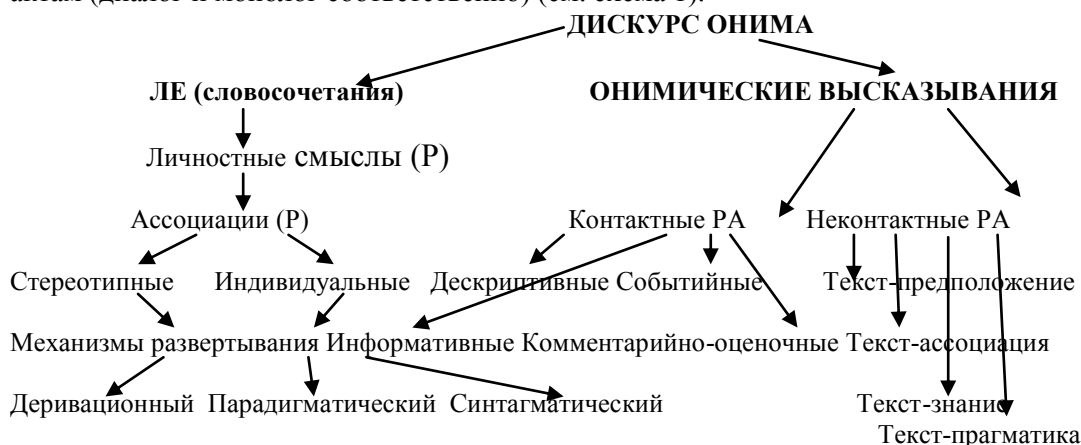

Схема 1. Модель развертывания дискурса онима

Рассмотрим данную модель развертывания дискурса онима на примере данных, полученных нами в ходе эксперимента, условно названного дискурсивным. Эксперимент включал в себя 3 этапа:

1 этап – ассоциативный эксперимент; 2 этап – моделирование диалогического текста; 3 этап – моделирование монологического текста. Материалом послужили наименования городских коммерческих объектов – эргонимы, как наиболее представительный класс имен собственных в условиях города, представленный наименованиями фирм, магазинов, торговых центров и торгово-развлекательных комплексов, кинотеатров, предприятий сферы отдыха и досуга, ресторанного сервиса и пр. Кроме того, данная группа онимов функционирует как в обыденном, так и в институционализированном дискурсе.

Согласно данным эксперимента, дискурс онима может разворачиваться в разной степени подробности, начиная от слова или словосочетания, к предикативным конструкциям и далее – к законченным речевым актам – высказываниям контактной (диалог) и неконтактной (монолог) природы. Набор ассоциаций, провоцируемый онимом, образует ассоциативно-вербальную сеть, которая «есть признанный способ субъективного интериоризованного существования лексики» [13; с. 7]. При развертывании дискурса онима большое значение приобретают личностные смыслы реципиентов, поскольку при восприятии онима субъект «пропускает» его через свои собственные личностные смыслы (личностные смыслы Р), которые «высвечивают» наиболее важные для реципиента ассоциации (ассоциации Р), на данном этапе еще смутные и зачастую невербализуемые, однако образующие некую ассоциативно-вербальную сеть, имеющую потенциал развертывания в монологический или диалогический дискурс. По утверждению Е.С. Кубряковой, «мысль формируется из этих смыслов, она как бы кристаллизуется в процессе столкновения образов и схем, смутных представлений, в поисках связи и отношений между ними, в выборе из всех возникающих ассоциаций наиболее важной для данной ситуации» [14; с. 67]. Ассоциации, формирующие ассоциативный фон имени, могут быть как повторяющимися, стереотипными, так и единичными, индивидуальными, связанными с личностными смыслами реципиента. Таким образом, в процессе восприятия мы имеем дело не с чистым энциклопедическим значением слова, а с целым спектром ассоциаций и смыслов, как явных, так и скрытых – латентных – но, тем не менее, воздействующих на ход коммуникации.

Оним в этой связи может рассматриваться как первое высказывание дискурса (в свернутом виде), с которого начинается речевой акт. Рассматривая собственное имя в аспекте речепорождения можно выделить несколько механизмов развертывания дискурса онима, задействованных на первом этапе: деривационный, парадигматический и синтагматический. Деривационный механизм связан с возникновением различных деривационных вариантов лексемы (словообразовательных и словоизменительных), например: «Малина» – *малиновый цвет; малиновка; «Магнит» – магнетик, магнетизм и др.* Парадигматический связан с семантическими отношениями, встраиванием онима в синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические ряды, например: «Облепиха» – *ягода, растение, ежевика, масло.* Синтагматический механизм определяет линейные связи онима как ключевой лексемы, например: «Сова» – *какое-то ночное заведение; люди, которые не спят ночью; поворачивает голову на 360 градусов; «Малина» – чай с малиной, косточка внутри.*

Следующий этап развертывания дискурса онима связан с порождением высказываний контактной (диалог) и неконтактной природы (монолог), которые мы условно назвали онимическими. Контактные (диалогические) речевые акты, включающие собственное имя, разворачиваются в следующих областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов: область событий (включая состояние, локацию, действия); область фоновых знаний; область оценки; область атрибуции. Актуализация области событий приводит к возникновению событийных высказываний, области фоновых знаний – к порождению информативных высказываний, область оценки провоцирует комментарий-оценочные высказывания, а область атрибуции – дескриптивные (признаковые) высказывания.

Неконтактные речевые акты представляют собой монологические высказывания онимической природы, развертывающие дискурс онима в предельной подробности. Полученные в результате 3 этапа эксперимента тексты имеют преимущественно фантазийную природу, поскольку испытуемые в большинстве своих речевых произведений отмечают, что не бывали в этих заведениях и не знакомы со сферой их деятельности. Неконтактные РА были разделены нами на 4 группы: 1) текст-предположение; 2) текст-ассоциация; 3) текст-знание; 4) текст-прагматика.

Текст-предположение имеет гипотетическую природу и возникает в том случае, когда реципиент не знает значения слова, либо не обладает достаточной социокультурной осведомленностью об ониме (в случае с именами людей, событий или мест), например:

«Иероглиф... Такие мысли у меня могут возникнуть, если я увижу, например, вывеску с данным названием. Наверное, я подумаю, что в данном помещении может быть сеть питания, связанная с китайской или японской кухней. Или же, например, магазины с различной канцелярией ли подручными материалами».

Текст-ассоциация задействует ассоциативный фон имени, в том числе включает в себя индивидуальные ассоциации и сенсорные ощущения реципиентов, например:

«Тициан» – С данным названием, я бы подумала, что это место, которое связано с чем-то магическим, с гороскопом, со звездами. Место, где продавали бы все, что связано с этим. Рядом с выходом, возможно, сидит женщина, которая может объяснить про гороскоп. Все помещение в темных цветах, возможно, будут звезды на стенах. Красивое место, думала бы я и хотела бы там побывать. Думала в этот момент, что я обязательно сюда зайду».

Текст-знание построен на знании лексического, либо энциклопедического значения лексической единицы, послужившей наименованием коммерческого предприятия, например:

«Название «Черёмушки» для меня – это что-то совсем простое, так как сама черемуха – простая лесная ягода. Хотя, с другой стороны, само дерево очень красиво, цветёт белыми цветами. Странная ягода, конечно, цветёт красиво, а на вкус сильно вяжущая. Сейчас все привыкли считать черемуху декоративным кустарником, а раньше от неё было не оторвать детей в деревьях. Кстати, «Черёмушки» – это ещё и название населённых пунктов, поэтому место в нашем городе с таким названием, скорее всего, кафе с домашней кухней. Там, вероятно, должно быть всё просто и со вкусом».

Текст-прагматика связан с личностным опытом и жизненными интересами воспринимающих субъектов, например:

«Тициан» – Уже смеркается. Собираюсь пойти домой. Решила зайти в кофейню и купить капучино с эклером. Здесь самые вкусные эклеры в городе. Завтра обязательно позову сюда подругу».

Итак, проведенное нами экспериментальное исследование, направленное на развертывание дискурса онима, последовательно доказывает, что имя собственное имеет дискурсивную природу и может рассматриваться как свернутый текст, обладающий потенциалом развертывания в различных коммуникативных ситуациях. Развертывание дискурса онима-компрессива сравнимо с процессами речепорождения, оним выступает в качестве ключевой лексемы, содержащей в сжатом виде информацию, которая затем может быть развернута. Развертывание происходит в разной степени подробности – как до отдельного слова или словосочетания, так и до предикативной конструкции и высказываний контактной (диалог) и неконтактной (монолог) природы. Ассоциативно-вербальная сеть, провоцируемая онимом, может рассматриваться как некий набор ключевых слов, при этом сам оним в этом ряду воспринимается реципиентами как начальное высказывание дискурса (в свернутом виде), с которого начинается речевой акт.

Рассматривая собственное имя в аспекте речепорождения, мы выделили несколько механизмов развертывания дискурса онима: деривационный, парадигматический и синтагматический. Деривационный механизм связан с возникновением различных деривационных вариантов лексемы (словообразовательных и словоизменительных), парадигматический связан с семантическими отношениями, встраиванием онима в синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические ряды, синтагматический механизм определяет линейные связи онима как ключевой лексемы. Дальнейшее развертывание дискурса онима приводит к порождению контактных речевых актов, которые, согласно нашим наблюдениям, разворачиваются в следующих областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов: область событий (включая состояние, локацию, действия); область фоновых знаний; область оценки; область атрибуции. Неконтактные речевые акты были разделены нами на 4 группы: 1) текст-предположение; 2) текст-ассоциация; 3) текст-знание; 4) текст-прагматика.

Библиографический список

1. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 3-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. Москва: «Индрик», 2007. 600 с.
3. Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977. 152 с.
4. Воробьева И. А. Ономастика в школе: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. 111 с.

5. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография. Екатеринбург, 1998. 232 с.
6. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания. Дисс... докт. филол. наук. М., 1994. 432 с.
7. Максимов В. О. Русский фамильный антропоним как свернутый текст и его лексикографическое описание // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 83-89.
8. Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дисс....канд. филол. наук. Владивосток, 2013. 27 с.
9. Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): монография. Владивосток: Дальневост. федеральный ун-т, 2014. 190 с.
10. Степовая О. А. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы // Филология и человек. 2014. №4. С. 127-130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-kak-svernutyi-tekst-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 13.10.2020).
11. Ковалев Г. Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004, № 1. С. 158-164.
12. Позднякова Е. Ю. К вопросу о дискурсивной теории ономастики // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 245-261. DOI 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261.
13. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
14. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с.

References

1. Paducheva E. V. The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns). 3d edition, st. Moscow, 2002. 288 p.
2. Berezovich E. L. Language and traditional culture: ethnolinguistic studies. Moscow, 2007. 600 p.
3. Vorobieva I. A. Toponymy of Western Siberia. Tomsk, 1977. 152 p.
4. Vorobieva I. A. Onomastics at school: a textbook. Barnaul, 1987. 111 p.
5. Golomidova M. V. Artificial nomination in Russian onomastics: monograph. Yekaterinburg, 1998. 232 p.
6. Gorbanevskiy M. V. Russian urban toponymy: problems of historical and cultural study and modern lexicographic description. Diss...Doctor of Philology. Moscow, 1994. 432 p.
7. Maksimov V. O. Russian family anthroponym as a collapsed text and its lexicographic description // Bulletin of RUDN. Series of Russian and foreign languages and methods of their teaching. 2015. Vol. 4. P. 83-89.
8. Mihailukova N. V. The texts of city signs as a special speech genre (based on the material of the language of Vladivostok): Abstract ...diss. cand. philol. sciences. Vladivostok, 2013. 27 p.
9. Mihailukova N. V. The texts of city signs as a special speech genre (based on the material of the language of Vladivostok): monograph. Vladivostok, 2014. 190 p.
10. Stepovaya O. A. Proper name as a collapsed text: to the problem statement // Philology and human. 2014. Vol. 4. P. 127-130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-kak-svernutyi-tekst-k-postanovke-problemy>
11. Kovalev G. F. Proper name as a precedent in advertisement // Bulletin of VGU. Series: Philology. Journalism. 2004. Vol. 1. P. 158-164.
12. Pozdnyakova E. U. On the question of the discursive theory of onomastics // Culture and text. 2021. Vol. 1 (44). P. 245-261. DOI 10.37386/2305-4077-2021-1-245-261.
13. Karaulov U. N. The associative grammar of the Russian language. Moscow, 1993. 330 p.
14. Kubriakova E. S. The nominative aspect of speech activity. Moscow, 1986. 158 p.

УДК 81'16

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.84.45.004

Московский педагогический государственный университет

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
им. В.Г. Гака*

Золотухин Д.С.

Россия, Москва

тел.: 8 985 850 14 02

e-mail: ds.zolotukhin@mpgu.edu

Moscow State Pedagogical University

*The chair of Romance languages
named after Vladimir Gak*

PhD, associate professor

Zolotukhin D.S.

Russia, Moscow

tel.: 8 985 850 14 02

e-mail: ds.zolotukhin@mpgu.edu

Д.С. Золотухин

ЯЗЫК-ОБЪЕКТ VS ЯЗЫК-ИНСТРУМЕНТ: РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПОНЯТИЙ МЕТАЯЗЫКА И МЕТАДИСКУРСА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В работе рассматриваются понятия метаязыка и метадискурса с точки зрения процесса научного познания в лингвистике и выражения такого процесса и его результатов в языке при формировании текстового содержания исследовательских статей языковедческой направленности. На основе теорий Ф. де Соссюра, А.А. Леонтьева, В.Г. Гака и других специалистов в области общего языкознания, терминоведения, теории дискурса и лексикологии была произведена эпистемологическая интерпретация механизма изучения языковой действительности. Такой логико-философский подход в совокупности с чисто лингвистическим анализом позволил выявить особенности взаимодействия субъекта (лингвиста-автора текста и читателя как носителей языка), языковых феноменов (язык-объект), абстрактного научного объекта, научного понятия, соответствующей лексической (терминологической) единицы (язык-инструмент) и отразить специфику и структуру данных отношений с помощью построения авторских моделей. Продемонстрирована необходимость учитывать такие особенности, как субъективность при стремлении к научной объективизации, замкнутость исследовательского «круга», полиморфизм и консубстанциональность терминов при анализе языкового выражения лингвистических теорий посредством метаязыка, на основе которого выстраивается специфический подтип институционального дискурса, используемый в научной коммуникации представителей языковедческого сообщества между собой и с представителями других институтов с целью распространения научного знания о языковой действительности. Полученные результаты могут быть использованы как в дальнейших теоретических исследованиях в области терминоведения и дискурсологии, так и в практической работе с текстами языковедов и написании статей по лингвистике на русском и иностранных языках.

Ключевые слова: метаязык, метадискурс, метаречь, научный язык, научное познание.

D.S. Zolotukhin

OBJECT-LANGUAGE VS INSTRUMENT-LANGUAGE: RELEVANCE OF THE CONCEPTS OF METALANGUAGE AND METADISCOURSE IN LINGUISTIC RESEARCH

The study examines the concepts of metalanguage and metadiscourse from the point of view of the scientific cognition in linguistics and the expression of such a process and its results in language when forming a text content of scientific articles in linguistics. Based on the theories of F. de Saussure, A. Leontyev, V. Gak and other specialists in the spheres of general linguistics, terminology, discourse theory and lexicology, an epistemological interpretation of the mechanism for studying linguistic reality was applied. Such a logico-philosophical approach in correlation with a pure linguistic analysis made it possible to identify the features of the interaction between a subject (linguist –author of a text and its reader as native speakers), a linguistic phenomenon (object-language), an abstract scientific object, scientific concept, corresponding lexical or terminological unit (instrument-language) and to demonstrate them by modeling schemes. The author of the paper shows that it's necessary to take into account such features as subjective character with a constant attempt to scientifically objectify, a close character of a research circle, polymorphism and consubstantiality of terms when analyzing the expression of linguistic theories by means of a metalanguage serving as a basis for building a specific type of institutional discourse serving as a mean of communication of representatives of linguistic community with members of other institutes in order to spread a scientific

knowledge about a language reality. The received results can be used in further theoretical research in terminology or discourse studies as well as in practical work with linguists' texts or in writing scientific articles in linguistics in Russian or other languages.

Key words: metalanguage, metadiscourse, metaspeech, scientific language, scientific knowledge

Научное исследование всегда подразумевает наличие объекта, на который направлена деятельность учёного. При этом «объект» представляет собой широкое понятие, имеющее сложную структуру и занимающее особое место в научном познании. Специфика объекта объясняется сложным устройством мира, который предстаёт перед познающим субъектом в виде окружающей действительности, состоящей из конкретных объектов, поддающихся чувственному восприятию. В лингвистической области такими объектами являются конкретные элементы языковой действительности, принадлежащие к разным уровням языка и речи (звуки, фонемы, морфемы, слова, тексты и т.п.). Такие конкретные «фрагменты» действительности (рисунок 1) – языковые факты и явления, согласно В.Г. Гаку, подвергаются плюралистическому осмыслению лингвистов [3; с. 14-15]. Каждый из этих конкретных объектов имеет свои границы, позволяющие отделить один объект от другого, и аспекты, позволяющие рассматривать каждый объект с той или иной точки зрения.

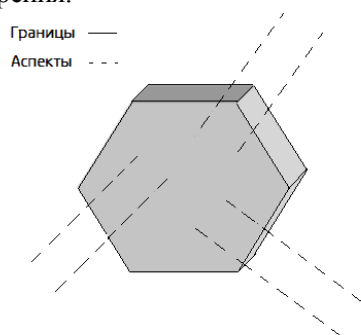

Рис. 1. Модель конкретного объекта языковой действительности

Развитие любой научной области, как справедливо отмечает Б. Лакс, характеризуется переходом от описания и классификации эмпирических данных к их систематизации. Вследствие такой обработки накопленных данных создаются **таксономии** – специальные системы абстрактных категорий, принадлежащих к классам высшего порядка [12; с. 93]. В.М. Алпатов указывает на накопление фактов и на становление новых методов на основе собранных фактов как на два главных процесса в истории лингвистики [1; с. 7]. Данная тенденция наилучшим образом прослеживается в естественных науках на примере построения периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева. Постепенная систематизация затронула и лингвистические данные, активно собираемые, описываемые и классифицируемые компаративистами и младограмматиками в XIX в. Становление языковой таксономии намечается уже в первых текстах знаменитого швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. Например, работа швейцарского языковеда «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes» [15] отражает результаты анализа системы гласных индоевропейских языков и является зачатком современного изучения системы звуков языка – фонологии. Последующие общелингвистические исследования на основе языковых фактов позволили Ф. де Соссюру создать абстрактную всеобщую языковую систему – таксономию со всеми её универсальными законами и методами, которая затем была применена в других, в том числе и нелингвистических областях.

Опираясь на установленные границы и выбрав аспект конкретного объекта, лингвисты моделируют **абстрактный объект**, который может оказаться отличным от исходного явления действительности – конкретного объекта. Согласно Ф. де Соссюру, такой абстрактный объект изначально не существует как данность: его создаёт выбранная **точка зрения (point de vue)** [14; с. 338], или «угол зрения» в терминологии А.А. Леонтьева [6; с. 6]. Конкретный объект становится абстрактным сразу в разных смыслах. Абстрактное, вслед за Ф. де Соссюром, здесь следует рассматривать одновременно как:

- 1) результат обобщения, «абстрагирования» от конкретного;
- 2) результат выделения научного объекта на основе наблюдаемых явлений действительности;
- 3) результат классификации языковых фактов в отрыве от говорящего в дидактическом аспекте (например, для составления грамматического описания языка в учебных целях);

4) результат мыслительной деятельности говорящего, создающего абстрактные сущности на основе конкретных сущностей, которые он воспринимает и воспроизводит с помощью своей языковой способности;

5) нереальное (нематериальное, психологическое) [10; с. 94-95].

Выстраивая абстрактный объект, любой лингвист использует эпистемологическую технологию, описанную Г. Риккертом как «работа скульптора». Исходный конкретный объект представляет собой, подобно мраморной глыбе, «необтесанную», разнородную сущность. В научной деятельности отсекается всё ненужное, т.е. незначительное для целей исследования. Так создаётся «произведение искусства» [2] – выстраивается абстрактный научный объект (рисунок 2).

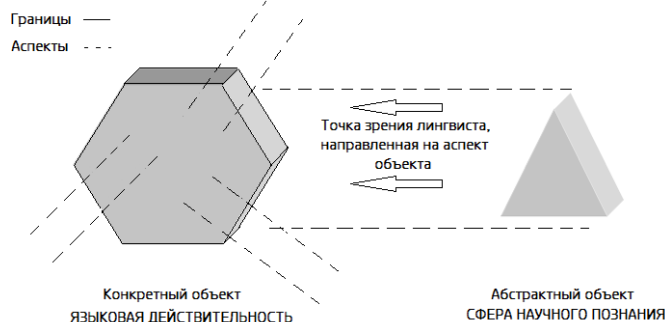

Рис. 2. Модель построения абстрактного объекта при научном познании в лингвистике

Совокупность абстрактных объектов А.А. Леонтьев называет **предметом** лингвистики [6; с. 5], который и демонстрирует первые признаки научного **метапостроения**, существующего «над» (=мета-) объектами действительности. При научном осмыслении установленных границ и выделенных аспектов формируется соответствующее **научное понятие**, обладающее объёмом, выражающим границы исходного объекта, и содержанием, выражающим выбранный аспект исходного объекта (рисунок 3).

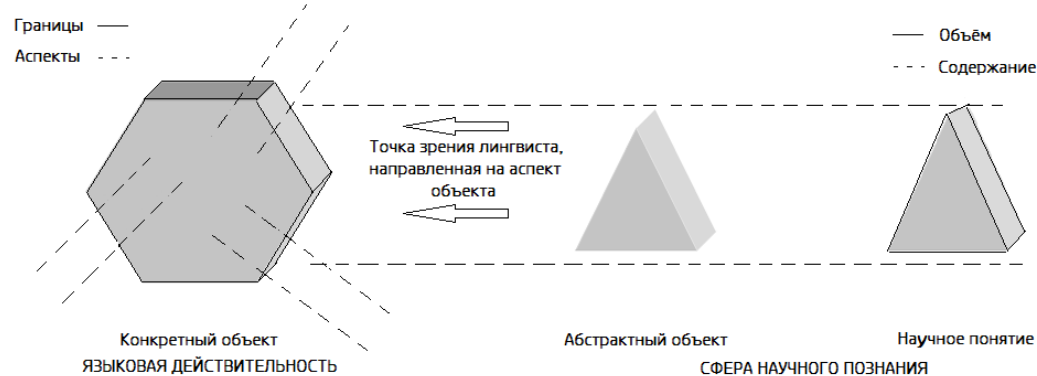

Рис. 3. Модель построения научного понятия в лингвистике

Такой процесс создания метаконструкций является метакогнитивным состоянием, свойством которого, по мнению Н.К. Рябцевой, выступает выражаемая в языке и речи рефлексия субъекта относительно своих когнитивных состояний [7; с. 85]. В процессе такой рефлексии происходит осознание ментального мира исследователя. Согласно Н.Д. Арутюновой, метакогнитивные состояния делятся на исходные (знание-незнание) и производные (мнение) [цит. по 7; с. 86].

Итак, логика лингвистического мышления индуктивно движется от конкретного объекта (факта, явления) к созданию абстрактного объекта и понятия о нём: **конкретный объект** → **абстрактный объект** → **научное понятие**. Любая семантическая теория утверждает механизм выражения понятий в языке. Научные понятия имеют особый субстрат в системе языка – терминологические единицы (рисунок 4). **Границы** исходного описываемого объекта, соответствующие **объёму** понятия (или экстенсионалу в англосаксонской терминологии), находят выражение в **денотате** семантической структуры терминологических единиц. **Аспект** объекта соответствует **содержанию** понятия (интенсионалу) и выражается в **сигнификате**.

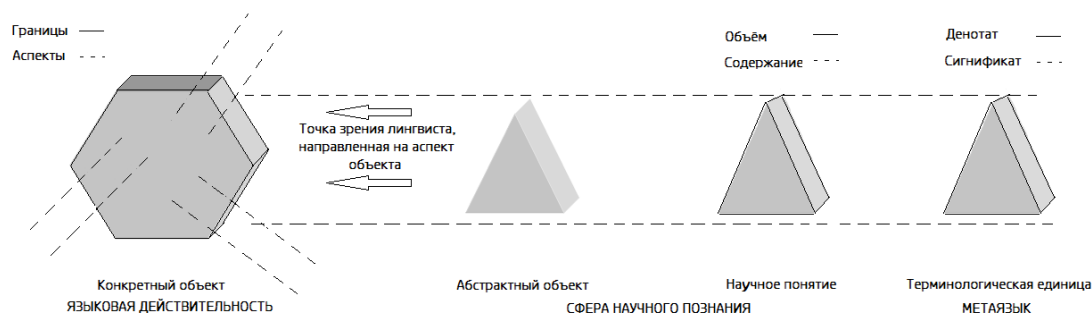

Рис. 4. Корреляция языковой действительности, сферы научного познания и метаязыка

Такая схема наилучшим образом соотносит элементы разных сфер по Аристотелю: бытия, познания (мышления) и языка. Научное понятие соотносится с сигнификативно-денотативным слоем в структуре терминологического значения. Последнему в формальной стороне языка соответствует определенный **экспонент** (форма языковой единицы, план выражения).

Схема уточняется при обращении к заявленному выше положению Ф. де Соссюра о том, что в лингвистике невозможно говорить об изначально существующем объекте [14; с. 338]. Если в естественных науках объектами исследования становятся явления (факты), существующие в природе, т.е. изучается действительность в чистом виде (**Бытие**, «языковая действительность» на схеме), то явления в призме языковедческих исследований приобретают статус научного объекта (**Мышление**, «научное познание» на схеме) исключительно после выбранного подхода – точки зрения. При этом точка зрения может быть только одна: при смене подхода меняется и сам объект. Соответственно, абстрактный объект любого лингвистического исследования заранее обречен на субъективность. К этому добавляются такие характеристики исходного объекта, как недискретность (размытость границ) и полиаспектность, о которых говорится в теории языковых преобразований В.Г. Гака [3; с. 16]. Поэтому лингвистический метаязык характеризуется **полиморфизмом** – вариативностью терминов из-за наличия большого количества языковедческих школ и направлений [9; с. 67-87].

В метаязыковых исследованиях Н.Б. Гвишиани указывается на такую характеристику терминов языкознания, как **консубстанциональность** – единство языка-объекта и языка-инструмента исследования [4; с. 25]. Действительно, на схеме отчетливо виден парадокс: противоположные полюса представляет собой по сути одно и то же – язык. Но речь идет о разных понятиях. Научный взор лингвиста направлен на **язык-объект** (фр. *langage-objet*, англ. *object-language* по Карнапу и Моррису) – естественный язык, включающий исследуемые языковые факты, или конкретные объекты, на основе которых формируются абстрактные объекты и научные понятия, находящие выражение в особом **языке-инструменте**, или **метаязыке** (фр. *métalangage*, англ. *metalanguage*). В лингвистике метаязык, вслед за логико-философскими исследованиями, метаязыком принято называть формализованную модель языка, предназначенную для описания и выражения знаний относительно языка-объекта [11]. При этом метаязык используется не только логиками и лингвистами как научный инструмент. Метаязык играет важную роль в повседневном общении, позволяя, согласно Р. Якобсону, осознавать метаязыковой характер действий любого носителя языка [Там же].

Понятие метаязыка является по сути уникальным, поскольку никакая другая система не может описывать саму себя и быть своей собственной метасемиотикой, т.е. объединять инструмент и объект познания. Метаязык находится в непосредственной взаимосвязи с естественным языком, на основе которого он формируется (язык-инструмент), и который он описывает (язык-объект). Совпадение объекта и инструмента познания в лингвистике образует **порочный круг** [13] («*cercle vicieux*»), или «герменевтический круг». Как говорилось выше, в лингвистике отсутствует единственно правильная отправная точка исследований: языковой объект можно рассматривать с разных точек зрения, предшествующих самому объекту, т.е. выбранная точка зрения и создаёт этот объект. В этой связи, например, Ф. де Соссюр сталкивается с проблемой описания таких лингвистических понятий, как «*négativité*» (языковые знаки существуют как результат отрицания одного знака другими знаками – как установить систему отрицаний, если знаки не предшествуют их отношениям?), «*figure vocale*» (голосовая фигура становится языковым знаком, если в сознании говорящего она соотносится с определенным содержанием и другими формами – где искать саму голосовую фигуру, если язык вне сознания говорящего не существует?) и т.д. В авторской терминологии Ф. де Соссюра наблюдается даже своеобразная «терминологическая гиперкоррекция». При создании термина

«*arbitraire*», выражающего понятие произвольности лексических единиц, лингвист должен максимально элиминировать такую произвольность в собственной создаваемой лексической единице, ведь произвольность помешает прозрачности термина как одному из основных требований к метаязыку. По мнению К. Мацудзава, «порочный круг» отражается в сомнениях Ф. де Соссюра по поводу порядка изложения идей, а также во фрагментарном, обрывистом письме, т.к. каждый новый текст – это попытка вступить на данный круг с разных отправных точек [Там же]. В исследовании В.П. Чепига также идёт речь о хождении по кругу в рукописях Л. Теньера [8], что позволяет определить такую особенность как характерную черту выражения развития языковедческой мысли в текстах.

Такой сложный механизм связан с процессом функционирования метаязыка и его реализации. Следовательно, мы выходим за рамки «языка» в соссюрсовском понимании и должны обратиться к понятию речи и дискурса, определив корреляцию данных понятий, опираясь на базовые лингвистические положения, заложенные Ф. де Соссюром в рамках концепции язык-речь-речевая деятельность. При этом следует учитывать новейшую трактовку теории женеваского ученого с опорой на недавно изученные аутентичные тексты [5].

В теории Ф. де Соссюра выделено понятие **конкретного языка**, или **идиомы** (фр. **idiome**). Такой конкретный, частный язык (французский, русский, английский и т. д.) представляет собой лишь состояние языковой системы в конкретную эпоху и у конкретного народа [14; с. 151–152]. С точки зрения научного познания в лингвистике, язык-объект соотносится с идиомой. Внимание лингвиста может быть направлено на одну из сторон идиомы: **абстрактную языковую систему** (фр. **langue**), отделяемую от её материальных проявлений – **речи** (фр. **parole**). С развитием лингвистики соссюрсовская концепция расширилась и обогатилась за счет новых понятий, например – **дискурса** (фр. **discours**), также становящегося объектом языковедческих исследований. Таким образом, когда мы говорим язык-объект, мы подразумеваем довольно широкое понятие, объединяющее все перечисленные элементы и представляющее собой **язык вообще**, или **общий языковой феномен** (фр. **langage**).

Такая структуризация наблюдаемой языковой действительности «**langage = langue + parole/discours**» (Рисунок 5), безусловно, является результатом абстрагирования от конкретного объекта и представляет собой, по сути, тот самый абстрактный языковедческий объект. При переходе к выражению знаний о таком объекте лингвист использует материал, представляющий собой, по аналогии, общий языковой инструмент – **метаязык** (фр. **métalangage**) и включает в себя понятия **метаязыковой системы** (фр. **métalangue**) [4; с. 25] и реализации такой системы в речи – **метаречи**.

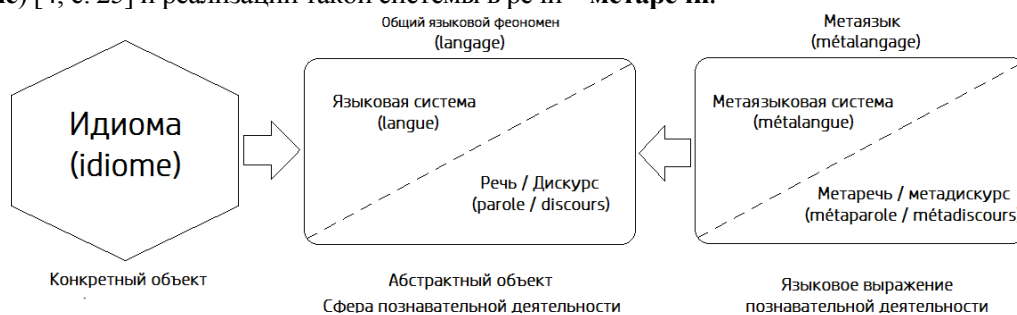

Рис. 5. Корреляция языка-объекта и языка-инструмента в лингвистике

Лингвистическое разграничение понятий языка и метаязыка основывается также на постулате Р.О. Якобсона, согласно которому, существует «объектный язык» для выражения говорящими мыслей о внешней действительности, и существует «метаязык» для выражения мыслей говорящего о языке [10]. По мнению Н.К. Рябцевой, метаязык является неоднородным явлением, так как в его состав входят разнообразные лексические компоненты. В то же время, речь идет именно о метаязыковой *системе* – сложном комплексе отличительных и взаимосвязанных элементов и свойств, являющихся одновременно неотъемлемой частью естественного языка [7; с. 440]. Метаязыковая система не сводится к лексическим (терминологическим) единицам, а включает также различные грамматические конструкции, используемые при вербальном описании языка-объекта [4; с. 5].

Помимо понятий метаязыка, метаязыковой системы и метаречи в современной лингвистике также принято говорить о метатексте и метакоммуникации [7]. Особая роль в данной структуре отводится **метадискурсу** (фр. **métadiscours**), обозначающего связанный текст в совокупности с лингвистическими и экстралингвистическими факторами, представляющего собой синтез процесса и результата создания, фикс-

сации и распространения научного знания о языковой действительности. Научный дискурс является результатом исследовательской деятельности с целью построения и распространения знаний, при этом научные тексты должны рассматриваться не просто как источник распространения научной информации, но как языковой материал, на основе которого создаются научные знания. Понятие метадискурса тесно связано с более общим понятием дискурса вообще, впервые описанным с языковедческой точки зрения З. Харрисом в 1952 году [13]. В шестидесятых годах благодаря Э. Бенвенисту термин «discours» приобретает новое значение и описывает речь, присваиваемую говорящим субъектом. Чуть позже М. Пешё предлагает структурно-лингвистический подход описания дискурса, предполагающий учёт времени, места, социокультурного контекста [17]. Связь между окружающей действительностью и речью отмечается и в описании понятия дискурса М. Фуко, согласно которому, дискурс представляет собой речь, находящуюся в условиях освоения носителем того или иного языка действительности посредством речевой практики [10; с. 190-194]. Зарубежные и отечественные исследователи (Н.Д. Арутюнова, Н.Б. Кудрявцева и др.) справедливо указывают на соотношение понятий дискурса и текста. Дискурс и является текстом, существующим в заданных лингвистических и экстралингвистических (социокультурных, психологических, прагматических, пространственных, временных и др.) параметрах, в которых данный текст создается и воплощается [6; с. 13-14].

Термин «метадискурс» (metadiscourse, 1959 год) был введен также З. Харрисом, который определил его как способ понимания языка в использовании, представляющий попытки автора, создающего текст, помочь читателю лучше понять текст [15; р. 3]. При этом понятие метадискурса тесно связано с понятием метатекста, которое обычно описывается как феномен, при котором автор принимает на себя роль комментатора собственного текста, его текст об объекте действительно переплетается с высказываниями о самом тексте. А. Вежбицка характеризует метатекст как «инородное тело» и называет такое явление двутекстом и двухголосьем. При этом исследователь отмечает, что именно метатекстовые построения позволяют автору прояснить «семантический узор» основного текста и соединить его различные элементы [3; с. 421].

Следует отличать метадискурс языкознания от других типов метадискурса. Если обратиться к принятым квалификациям дискурсивных типов вообще, то особого внимания заслуживает разделение дискурса В.И. Карасиком на две основные категории: персональный, имеющий личностно-ориентированный, «бытовой» характер, и институциональный, выражающий статусно-ролевые отношения между представителями института (социального, научного, академического и проч.) и читателями/слушателями [7; с. 5]. От конкретного института будет зависеть подтип институционального дискурса: экономический, религиозный, правовой и т.д. [7; с. 162]. Соответственно, **научный метадискурс языкознания можно определить как подтип институционального дискурса, используемого в научной коммуникации представителей языковедческого сообщества между собой и с представителями других институтов с целью распространения научного знания о языковой действительности.**

Особый интерес для анализа метадискурсивных характеристик в языкознании заслуживает такой жанр научного текста, как **научная статья**, опирающаяся на письменный канал (способ) передачи связи и представляющая собой относительно стабильную модель коммуникации в соответствии с формальными требованиями научных изданий, а также составом коммуникантов. Научная статья, по своей сути, объединяет в себе понятия научного и академического дискурса, которые представляют собой одно и то же в англосаксонской традиции [7 с. 164].

Функционирование метаязыка, переход метаязыка в метаречь, а метаречевых элементов – в метаязык, образование метадискурсивных особенностей, связанных с внутренними и внешними факторами, создают в перспективе необходимость уточнения места субъекта в системе таких отношений.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7-21.
2. Бугорская Н.В. Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.19. Барнаул, 2009. 442 с.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402-425.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа. Языки русской культуры, 1998. 768 с.
5. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). М.: ЛКИ URSS, 2008. 280 с.
6. Золотухин Д.С. Эволюция лингвистической терминосистемы Фердинанда де Соссюра: лексико-семантический аспект: монография. М.: МПГУ, 2018. 192 с.

7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
8. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
9. Рябцева Н.К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017;(5). С. 83-95. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-5-83-95> (дата обращения : 12.03.2021)
10. Чепига В.П. К вопросу о черновых работах: Люсьен Теньер и концепция «глоттологии», 2017. 13 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dokupdf.com/download/_5a01b62ad64ab2b9bd67d184_pdf (дата обращения : 12.03.2021)
11. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения Санкт-Петербург: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. 280 с.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
13. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193-230.
14. Engler R. Premiers spécimens d'un index des matières au CLG/E / R. Engler // Cahiers Ferdinand de Saussure №31. Genève: Librairie Droz, 1977. P. 89-99.
15. Centre national de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (дата обращения: 01.03.2016)
16. Harris R. Saussure and his interpreters. Edinburgh university press, 2001. 224 p.
17. Jakobson R. Essais de linguistique générale // trad. par N. Ruwet. Paris: Minuit, 1963. P. 217-218.
18. Laks B. La phonotactique saussurienne : système et loi de la valeur // Langages, № 185, 1/2012. P. 91-108
19. Matsuzawa, K. Puissance de l'écriture fragmentaire et «cercle vicieux» // Genesis. 2012. Vol. 35. P. 41-58.
20. Pêcheux M. Les vérités de la Palice. Paris: Maspero, 1975. 280 p.
21. Saussure F. de. Écrits de linguistique générale / Établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil. Paris: Gallimard, 2002. 348 p.
22. Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Genève: Librairie E. Droz, 1922. 658 p.

References

1. Alpatov V.M. What linguistics studies // The Issues of Linguistics. 2015. № 3. P. 7-21.
2. Bugorskaya N.V. Methodological issues of the description of linguistic terminologies: thesis ... Doctor of Philology. 10.02.19. Barnaul, 2009. 442 p.
3. Vezhnicka A. Metatext inside a text // New in foreign linguistics. Moscow, 1978. Iss. 8. Linguistics of the text. P. 402-425.
4. Gak, V. G. Language transformations. Moscow, 1998. 768 p.
5. Gvishiani N.B. Language of scientific communication (methodology issues): a monograph. 2nd edition. Moscow, 2008. 280 p.
6. Zolotuhin D.S. Evolution of linguistic terminological system of Ferdinand de Saussure: lexico-semantic aspect: a monograph. Moscow: MPSU, 2018. 192 p.
7. Karasik V.I. Discourse types // Language personality: institutional and personal discourses / red. by V.I. Karasik. Volgograd, 2000. P. 5-20.
8. Leontiev A.A. Language, speech, speaking. Moscow, 1969. 214 p.
9. Ryabtseva N.K. Metacognitive states in language, speech and knowledge. Scientific dialogue. 2017. (5):83-95 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-5-83-95> (date of application: 12.03.2021).
10. Chepiga V.P. To the issues of drafts: L. Tenier and the concept of glottology. 2017. [Electronic resource]. URL: https://dokupdf.com/download/_5a01b62ad64ab2b9bd67d184_pdf (date of application: 12.03.2021).
11. Shelov S.D. Term. Terminological structure. Terminological definitions. Saint-Petersburg State University, 2003. 280 p.
12. Foucault M. Courage for truth: from the other side of knowledge, power and sexuality. Collection of works. Moscow, 1996. 448 p.
13. Jakobson R.O. Linguistics and poetry // Structuralism: «for» and «against». Moscow, 1975. P. 193-230.
14. Engler, R. Premiers spécimens d'un index des matières au CLG/E / R. Engler // Cahiers Ferdinand de Saussure №31. Genève: Librairie Droz, 1977. P. 89-99
15. Centre national de Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (date of application: 01.03.2016)
16. Harris R. Saussure and his interpreters / R. Harris – Edinburgh : Edinburgh university press, 2001. 224 p.
17. Jakobson R., Essais de linguistique générale // trad. par N. Ruwet. Paris: Minuit, 1963. P. 217-218.
18. Laks B. La phonotactique saussurienne: système et loi de la valeur / B. Laks // Langages, №185, 1/2012. P. 91-108
19. Matsuzawa K. Puissance de l'écriture fragmentaire et «cercle vicieux» // Genesis. 2012. Vol. 35. P. 41-58.
20. Pêcheux M. Les vérités de la Palice. Paris: Maspero, 1975. 280 p.
21. Saussure F. de. Écrits de linguistique générale / Établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil. Paris: Gallimard, 2002. 348 p.
22. Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Genève: Librairie E. Droz, 1922. 658 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.92.14.005

*Калининградский государственный техниче-
ский университет*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка*

Лескова Е.В.

Россия, г. Калининград, 89520556009

e-mail: ekaterina.leskova@mail.ru

*Kaliningrad State Technical University
Phd, associate professor of Russian
language department*

Leskova E.V

Russia, Kaliningrad

e-mail: ekaterina.leskova@mail.ru

Е.В. Лескова

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье проводится анализ малоисследованных аспектов изучения фразеологических единиц на занятиях по РКИ (в первую очередь, их гендерной составляющей) и предлагаются новые методы, способствующие оптимизации процесса обучения. В частности, даётся описание особого метода обучения, в основу которого положен сопоставительный анализ русских ФЕ с ФЕ родного языка учащихся, призванный упростить процедуры их семантизации и запоминания. Анализируется структура занятия такого типа, демонстрируются примеры упражнений. В основу сопоставления нами положен гендерный аспект, выбранный по причине значимости и возрастающей актуальности самого понятия «гендер», являющегося одной из базовых составляющих социальной и культурной жизни любого общества, а также представляющего собой богатый материал для сравнения менталитета нескольких народов, их ценностной системы. Среди конкретных целей, которым подчинена работа с иностранными учащимися по изучению фразеологизмов гендерного типа, нами определяются следующие: развитие у учащихся аналитической способности, в частности, навыков сопоставления, сравнения, проведения аналогий между лексемами родного и иностранного языков; повышение интереса к изучаемой теме; расширение словарного запаса иностранцев, в особенности, запаса фразеологической лексики; отработка навыков узнавания «гендерных» фразеологизмов в тексте и в речи другого человека (к примеру, лекции преподавателя); отработка умения самостоятельной семантизации этих фразеологических единиц; тренировка их использования при продуцировании собственного речевого высказывания. Также в статье нами выделяются непосредственные маркеры гендера (метафоры и имена собственные), имеющиеся во всех языках и позволяющие отнести фразеологизм к тому или иному гендерному типу. В заключении статьи приводятся результаты апробации предлагаемого метода, делаются выводы о его эффективности.

Ключевые слова: фразеология, гендерный аспект, гендерообразующие метафоры, русский язык как иностранный, русский язык, английский язык, французский язык.

E.V. Leskova

THE STUDY OF THE GENDER ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE CLASSES BY RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

In this article analyzed the little-studied aspects of the study of phraseological units in the classes by "Russian language as a foreign" (first of all, the gender component of it) and proposes the new methods that contribute to the optimization of the learning process. In particular, a description of a special teaching method is given, which is based on a comparative analysis of Russian phraseological units with phraseological units of the native language of students, designed to simplify the procedures for semantization and memorizing it. The structure of this type of lesson is analyzed, examples of exercises are demonstrated. The article analyzes the little-studied aspects of the study of phraseological units in Russian as a foreign language (primarily, the gender component of phraseological units) and proposes new methods that help optimize the learning process. In particular, a description of a special teaching method is given, which

is based on a comparative analysis of Russian phraseological units with phraseological units of the native language of students, designed to simplify the procedures for semantization and memorization of new phraseological combinations. The structure of this type of lesson is analyzed, examples of exercises are shown. The comparison is based on the gender aspect, chosen due to the importance and increasing relevance of the very concept of "gender", which is one of the basic components of the social and cultural life of any society, and also represents a fertile material for comparing the mentality of several peoples, their value system. Among the specific goals to which the work with foreign students on the study of gender-type phraseological units is subordinated, we determine the following: the development of students' analytical ability, in particular, the skills of comparison, drawing analogies between the lexemes of the native and foreign languages; increasing interest in the topic being studied; expansion of the vocabulary of foreigners, in particular, the stock of phraseological vocabulary; developing the skills of recognizing "gender" phraseological units in the text or in the speech of the another person (for example, on the teacher's lecture); developing the ability to independently semantize these phraseological units; training their use in the production of one's own speech utterance. Also in the article, we single out direct markers of gender (metaphors and proper names), which are available in all languages and allow us to attribute phraseological units to one or another gender type. At the end of the article, the results of testing the proposed method are presented, conclusions are drawn about its effectiveness.

Key words: phraseology, gender aspect, gender-forming metaphors, Russian language as a foreign, Russian language, English language, French language.

По словам исследователей, понятие «гендер» представляет собой одну из базовых составляющих социальной и культурной структуры общества [1; с. 118], его функцией является описание культурных, социальных и психологических аспектов сопоставления «женского» с «мужским», выделение черт, свойств, ролей и стереотипов, типичных для каждого из полов [2; с. 78]. В последнее время проблема гендера ставится в центр многих исследований, в том числе лингвистических [3; 4]. По мысли К.С. Волошиной, исследование языка в рамках гендерной парадигмы даёт возможность не только описать его антропоцентрическую систему, но и исследовать границы её подсистем, имеющих связь с понятиями «мужественности» и «женственности» как «двумя ипостасями человеческого бытия» [5; с. 16]. Особое место исследование гендерных особенностей языка занимает в трудах по лингвокультурологии или работах, затрагивающих аспекты этой дисциплины [6; 7].

На наш взгляд, лингвокультурологический аспект проблемы гендера может быть интересен **в рамках обучения иностранных студентов русскому языку** (в рамках дисциплины «Русский язык как иностранный» [8; с. 61]; [9; с. 99]), в частности, при изучении таких культурно-языковых феноменов, как фразеологизмы. Он (*лингвокультурологический аспект проблемы гендера – Е.Л.*) может стать основой **для сопоставительного анализа русских ФЕ с ФЕ языка родного**, что поспособствует упрощению процессов семантизации и запоминания нового материала, а также повысит интерес иностранных учащихся к образно-символической системе русского языка, исследованию лингвистических кодов русской культуры в целом.

С целью апробации предложенного метода нами был проведён ряд занятий с англо- и франкоговорящими учащимися 1 и 2 курсов (30 человек) разных специальностей, владеющими русским языком в объёме I сертификационного уровня (B1), являющегося, на наш взгляд, необходимым языковым минимумом, позволяющим проводить изучение этой непростой для иноязычного восприятия темы. Работа с иностранными учащимися по изучению «гендерной» фразеологии была направлена на достижение следующих *конкретных целей*: обучение студентов навыкам *узнавания ФЕ гендерного типа* (в речи другого человека или в тексте), *их самостоятельной семантизации* и последующего *использования в собственном речевом высказывании*.

Структура проведённых нами **занятий** состояла из следующих этапов: 1) *ознакомление* учащихся с русскими ФЕ, содержащими «гендерные» компоненты; 2) попытки *семантизации* этих ФЕ с помощью картинок, словарей или сопоставления их с ФЕ родного языка (путём поиска аналогий); 3) *поиск в тексте* уже рассмотренных и новых ФЕ; 4) *обсуждение схожих и различительных черт* во фразеологии разных языков (к примеру, обсуждение *способов выражения* гендерной семантики ФЕ и т.д.); 5) *фиксирование* полученных *наблюдений* (оформление в таблицу); 6) *выполнение заданий на запоминание* новых ФЕ (дополнение диалогов ФЕ; описание картинок с помощью изученных ФЕ – к примеру, описание портретов людей); 7) *составление учащимися собственных диалогов (по парам) / мини-рассказов* с использованием гендерно-маркированных ФЕ.

Приведём **некоторые** примеры заданий, которые уже были успешно введены в работу и могут быть использованы в ходе будущих занятий такого типа:

1) Продолжить ряд фразеологизмов русского языка фразеологизмами из языка родного, характеризующими а) красивую девушку; б) храброго / сильного мужчину; в) изнеженную девушку;

г) **неумного человека (девушку и парня).** Учащимся были даны следующие русские ФЕ: а) «красна девица», «краса – русая коса», «кровь с молоком»; б) «настоящий рыцарь / герой»; в) «тепличное растение», «кисейная барышня»; г) «дурочка с переулочка»; «Иванушка-дурачок». Англоговорящие студенты (из Нигерии, Либерии, Маврикия) продолжили эти семантические ряды ФЕ следующим образом: а) "May Queen" ('королева мая'); "cover girl" = "pinup girl" (т.е. красотка); б) "a man's man" ('настоящий мужчина'); "a man of iron" ('человек железной воли'); в) "Molly Coddle" ('неженка'); г) "dumb Dora" = "dumb bunny" ('дурочка'); "cousin Betty" ('дурочка, слабоумная'). Франкоговорящие студенты (из Конго, Сенегала, Мали) выполнили задание так: а) "belle comme les jour" ('красива как день'); "allure de déesse" ('взгляд богини'); "morceau friand" ('лакомый кусочек'); б) "brave comme un lion" ('храбрый как лев'); в) "fleur bleu" ('голубой цветочек'); "délicat et blond" ('нежный и светлый' в значении «белоручка»); г) "crétin des Alpes" ('альпийский кретин', т.е. круглый дурак);

2) Найти в родном языке «гендерные» ФЕ, антонимичные русским

фразеологическим единицам. Были даны русские ФЕ а) «домашний тиран»; б) «гол как сокол» (т.е. бедный). Англоговорящие студенты предложили следующие антонимы: а) «домашний тиран» ≠ "a hen-pecked man" ('подклёванный курицей', т.е. подкаблучник); "a Tom-tiler" ('Том, натирающий плитку', также в значении «подкаблучник»); "a Jerry Sneak" ('Джерри-подхалим', также в значении «подкаблучник»); б) «гол как сокол» ≠ "a man of a town" ('парень города', т.е. богатый повеса) = "a comfortable-off person" ('состоятельный человек'); "well-off man" ('зажиточный'). Студенты из франкоязычных стран составили следующие антонимичные ряды: а) «домашний тиран» ≠ "etre sous la pantoufle" ('под башмаком'); б) «гол как сокол» ≠ "riche comme une coffre" ('богат как сундук с драгоценностями'); "riche comme une Rothschild" ('богат как Ротшильд');

3) **Описать качества известного человека или однокурсника, используя уже знакомые ФЕ (в основном, студенты описывали такие качества людей, как красота; ум / глупость);**

4) Дополнить диалоги подходящими ФЕ (задание на отработку изученных русских ФЕ):

- а) - Как хороша наша Кристина!
- Молодая, румяная.
- Это точно. <...> (Кровь с молоком).
- б) - Мне неудобно спать здесь! Кровать очень жёсткая.
- Ничего, ничего. Будешь спать как все. Тоже мне! <...> (Принцесса на горошине).
- в) - Он ничего не может решить сам.
- Действительно. ... (Маменькин сынок).

5) **Составить свой диалог / полилог, в котором будут упоминаться люди (также используя изученные ФЕ) и т.д.**

Как известно, обучение иностранных студентов русской фразеологии – многоаспектный процесс, требующий внимательного отношения ко всем деталям и тонкостям изучаемой темы: как к содержанию составляющих ФЕ лексем-компонентов, так и к плану выражения [10; с. 212]. В связи с этим при изучении фразеологизмов «гендерного» типа мы считаем важным обращать внимание учащихся на **способы выражения** гендерных значений. По словам исследователей, самыми популярными из них (способов – Е.Л.) являются следующие: 1) выражение гендерных значений с помощью **имён собственных**, являющихся компонентами ФЕ; 2) с помощью **гендерных метафор**, входящих в состав ФЕ [7; с. 10].

Эти способы используются во всех языках, однако в их функционировании существует ряд различий, о которых должен знать студент. К примеру, во фразеологии русского языка **имя собственное** чаще является показателем гендера, чем в других языках. В английской и французской фразеологии оно (**имя собственное** – Е.Л.) в основном используется в целях передачи общечеловеческих характеристик, собственных определённому типу людей, вне зависимости от их половой принадлежности [11; с. 118]. Помимо этого, для русской фразеологии больше характерно обращение к фольклорным (в том числе сказочным) персонажам, для английской и французской – к историческим лицам (правителям, завоевателям, учёным), что было подтверждено на проводимых нами занятиях. Сравним русские ФЕ, которые мы приводили в пример учащимся (*Лиса Патрикеевна* – т.е. хитрая женщина; *Иван-дурак* – т.е. глупый парень, простак, *Баба-Яга* – неприятная особа женского пола) и ФЕ, которые вспомнили они: английские – "the admirable Crichton" ('несравненный Крайтон', т.е. учёный, образованный человек), "Cheap Jack" ('дешё-

вый Джек', простой человек, разносчик, торгующий дешёвыми товарами); французские – *"faire Charlemagne"* (человек, 'поступающий как Карл Великий'); *"être avare comme un Auvergnat"* (скупой человек, 'скупой как житель региона Овернь'). Как можно заметить, ФЕ с компонентом-именем собственным, приводимые в пример студентами, больше служат для описания общечеловеческих свойств, чем определённых гендерных характеристик.

Помимо рассмотрения имён собственных, полезным с точки зрения освоения образно-символического уровня языка, на наш взгляд, является рассмотрение **гендерообразующих метафор**, использующихся в составе русских ФЕ [7; с. 16], их аксиологической значимости. Так, для описания женщины в русском языке в целом используются следующие метафоры: с положительным значением («дама»), с насмешливым оттенком («принцесса», «барышня»), с отрицательным значением («ведьма», «баба»), с нейтральным («хозяйка») [12; с. 28; 7; с. 10]. Многие из этих метафор закрепились в составе ФЕ: «светская дама», «дама сердца», «принцесса на горошине», «кисейная барышня», «старая ведьма», «базарная баба», «хозяйка Медной горы». Метафоры, использующиеся для описания мужчины в русском языке выглядят следующим образом: положительные («герой», «рыцарь»), насмешливые («сынок», «мальчик»), нейтральные, зависящие от контекста («мужик») [12; с. 29]. Эти метафоры также получили своё место в составе популярных русских фразеологизмов: «настоящий герой / рыцарь», «маменькин сынок», «мальчик на побегушках». Метафорическая лексема «мужик», имеющая значение «простой, необразованный, ленивый» чаще используется в пословицах и поговорках: «Мужик задним умом крепок», «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» и т.д.

В английской фразеологии гендерной направленности (которую англоговорящие учащиеся приводили в пример с целью сопоставления) можем выделить следующие метафоры: "lady", "woman", "queen"/"man" (в значении «мужчина» и «человек»), "king": *"one's good lady"* (супруга); *"iron lady"* ('железная леди'); *"lady Bountiful"* (женщина, которая любит выставлять напоказ свою щедрость); *"a woman of the world"* ('светская женщина'); *"queen of hearts all society"* ('покорительница сердец') / *"big man on campus"* ('популярный парень'), *"a man Friday"* ('надёжный помощник'), *"a man of parts"* ('разносторонний, талантливый человек'); *"as happy as a king"* ('счастлив как король'); *"king for a day"* ('мужчина, способный на благородные поступки только единожды').

Во французских ФЕ (которые вспомнили франкоговорящие студенты) встретилось мало метафорических компонентов (к примеру, *"crier comme une haren gere"* – 'кричать как торговка сельдями'). Соотнесённость приводимых в пример французских ФЕ с описанием того или иного гендера была больше ясна из контекста, чем из самой ФЕ: *"homme sans cervelle"* ('легкомысленный человек', можно сказать и о женщине, и о мужчине); *"un homme / une femme de tête"* ('мужчина / женщина с головой', т.е. неглупый / -ая); *"capricieux comme une jolie femme"* ('капризный как хорошенькая женщина', описание мужчины). Примечательно, что франкоговорящие учащиеся в основном называли фразеологические сочетания, содержащие сравнительные обороты со словом "comme" ('как'), характерные для французского языка, в сочетании с зооморфными или флоронимическими образами: *"fier comme un paon"* ('гордый как павлин'); *"têtu comme un âne"* ('глупый как осёл'); *"frais comme un gardon"* ('свежий как огурчик').

Помимо метафор и имён собственных, на занятиях с иностранными студентами стоит учитывать и другие «гендерные» указатели, типичные **только для русской фразеологии**. К ним могут относиться: аффиксы (суффиксы и окончания), формы рода существительных и прилагательных («*гол* как сокол» – прилаг. муж. р.; «*хороша* Маша» – прилаг. жен. р. + имя собственное); местоимения, указывающие на принадлежность к тому или иному полу: «*его* держат под каблуком», «*её* держат в ежовых рукавицах» и т.д.

Перед ознакомлением учащихся с такими фразеологизмами (содержащими грамматические маркеры рода) следует рассмотреть всю парадигму падежных и числовых форм лексем-компонентов, содержащих эти маркеры (т.е. прилагательных и местоимений), в особенности это касается форм кратких прилагательных [13; с. 22]: он хороший (хорош), оно хорошее (хорошо), они хорошие (хороши), она хорошая (хороша) – «*хороша* Маша»; он бедный (беден), она бедная (бедна), оно бедное (бедно), они бедные (бедны) – «*беден* как церковная мышь». Затем студентам следует составить небольшой текст с использованием изученных фразеологизмов. Приведём фрагмент текста, составленного на нашем занятии студентом из Конго: «У него не было ничего. Он был *беден как церковная мышь*, но продолжал заниматься творчеством» и т.д.

На этапе **сопоставления русских ФЕ с ФЕ родного языка** стоит предложить учащимся продолжить начатые в предыдущих заданиях темы (к примеру, красоты или богатства / бедности), подобрав к предложенным русским ФЕ ряд английских / французских (в зависимости от национальной принадлежности студентов) фразеологических сочетаний на аналогичные темы. К примеру, нами был предложен сле-

дующий семантический ряд русских ФЕ на тему «бедности»: «*беден как церковная мышь*», «*не иметь ни гроша в кармане*», «*ни кола ни двора*», «*за душой ни копейки*», «*гол как сокол*», «*еле сводить концы с концами*». Англоговорящие учащиеся продолжили его следующими синонимичными ФЕ: "*live from hand to mouth*" ('жить от руки до рта', т.е. голодать); "*break the bank*" ('сломаť банк', т.е. поиздержаться); "*a hungry belly has no ears*" ('у голодного живота нет ушей'). Франкоговорящие студенты предложили синонимичные ФЕ своего языка: "*être sans le sou*" / "*ne pas avoir le sou*" ('быť без гроша', 'не иметь гроша'); "*tirer la langue*" ('вытащить язык', т.е. голодать); "*manger de la vache enragée*" ('есть бешеную корову', т.е. сильно нуждаться); "*être sur le sable*" ('быť на песке', т.е. не иметь средств к существованию) и т.д.

В целом в ходе проводимых нами занятий по изучению «гендерной» фразеологии с применением метода сопоставительного анализа русской и иноязычной фразеологии большая часть студентов (24 человека) справились со всеми предложенными заданиями самостоятельно, у 6 человек возникли некоторые затруднения при семантизации ФЕ, а также в процессе поиска аналогий, которые (затруднения – Е.Л.) были преодолены при помощи педагога. В процессе изучения темы учащиеся были активно вовлечены в процесс, заинтересованы, охотно контактировали друг с другом. Основные цели занятия, в частности, обучение студентов 1) навыкам узнавания ФЕ гендерного типа, 2) умения семантизировать их, 3) умения использовать их в процессе общения – были достигнуты. Особый интерес вызывали у иностранцев упражнения на подбор антонимичных фразеологических сочетаний, а также составление семантических групп ФЕ (на русском и родном языках) с последующим сопоставлением их и обсуждением встретившихся в них образов и символов русской культуры. Важным показателем эффективности обучения стало дальнейшее обращение студентов (на следующих занятиях, во внеурочное время) к ФЕ гендерного типа, использование изученной фразеологии в своей речи.

Таким образом, мы можем утверждать, что изучение темы «гендерной» фразеологии в рамках курса по русскому языку как иностранному имеет большую значимость для освоения иностранцами русского языка, понимания русской культуры. Учёт всех грамматических и семантических особенностей ФЕ, умение использовать эти ФЕ в процессе общения является важным условием достижения самого главного этапа обучения – **коммуникативного**, т.е. формирования навыков продуцирования **собственного речевого высказывания**. Как показывает практика, выбор формы занятий с опорой на сопоставительный анализ русских ФЕ с ФЕ языка родного способствует не только упрощению процессов запоминания и семантизации их учащимися, как уже было сказано выше, но и оптимизации общекоммуникативных навыков студентов (снятию языковых трудностей, психологических барьеров), а также повышению их интереса к изучаемому предмету (русскому языку) в целом.

Библиографический список

1. Буянова Л.Ю., Волошина К.С. Фразеологизмы как гендерный экспликат: культурно-цивилизационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. СПб, 2017. С. 117-124.
2. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. № 6. Москва, 1998. С. 76-86.
3. Кормильцева А.Л. Гендер во фразеологии: учебное пособие. Елабуга: Елабужский университет, 2020. 64 с.
4. Смирнова Г.В. Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // Вестник МГЛУ. № 12 (723). Москва, 2015. С. 197-204.
5. Волошина К.С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. канд. фил. наук. Нальчик: ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет», 2010. 28 с.
6. Долгалева Е.Е. Национальные особенности восприятия гендерных различий фразеологических единиц с компонентами «женщина» и «мужчина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (45). Тамбов, 2015. С. 61-66.
7. Самарина В.С. Гендер во фразеологии. Когнитивно-лингвокультурологический аспект: автореф. дис. канд. фил. наук. Ставрополь: ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», 2010. 22 с.
8. Адонина Л.В., Лазарев С.В., Никитина В.В. и др. Методика обучения иностранцев фразеологической системе русского языка: лингвокультурологический аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. № 6. Москва, 2017. С. 59-65.
9. Полонникова Е.Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Т. 10. № 1. СПб, 2019. С. 99-109.
10. Чепкова Т.П. Лингвометодические аспекты изучения фразеологии в иностранной аудитории // Вестник Орловского государственного университета. № 6 (14). Орёл, 2010. С. 211-213.

11. Червоний А.М. Фразеологизмы с прямой номинацией субъекта ментальной деятельности (на материале французского и английского языков) // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. Воронеж, 2014. С. 116-120.
12. Хлебникова А.Л. Гендерные метафоры русского и английского языков: метафорические фрагменты ценностной картины мира // Вестник Томского государственного университета. № 415. Томск, 2017. С. 26-31.
13. Кузнецова М.В. Работа над русскими прилагательными в аспекте преподавания РКИ // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1. Москва, 2005. С. 19-25.

References

1. Buyanova L.U., Voloshina K.S. Phraseologism as gender explicator: cultural and civilizational aspect // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. № 82. Sankt-Peterburg, 2017. Pp. 117–124.
2. Pushkareva N.L. Gender Studies: Birth, Formation, methods and perspectives // Questions of history. № 6. Moscow, 1998. Pp. 76–86.
3. Kormilceva A.L. Gender in phraseology: student's book. Elabuga: Elabuga institute, 2020. 64 p.
4. Smirnova G.V. Expression of gender in phraseological units of French and Russian languages // MSLU Bulletin. № 12 (723). Moscow, 2015. Pp. 197-204.
5. Voloshina K.S. Phraseologism as an instrument of conceptualizing a concept “gender” (based on the material of the English and Russian languages): abstract of Ph.D. Thesis in Philology Nalchik: GOU VPO “Kabardino-Balkarian State University”, 2010. 28 p.
6. Dolgaleva E.E. National characteristics of gender perception differences of phraseological units with the components “woman” and “man” // Philological sciences. Questions of theory and practice. № 3 (45). Tambov, 2015. Pp. 61-66.
7. Samarina V.S. Gender in phraseology. Cognitive linguocultural aspect: abstract of Ph.D. Thesis in Philology. Stavropol: GOU VPO “Stavropol State University”, 2010. 22 p.
8. Adonina L.V., Lazarev S.V., Nikitina V.V. Methodology of teaching foreigners to the phraseological system of the Russian language: the linguoculturological aspect // Modern science: topical problems of theory and practice. № 6. Moscow, 2017. Pp. 59-65.
9. Polonnikova E.G. Teaching of Russian phraseology to foreign students at the present stage // Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social sciences. № 10 (1). Sankt-Peterburg, 2019. Pp. 99-109.
10. Chepkova T.P. Linguo-methodological aspects of the study of Russian phraseology in a foreign audience // Bulletin of the Oryol State University. Орёл, 2010. № 6 (14). Pp. 211-213.
11. Chervony A.M. Phraseologisms with direct nomination of the subject mental activity (based on French and English) // VSU Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication Series. № 1. Voronezh, 2014. Pp. 116-120.
12. Hlebnikova A.L. Gender metaphors of Russian and English languages: metaphorical fragments of the value picture of the world // Tomsk State University Bulletin. № 415. Tomsk, 2017. Pp. 26–31.
13. Kouznetsova N.V. Working on Russian adjectives in teaching aspect of “Russian language as a foreign” // RUDN Bulletin. Russian and foreign languages and methods of teaching them Series. № 1. Moscow, 2005. Pp. 19–25.

УДК 372.881.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.18.15.006

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультур-
ной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor

Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультур-
ной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-226-2368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультур-
ной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина

ИЗ ОПЫТА ОНЛАЙН-ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели русского языка как иностранного при обучении слушателей подготовительного отделения в дистанционном формате. Данная тема является крайне актуальной в реалиях вынужденного перехода на формат онлайн-преподавания в сфере как среднего, так и высшего образования. Сфера обучения является одной из ключевых в государственной стратегии развития внутри страны и в мировом сообществе. Резкая вынужденная смена формата обучения дала широкий материал для анализа данного опыта, который необходим для выработки дальнейшей стратегии развития. Цель работы – исследовать неметодические и методические проблемы, связанные с реализацией преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе в формате онлайн. Авторами выделены наиболее популярные платформы для онлайн-занятий, особенности содержательной стороны занятий, восприятие его обучающимися, реализация коммуникативной компетенции, аспекты языка и аспекты обучения, трудности при работе с разными видами речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), вопросы мотивированности, технические и временные стороны, возможности проверки домашнего задания, формы проведения итогового контроля. Показаны преимущества и недостатки данного формата. Применение новых технологий и адаптация к ним преподавателей и студентов также актуальная проблема современного дистанционного образования. Широкий перечень технических вопросов, которые возникают при реализации онлайн-обучения, требуют участия технических специалистов, что является иногда непреодолимой трудностью. Полученные выводы могут быть использованы для дальнейшего подробного исследования цифровых технологий, а также для корректировки современного курса обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, дистанционное обучение, подготовительное отделение, технический университет.

N.B. Bugakova, Ju.S. Popova, O.V. Sulemina

EXPERIENCE OF RFL ONLINE-TEACHING FOR BEGINNERS AT VORONEZH STATE TECHNICAL UNIVERSITY

The article discusses the key problems faced by teachers of Russian as a foreign language when teaching students of the preparatory department in a distance format. This topic is very relevant in reality of the forced transition to the format of online teaching in the field of both secondary and higher education. The field of education is one of the key areas in the state development strategy within the country and in the global community. The abrupt forced change of the training format provided a wide material for the analysis of this experience which is necessary for the future development strategy. The purpose of the work is to investigate non-methodological and methodological problems associated with the implementation of teaching Russian as a foreign language at the initial stage in the online format. The authors have identified the most popular platforms for online classes, the features of the content side of classes, the perception of it by students, the implementation of communicative competence, aspects of language and aspects of learning, difficulties when working with different types of speech activity (listening, speaking, reading and writing), motivation issues, technical and temporal aspects, the possibility of checking homework, forms of final control. The advantages and disadvantages of this format are shown. The use of new technologies and the adaptation of teachers and students to them is also an urgent problem of modern distance education. A wide range of technical issues that arise in the process require the participation of technical specialists, which is sometimes an insurmountable difficulty. The obtained conclusions can be used for future detailed research of digital technologies, as well as for adjusting the modern course of study.

Keywords: Russian as a foreign language, distance learning, preparatory department, technical university.

Активное развитие информационных технологий, глобализация и дигитализация обучения в современном мире, несомненно, расширяет возможности и позволяет получить новое образование и дополнительную квалификацию без отрыва от работы или учебы, не выходя из дома. Многие исследователи отмечают активное развитие дистанционного образования, его значимость в современном мире [1, 2, 3, 4] и даже выделяют его как «новую самостоятельную дидактическую систему со своим компонентным составом (целями, задачами обучения, содержанием, методами, принципами, средствами, процессом и организационными формами), основанную на взаимодействии учителя и учащихся, учащихся между собой на расстоянии» [2]. Но мы склонны согласиться с учеными, которые утверждают, что «цели, задачи, содержание, методы, принципы обучения русскому языку как иностранному не зависят от формы организации образовательного процесса» [1]. При этом дистанционное обучение, несомненно, требует особой организации и использования различных компьютерных технологий. Также, с нашей точки зрения, следует разграничивать курсы, изначально ориентированные на дистанционное прохождение, и занятия, которые ведутся дистанционно в связи с реалиями пандемии. Первый вариант выбирается обучающимися осознанно и предполагает наличие необходимого оборудования, готовности к самостоятельной работе и ориентированность на соответствующий формат. Второй вариант обусловлен ограничениями и, соответственно, чаще всего оценивается негативно как преподавателями, так и обучающимися. Отсюда вытекает главная, как представляется, проблема дистанционного обучения на подготовительном отделении – отсутствие мотивации студентов и негативный настрой, связанный с невозможностью реализовать свои образовательные интенции.

Преподаватели русского языка как иностранного, работающие на подготовительных отделениях вузов, столкнулись с необходимостью проведения занятий в дистанционной форме, хотя изначально обучение ориентировано на пребывание студентов в языковой среде и непосредственный контакт с группой, что повлекло за собой ряд трудностей, связанных как с техническими, так и с методическими вопросами.

Нам кажется возможным говорить о наличии проблем неметодического характера, связанных с вынужденным дистанцированием, и ряда методических вопросов, которые решаются каждым преподавателем по-своему, в соответствии с конкретными условиями.

Проблемы неметодического характера. Во-первых, сюда можно отнести указанное выше отсутствие мотивации. С одной стороны, это вопрос организованности и нацеленности на результат самого обучающегося, но все же опыт показывает, что пребывание в языковой среде вынуждает даже немотивированных и труднообучаемых студентов выучить слова и фразы, необходимые для коммуникации в социальной среде – так называемый уровень выживания.

Отметим также, что данная проблема часто вытекает из социальных и технических трудностей в родной стране, мешающих обучению. В ряде стран есть проблемы с электричеством и доступом в интернет (Сирия, Палестина, Афганистан, некоторые африканские и латиноамериканские страны). Помимо этого, часто в группе собраны студенты из разных часовых поясов, что создает трудности как для них, так и для преподавателя. Практически все обучающиеся стремятся как можно быстрее въехать в Россию и приступить к занятиям в способствующих этому условиях. Помимо технических возможностей для учебы, в России студент подвергается визуальному, аудиальному, коммуникативному воздействию (читает названия, слышит речь, музыку, вступает в живую коммуникацию с носителями языка и т.д.), что, несомненно, позволяет быстрее адаптироваться к языку и сделать успехи в его изучении.

Вопросы, связанные с реализацией методических приемов преподавания РКИ в интернете.

1. *Выбор платформы для проведения занятий.* Сейчас существует огромное количество различных вариантов платформ для проведения уроков онлайн, и каждый выбирает наиболее удобную. Наши преподаватели использовали Skype, Google-classroom, Zoom, Moodle и ряд других платформ и сделали вывод, что по таким параметрам, как невысокие программные требования (важно при плохом интернете у студентов), возможность демонстрации экрана, наличие виртуальной доски, видео- и аудиосвязи, чата, Zoom на данный момент оптимален для проведения онлайн-занятий. Остальные платформы тоже обладают своими плюсами, но чаще всего работа в них вызывает у студентов трудности технического характера. С начала пандемии возможности Zoom расширились и проблемы во время проведения видеоконференций возникают довольно редко. Единственным минусом этой платформы является ограниченность сессии во времени до 40 минут без дополнительной оплаты, но это соответствует половине пары и не вызывает особых нареканий. Примеры объяснения грамматического материала с помощью виртуальной доски в Zoom представлены на рисунках 1, 2.

И.п. кто? что?	Р.п. кого? чего? откуда?	Д.п. кому? чему? куда?	В.п. кого? что? куда?	Т.п. кем? чем?	П.п. о ком? о чем? где?
он					
друг —	друга	другу	друга	другом	друге
преподаватель	преподавателя	преподавателю	преподавателя	преподавателем	преподавателе
стол	стола	столу	стол	столом	столе
музей	музея	музею	музей	музеем	музее
! папа	! папы	! папе	! папу	! папой	! папе
дядя	дяди	дяде	дядю	дядей	дяде
отец	отца	отцу	отца	отцом	отце
—, ь, й оно	-а, я	-у, ю		-ом, ем	-е
окно	окна	окну	окно	окном	окне
море	моря	морю	море	морем	море
общезитие	общезития	общезитию	общезитие	общезитием	общезитии
! время	! времени	! времени	время	! временем	! времени
-о, е	-а, я	-у, ю		-ом, ем	-е, ии

Рис. 1. Объяснение грамматики, сводная таблица падежей имени существительного в единственном числе

Мне (Д.п.)	нравится	музыка. (И.п.)
Я (И.п.)	занимаюсь	музыкой. (Т.п.)

Рис. 2. Объяснение схемы выполнения практического задания, замена конструкции с глаголом «нравиться» на конструкцию с глаголом «любить»

Как видно, виртуальная доска позволяет создавать наглядные схемы, использовать разные цвета, сохранять материал. Это делает объяснение грамматики близким к традиционному занятию в классе. Но здесь невозможно использовать шрифты, похожие на рукописный, если в наличии нет планшета и возможности писать на экране. Поэтому для обучения письму используются видеоуроки, записанные преподавателями и загруженные в Youtube, а также материалы по письму, которые находятся в свободном доступе. Для проверки студент должен писать домашние задания в своей тетради и присылать фото в мессенджерах Watsup

или Facebook, которые позволяют редактировать фото (т.е. исправлять ошибки) и отправлять обратно, не скачивая его (рисунк 3).

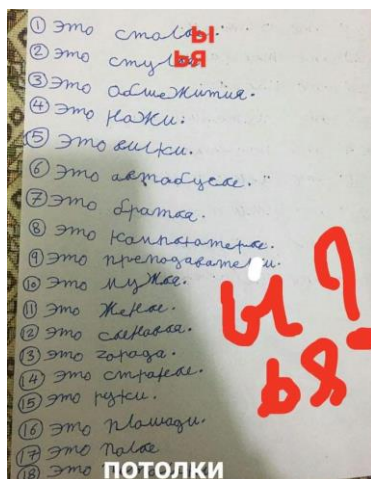

Рис. 3. Проверка домашнего задания онлайн в мессенджере

Также мессенджеры используются для создания чатов группы и обмена информацией, общения студентов между собой.

Другой хорошо зарекомендовавший себя вариант – проверка домашнего задания совместно с группой во время урока. Студенты по очереди читают ответы, преподаватель исправляет ошибки и записывает правильный вариант в чате или непосредственно в учебнике, если используется формат *.doc.

2. *Сохранение и повторение пройденного материала.* Как известно, на начальном этапе обучения новая информация и новая грамматика дается практически каждое занятие. Часто по разным причинам преподаватель не имеет возможности повторять урок для отсутствовавших студентов. Помочь им в освоении пропущенного материала призваны видеоуроки, записанные преподавателями в аудитории и загруженные на платформу Youtube. Такие уроки особенно важны при постановке фонетики, письма, чтения. Они позволяют много раз просматривать технику написания букв и прослушивать звуки или текст, отрабатывая навыки при повторении за преподавателем. Но видеоуроки и самостоятельное освоение грамматики по учебнику обязательно должны сопровождаться непосредственными онлайн-занятиями в группе с преподавателем, поскольку студент не может самостоятельно контролировать степень освоения материала и не замечает собственные ошибки.

3. *Введение новой лексики.* При введении новых слов интернет позволяет объяснить их визуально, не прибегая к переводу, что облегчает работу преподавателя. Но возникает проблема с запоминанием и непосредственным использованием. Здесь помогает работа в группе с включенным видео. Например, тема «цвета» закрепляется, когда студенты называют цвет своей одежды или одежды одногруппников, и т.п. Однако отсутствие языковой среды требует от студентов упорства и мотивации в освоении лексики, большой самостоятельной работы. Этот раздел РКИ часто оказывается непроработанным при онлайн-обучении.

4. *Коммуникация на русском языке.* Это самый проблемный вопрос в дистанционном преподавании РКИ. Сложности возникают из-за маленького лексического запаса, отсутствия реальных жизненных ситуаций, побуждающих к коммуникации на русском языке и ряда других факторов. Относительному преодолению коммуникативных проблем способствует побуждение студентов к общению в группе во время занятия на русском языке. Это может быть составление диалогов, участие в ролевых играх по данной ситуации и т.п. Оптимальным кажется количество студентов в группе около 5-6 человек. Малые группы дают возможность высказаться всем студентам, а преподавателю – услышать каждого и обратить внимание на ошибки.

Экзамен по говорению для студентов подготовительного отделения, который проходил онлайн летом 2021 года показал, что даже при отличном знании грамматики они плохо готовы к живой коммуникации, теряются и зачастую не понимают элементарных вопросов преподавателя. Представляется, что это вызвано стрессом из-за немного необычной формы экзамена и отсутствием достаточной практики говорения.

5. *Проверка знаний, экзамены.* Контрольные и тестовые задания в огромном количестве представлены в интернете. Многие находятся в свободном доступе, выполняются онлайн и позволяют обучающимся самим оценить свой уровень подготовки.

По окончании подготовительного отделения экзамен по РКИ проходил в упрощенной форме: онлайн-тест по грамматике на платформе Moodle (Образовательный портал ВГТУ – <https://old.education.cchgeu.ru/>) и устный экзамен – говорение в Zoom. Создание теста в Moodle очень удобно, дает возможность задать все желаемые параметры (ограничение во времени, постоянную смену вопросов, автоматическую проверку, количество попыток). Но, к сожалению, объективность такого теста крайне низка в связи с невозможностью непосредственно или хотя бы по видео контролировать студентов в ходе выполнения (у многих есть только одно устройство для входа в интернет). Устная часть требует включения видео и коммуникации с преподавателем, поэтому она объективно показывает степень освоения студентами материала.

Мы коснулись далеко не полного списка вопросов, возникающих при вынужденном онлайн-преподавании РКИ на начальном этапе. Однако в нашей практике преподавания именно этот круг проблем оказался особенно значимым. Подводя промежуточные итоги почти двухлетнего опыта дистанционного преподавания РКИ на подготовительном отделении, можно сделать следующие выводы: 1) оптимальны малочисленные группы, 2) в одной группе должны быть представлены страны близких часовых поясов, 3) материал должен подаваться максимально наглядно, с возможностью пересмотреть и повторно прослушать тему, 4) необходимо создать в группе атмосферу, располагающую к общению и стараться мотивировать студентов к выходу в речь, коммуникации друг с другом на русском языке.

Если говорить о реализации при дистанционном обучении всех аспектов владения языком, получится следующее: грамматика и лексика, чтение и письмо усваиваются довольно неплохо, аудирование и говорение вызывают большие затруднения. Думается, это связано с отсутствием погружения в языковую среду, ежедневной практики восприятия и использования русской речи. Как показывает пример студентов, поступивших на первый курс и сейчас проходящих обучение непосредственно в университете, при наличии лексической и грамматической базы, навыки аудирования и говорения в языковой среде развиваются и прогрессируют довольно быстро.

Библиографический список

1. Бондаренко В.А. Проблемы организации дистанционного обучения по русскому языку как иностранному (из опыта подготовительных курсов для иностранных слушателей) / В. А. Бондаренко // Молодой ученый. 2020. № 39 (329). С. 185-187. [Режим доступа]. URL: <https://moluch.ru/archive/329/73787/> (Дата обращения: 18.02.2022).
2. Полат, Е.С. Теория и практика дистанционного обучения / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева. Учеб. пособие для студ. высш.пед.учеб.заведений М.. Издательский центр «Академия», 2004. С. 52-53
3. Ускова О.А., Ипполитова Л.В. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017 №5 (782). [Режим доступа]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dstantsionnaya-forma-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-problemy-i-perspektivy> (Дата обращения: 18.02.2022).
4. Иванова Т.И., Железнякова С.Н. Из опыта дистанционного преподавания русского языка как иностранного слушателям разных стран // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016 №1-4. [Режим доступа]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-distantsionnogo-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-slushatelyam-raznyh-stran> (дата обращения: 18.02.2022).

References

1. Bondarenko V.A. Problems of organizing distance learning in Russian as a foreign language (from the experience of preparatory courses for foreign students) / V. A. Bondarenko // Young scientist. 2020. No. 39 (329). Pp. 185-187. [Access mode]. URL: <https://moluch.ru/archive/329/73787/> (Accessed: 02/18/2022).
2. Polat, E.S. Theory and practice of distance learning / E.S. Polat, M.Y. Bukharkina, M. V. Moiseeva. Study guide for students. higher.ped.studies.institutions M .. Publishing Center "Academy", 2004. Pp. 52-53
3. Uskova O.A., Ippolitova L.V. Distance learning of Russian as a foreign language: problems and prospects // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2017 №5 (782). [Access mode]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dstantsionnaya-forma-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-problemy-i-perspektivy> (Accessed: 02/18/2022).
4. Ivanova T.I., Zheleznyakova S.N. From the experience of distance teaching of Russian as a foreign language to listeners from different countries // Actual problems of humanities and natural sciences. 2016 №1-4. [Access mode]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-distantsionnogo-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-slushatelyam-raznyh-stran> (accessed: 02/18/2022).

УДК 372.881.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.12.27.007

*Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, методики
его преподавания и документоведения*

*Телкова В.А.
Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: telkova.2014@bk.ru*

Bunin Yelets State University

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Pro-
fessor, Associate Professor of Department of Rus-
sian Languages, Methods of Its Teaching and
Document Science*

*Telkova V.A.
Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: telkova.2014@bk.ru*

В.А. Телкова

ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДИСТОВ ПРОШЛОГО

В предлагаемой статье рассматривается проблема развития речи школьников как одна из множества не менее важных проблем, связанных с изучением родного языка и в той или иной степени затронутых в методической литературе дореволюционной поры. При этом особое внимание уделяется работам видных отечественных педагогов и методистов, начиная с К.Д. Ушинского, поскольку именно с середины XIX века наиболее ярко проявляются прогрессивные тенденции в преподавании родного языка и наибольшую популярность приобретают идеи великого русского педагога и его последователей. Этими факторами и определяется выбор анализируемых в статье работ. Исследование методического наследия педагогов-словесников показало, что развитие речи для них связано прежде всего с выработкой навыка свободного владения родным языком, умения правильно, ясно, просто и красиво выражать свои мысли. В свою очередь, свобода овладения родным языком заключается в умении легко и быстро выбирать из многочисленного богатства слов и фраз необходимые, наиболее удачно, живо и точно передающие мысли говорящего. В этой связи особенно ценно, что взгляды методистов прошлого на роль родного языка, сущность знания его и на цели развития речи учащихся признаны современной методикой и находят свое воплощение в практике школы. Изложенный в статье материал важен как для представления о состоянии методической мысли рассматриваемого периода, так и для понимания источников современного развития методики преподавания русского языка.

Ключевые слова: образование, родной язык, развитие речи, методическое наследие.

V.A. Telkova

THE PROBLEM OF SPEECH DEVELOPMENT OF STUDENTS IN THE WORKS OF RUSSIAN METHODOLOGISTS OF THE PAST

The proposed article considers the problem of speech development of schoolchildren as one of the many equally important problems related to the study of the native language and to some extent touched upon in the methodological literature of the pre-revolutionary period. At the same time, special attention is paid to the works of prominent Russian teachers and methodologists, starting with K. D. Ushinsky, since it is from the middle of the XIX century that progressive trends in teaching the native language are most clearly manifested and the ideas of the great Russian teacher and his followers are gaining the greatest popularity. These factors determine the choice of the works analyzed in the article. The study of the methodological heritage of verbal teachers has shown that the development of speech for them is primarily associated with the development of the skill of fluency in their native language, the ability to correctly, clearly, simply and beautifully express their thoughts. In turn, the freedom of owning a native language consists in the ability to easily and quickly choose from the numerous richness of words and phrases that are necessary, most successfully, vividly and accurately convey the thoughts of the speaker. In this regard, it is especially valuable that the views of methodologists of the past on the role of the native language, the essence of its knowledge and on the goals of developing students' speech are recognized by modern methods and are embodied in the practice of the school. The material presented in the article is important both for understanding the state of methodological thought of the period under consideration,

and for understanding the sources of the modern development of the methodology of teaching the Russian language.

Key words: education, native language, speech development, methodological heritage.

История вопроса – серьезное подспорье в решении и развитии многих педагогических проблем, стоящих перед современной методической наукой и школой. С самого начала становления методики преподавания русского языка ее отличала прогрессивность и гуманность идей. В наследстве методистов прошлого (середина XIX – начала XX века) можно найти немало созвучного нашим идеалам и стремлениям, немало полезного, но, к сожалению, забытого.

Вопрос о значении родного языка в образовании и воспитании детей, о развитии речи занимал виднейшее место в ряду многих педагогических вопросов, решавшихся учителями и методистами дореволюционной школы. Решение их определяло и методы обучения родному языку.

Крупнейший русский педагог и замечательный патриот Родины К.Д. Ушинский был глубоко убежден, что основой всякого воспитания и образования должен являться язык своего народа, родной язык [1; т.3, с.273]. Глубоко народным, национальным характером языка определяется его ценность в образовании и воспитании.

Язык народа – зеркало его ума и души. Кроме того, в языке отражается жизненный опыт многих поколений. Язык связывает прошлые поколения с живущим и будущим поколениями. Обилие знаний и опыта, накопленных народом и отложившихся в языке, и делает язык неисчерпаемым источником информации, орудием образования и воспитания. Усваивая родной язык, ребенок получает одновременно массу сведений о природе, о людях, об истории народа, об искусстве. Таково познавательное значение родного языка. Огромно и воспитательное воздействие языка, так как только образование и воспитание на родном языке сделает человека патриотом своей родины. «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, – говорит по этому поводу К.Д. Ушинский, – но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова» [1; т.3, с. 273].

Родной язык играет первостепенную роль в формировании культурного облика будущего гражданина-патриота и потому, что родной язык усваивается необыкновенно легко, следовательно, и культурное наследие большой давности может быть легко усвоено благодаря родному языку.

Успехи по всем другим предметам стоят в большой зависимости от успехов по родному языку; учащийся, плохо овладевший родной речью, будет страдать от этого недостатка при изучении других предметов.

К.Д. Ушинский подчеркивает неразрывную связь языка с мышлением. Всякое знание только тогда становится «истинною собственностью человеческого сознания», когда оно воплощается в родном слове. «Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка, – и усваивает легко и скоро – в два-три года – столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог – родное слово!» [1; т.3, с.312].

Первостепенное значение родного языка в образовании и воспитании определяет и задачи преподавания русского языка в школе. В статье «О первоначальном преподавании русского языка» К.Д. Ушинский выдвигает три цели, которых должны достичь учителя-словесники, это:

1) развитие речи ребенка, 2) привитие навыка сознательного овладения сокровищами родного языка – усвоение форм языка, 3) усвоение грамматики – «логики языка», как называет ее К.Д. Ушинский [1; т.3, с.278-283].

Поскольку родной язык помогает развитию мышления ребенка, необходимо большое внимание уделять развитию речи. Развитие речи, по мнению К.Д. Ушинского, предполагает прежде всего сознательное усвоение родного языка учащимися [1; т.3, с.278]. Развивая речь учащегося, учитель формирует «мыслящую способность» [1; т.3, с.264], так как мысль и слово неразделимы. Связывая вещь и слово, учитель воспитывает и логическое мышление, добивается полного соответствия речи ребенка и действительности. Развивать речь учащегося – значит добиваться ее точности и правдивости, ясности и простоты. Выразительность речи не должна иметь ничего общего с болтливостью, краснобайством, увлечением внешней красотой фразы. Предостерегая от неправильного понимания целей развития речи, К.Д. Ушинский говорит: «Та речь действительно хороша, которая выражает как раз то, что должна выразить: ни более, ни менее...

Повторяем еще раз, что не садить и размножать, но вырвать с корнем эти «цветы красноречия» должна хорошая школа» [1; т.3, с.283].

Развитие речи, по мнению К. Д. Ушинского, предполагает воспитание чувства языка, чувства поэзии [1; т.3, с.312]. Это чувство языка, умение быстро находить нужную форму для выражения своей мысли, предлагается К.Д. Ушинским воспитывать на материале содержательном, живом, связанном с народным творчеством, с литературой народа.

Знать язык – это значит свободно владеть речью, усвоив формы языка народного и литературного; сознательно пользоваться сокровищами родного языка и знать его грамматику. В этом заключаются, по мнению К.Д. Ушинского, знание языка и цели развития речи учащихся [1; т.3, с.278].

«Родное слово есть основа всякого развития и сокровищница всех знаний, с него начинается всякое понимание, через него проходит и к нему возвращается» [1; т.3, с.264]. Эта мысль замечательного педагога получила широкое признание среди прогрессивной части учительства в дореволюционной России, определила тот глубокий интерес и внимание к изучению родного языка, которые обнаруживаются и в решении методических проблем, и в практике обучения и воспитания детей в дореволюционной школе.

Ценные мысли К.Д. Ушинского о первостепенном значении родного языка в образовании и воспитании молодого поколения, о необходимости развития устной и письменной речи учащихся и методах развития речи продолжают и развивают в своих трудах многие методисты прошлого.

Проф. И.И. Срезневский рассматривает родной язык как главную основу общей образованности и образования каждого из членов общества. В знании языка он выделяет две стороны: знание внутреннее и знание внешнее [2; с.7].

Знание внутреннее, или знание «про себя», служит «для удовлетворения внутренних требований ума познающего» и означает знание слов и сочетаемости слов. Внешнее знание языка, имеющее целью общение с людьми, не может быть ограничено только знанием слов и сочетаемости слов, оно предполагает поэтому умение пользоваться словами, умение правильно выражать мысли, правильно и красиво говорить, соблюдая орфоэпические нормы, и умение писать.

Для правильного выражения своих мыслей необходимо уметь легко находить слова, наиболее точно и ярко определяющие те предметы и явления, о которых идет речь. Чтобы речь была ясной и точной, достаточно пользоваться готовыми выражениями, нужно создавать свои, наиболее подходящие в каждом конкретном случае. Полное знание языка заключается, по мнению И. И. Срезневского, не только в знании слов и сочетаний слов, но и в умении свободно и правильно пользоваться богатствами языка [2; с.16].

Развивая далее мысль о необходимости глубочайшего изучения родного языка, И. И. Срезневский дает полезные методические указания о принципах изучения языка и развития речи, основанные на связи языка и мышления. «Истинная свобода обладания языком невозможна без вникания в него ..., изучая родной язык, надобно изучать именно язык, орудия и законы его выразительности, а не что другое ...» [2; с.30].

Следовательно, только сознательное усвоение языка приведет к полному знанию его. Вдумываясь в средства, предоставляемые родным языком для выражения мыслей, находя среди массы слов и фраз наиболее верные, живые и точные, запоминая и применяя их в своей речи, учащийся по-настоящему овладевает навыком свободного пользования родным языком.

Цели развития речи не должны исчерпываться привитием навыка использования только готовых слов и выражений. Такой «безжизненный навык» [2; с.30], как его определяет И. И. Срезневский, тормозит и развитие речи, и развитие ума. По мысли педагога, «где только навык, там нет свободы мышления, а где нет свободы мышления, там нет и действия ума. Конечно, необходим и навык, но подчиняемый уму, навык – не как мертвая привычка, а как живое умение» [2; с.30]. Таково решение вопроса о сущности знания языка и развития речи в методическом труде И. И. Срезневского «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» [2].

В конце XIX и начале XX века в методике преподавания языка в школе утвердилась точка зрения, согласно которой язык изучался как совершенно самостоятельное внешнее явление, в отрыве от мышления изучались формы языка, их различные изменения, историческая эволюция [3]. Однако далеко не все педагоги-словесники были согласны с подходом, при котором язык изучался в отрыве от мысли, считая это вредным для школы, поскольку одной из основных задач последней является то, чтобы ввести учащихся в обладание языком как оружием мысли. Кроме того, в тот период предпочтение отдавалось изучению латинского и греческого языков, а русский язык не имел большого значения.

Все это мало содействовало развитию умственных, творческих способностей учащихся, что беспокоило многих учителей. Поэтому уже на рубеже XIX–XX веков особенно большую ценность приобретали выступления последователей К.Д. Ушинского, видных педагогов-методистов В.В. Голубкова, И.И. Трояновского, А.В. Миртова, А.Д. Алферова и др., так как они открывали дорогу родному языку – истинному

источнику образования и воспитания.

Изучение языка – не самоцель, считают они [4; 5; 6; 7]. Цель изучения и развития языка – это прежде всего развитие логического мышления. Но этим указанные цели не могут исчерпываться. Так, В.В. Голубков утверждает, что задачей изучения языка, развития устной и письменной речи является также развитие воображения, фантазии, образного мышления и способности художественной речи [4; с.94]. Действительно, способность образно мыслить играет большую роль в жизни человека, как и способность мыслить логично. Без творческого воображения, без смелого полета фантазии не могло быть написано ни одного художественного произведения, не могло быть сделано ни одного великого открытия. И в познавательной деятельности человека «воображение занимает видное место, так как, хотя наше познание внешнего мира и основано на логическом мышлении, на выяснении отношений между представлениями, оно требует яркого, предельно ясного, отчетливого осознания этих представлений, что и достигается с помощью воображения» [4; с.97].

Следовательно, работая над совершенствованием речи учащихся, учитель должен заботиться и о развитии творческого воображения, фантазии. Это выдвигает перед учителем еще одну задачу: развивая воображение, уяснить границы такого развития, чтобы не допускать превращения творческого воображения в пустую мечтательность, то есть подчинить фантазию воле человека. Художественная речь не имеет ничего общего с цветистой болтовней учеников, которые любят в своих работах отделяться общими фразами. Такое фразерство вредно влияет на развитие мышления, так как учащиеся не стремятся к последовательности в рассуждениях, к серьезному обдумыванию фразы, слова, наиболее подходящих в каждом случае для верного отражения действительности.

О сознательности в усвоении родного языка и необходимости развития письменной речи наряду с устной пишет И.И. Трояновский в книге «Педагогические этюды» в главе «О письменном изложении учениками своих мыслей» [5]. Развитие письменной речи, как и устной, заключается, по мнению И.И. Трояновского, в том, чтобы научить учащегося последовательно излагать мысли, находить для их выражения наиболее удачную оболочку, выбрав нужные слова, при изложении вопросов не повторяться и не пропускать важного [5; с.79].

Как и В.В. Голубков, И.И. Трояновский придает большое значение развитию творческого воображения учащихся и предлагает свои приемы и методы работы в этом направлении [5; с.78-87].

Аналогичное понимание целей и задач изучения родного языка мы находим в книге А.В. Миртова «Как научить и научиться писать сочинения? Общедоступное руководство» [6]. Этот важный труд содержит ценные методические советы по развитию письменной речи учащихся и интересные выводы из наблюдений в этой области. Продолжая и развивая мысли К. Д. Ушинского о первостепенной роли родного языка в обучении и воспитании молодого поколения, А.В. Миртов протестует против ничем не оправданного гонения родного языка. «В образовании детей главную роль должны играть именно предметы, развивающие ум. У нас же по какому-то недоразумению родной язык прижат в угол ...», – пишет он [6; с.5]. Во вступлении к своей работе А.В. Миртов раскрывает цели и задачи развития устной и письменной речи учащихся. Заключаются они в том, чтобы «научить стройно, связно, ясно и просто излагать свои мысли» [6; с.2]. Это умение должно стать самым обыкновенным достоянием молодежи, окончившей школу. Развитие речи, по мнению А.В. Миртова, имеет и ту неоспоримую ценность, что учит практическому использованию своих знаний, так как правильно организованные творческие письменные работы, например, сочинения учащихся, имеют в виду последовательное изложение мыслей о каком-либо предмете или явлении, установление взаимосвязи между частями предмета или явления, или самими предметами и явлениями [6; с.7]. Таким образом знания приводятся в порядок.

Последовательно продолжает и развивает взгляды К.Д. Ушинского на изучение родного языка в школе известный методист и педагог А.Д. Алферов. Родной язык рассматривается им как основное средство воспитания и образования. «В родном языке – все отечество», – пишет А.Д. Алферов [7; с.402]. Поэтому только на родном языке можно воспитать патриотов родины. Исходя из этого, учитель обязан доводить своих учеников до глубокого понимания родного языка, должен научить их чувствовать красоту и глубину произведений, на нем написанных. Но любовь к родному языку, к своей родине не должна мешать воспитанию чувства уважения к другим народам и их культуре, не должна быть препятствием к изучению иностранных языков.

С другой стороны, посягать на чужой язык, навязывать ему свой – значит подтачивать в корне жизнь народа, ибо в языке народа воплощается его национальность. В образовании молодого поколения родной язык должен занимать первенствующее положение, и «глубокий позор ляжет на то учебное заведение, –

пишет А.Д. Алферов, – где ученики лучше знают иностранные языки, чем свой родной язык» [7; с.461].

Автор основательного методического труда «Родной язык в средней школе», выделяя в составе современного русского языка язык литературный, народный и личный язык каждого, решает вопрос, в каком соотношении должны они стоять в языке учащихся. Учащиеся средней школы должны быть знакомы с основами литературного языка, куда входит не только язык художественной литературы, но и язык науки. С глубоким сочувствием цитируя и раскрывая высказывания К.Д. Ушинского о большой пользе для развития и воспитания учащихся знакомства с народной поэзией и народным языком, А.Д. Алферов настаивает на том, чтобы средняя школа вводила учащихся в знание и понимание народного языка, а не только литературного. «Нельзя допускать, – пишет он, – чтобы литературный язык преподавался как нечто противоположное языку народному!...» [7; с.489]. Народная речь – источник литературного языка, и это должны знать и чувствовать учащиеся.

Но изучение литературной и народной речи не должно сводиться к заучиванию ходячих фраз и готовых оборотов речи, а должно содействовать развитию собственного языка учащихся, то есть родной язык должен усваиваться творчески.

Знание языка, по мнению А.Д. Алферова, предполагает прежде всего умение владеть живой литературной речью, обладать речью развитой [7; с.483]. Необходимы знания грамматики и орфографии, но они не должны мешать развитию речи. Напротив, занятия родным языком тогда пробуждают интерес у учащихся, когда они сочетают упражнения в грамматике с целями развития речи. Педагог выступает против абстрактного изучения грамматики, то есть такого изучения, при котором из данного предмета (слова) выделяются отдельные части, признаки и рассматриваются вне связи с целым, с содержанием. Непосредственное сознательное участие, любознательность учащихся – вот основные факторы, ведущие к творческому овладению родным языком, считает А.Д. Алферов.

Проследив мысли видных педагогов-методистов второй половины XIX и начала XX веков о роли изучения родного языка и задачах развития речи учащихся, мы пришли к выводу, что, несмотря на некоторые расхождения во взглядах на методы и приемы обучения языку, вопросы о роли родного языка и задачах развития речи одинаково решаются К.Д. Ушинским и его последователями.

Основой обучения и воспитания учащихся, по мнению педагогов, должен быть родной язык. Только воспитание на родном языке делает человека патриотом своей Родины. Через родной язык познается прошлое, настоящее и будущее своего народа и усваивается его культурное наследие. Вместе с тем богатства языка усложняют, разнообразят как мысленную, так и духовную жизнь человека. Исходя из этого, развивать речь учащегося – значит учить его логично мыслить. Но, поскольку в жизни человека большую роль играет воображение, в задачу развития речи входит и развитие творческого воображения учащегося, необходимого в его познавательной и творческой деятельности.

Библиографический список

1. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1989. Т.3. 510с.
2. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. М.: УРСС: Красанд, 2010. 116с.
3. Львов М.Р. Русский язык в школе: История преподавания. М.: Вербум-М, 2007. 331с.
4. Голубков В.В. Письменные работы в младших классах средней школы // Вестник воспитания. 1912. №5. С. 94-115
5. Трояновский И.И. Педагогические этюды. М.: Т-во Сытина, 1913. 128с.
6. Миртов А.В. Как научить и научиться писать сочинения? Общеизвестное руководство. Петроград: тип. «Рассвет», 1917. 170с.
7. Алферов А.Д. Родной язык в средней школе. М.: Сотр.шк., 1911. 566с.

References

1. Ushinsky K.D. Pedagogical works: in 6 volumes. M.: Pedagogika, 1989. V. 3. 510p.
2. Sreznevsky I.I. About the study of the native language in general and especially in childhood. M.: URSS: Krasand, 2010. 116s.
3. Lviv M.R. Russian language at school: The history of teaching. M.: Verbum-M, 2007. – 331p.
4. Golubkov V.V. Written works in the lower grades of secondary school // Bulletin of education. 1912. No. 5. P. 94-115
5. Troyanovsky I.I. Pedagogical etudes. M.: T-vo Sytina, 1913. 128p.
6. Mirtov A.V. How to teach and learn to write essays? A public guide. Petrograd: "Dawn", 1917. 170 p.
7. Alferov A.D. Native language in secondary school. Moscow: Sotr. shk., 1911. 566p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1-3:81'372.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.50.42.008

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного Вязовская В.В.*

*Россия, г. Воронеж,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

*Воронежский государственный технический
университет*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации*

Воронова Т.А.

*Россия, г. Воронеж,
тел. +7-910-347-38-37*

e-mail: invisible2editor@gmail.com

*Voronezh State University
The chair of Russian as a foreign language
PhD, associate professor
Vyazovskaya V.V.*

*Russia, Voronezh,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Voronova T.A.

*Russia, Voronezh,
tel. +7-910-347-38-37*

e-mail: invisible2editor@gmail.com

В.В. Вязовская, Т.А. Воронова

ОНОМАСТИКА ОЧЕРКА Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В статье рассматривается ономастикон очерка Н.С. Лескова «Загадочный человек». В центре внимания писателя оказывается личность Артура Бенни, несправедливо оцененная русским обществом 70-х годов XIX века. Причиной к написанию очерка послужила негативная атмосфера вокруг фигуры Артура Бенни в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. Н.С. Лесков, будучи лично знакомым с Бенни, в очерке даёт свой взгляд на деятельность этого человека в России. Описывая личность Бенни и «русский» период его жизни, Лесков стремился воссоздать атмосферу реальности происходящего, в связи с чем он наполнил текст именами реальных людей и подлинными фактами. В тексте упоминаются названия практически всех передовых журналов того времени, в том числе и тех, с которыми сотрудничал сам Н.С. Лесков. Важное место в очерке отводится истории с апраксинским пожаром, в тушении которого принимал участие Бенни. Эта трагическая тема глубоко связана с личностью самого писателя, так как освещение петербургских пожаров 1862 года во многом определило репутацию Лескова как «агента III Отделения» и сформировало негативное отношение к нему со стороны его современников. Особое место в очерке занимает польский хронотоп, отражающий основные этапы взросления юного Бенни на фоне происходящих исторических событий в Польше и в мире. Благодаря ономастикону, представленному в основном именами реальных людей, названиями исторических событий и т.д., Н.С. Лесков в своём очерке достигает эффекта предельной документализации жизненного пути Артура Бенни.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, литературная ономастика, биографизм, документализм, очерк «Загадочный человек», 70-е годы XIX века, петербургские пожары.

V.V. Vyazovskaya, T.A. Voronova

THE ONOMASTICS OF N.S. LESKOV'S ESSAY «AN ENIGMATIC MAN»

The article deals with proper names in the essay "An enigmatic man" by N.S. Leskov. The writer focuses on the personality of Arthur Benny, who was unfairly assessed by Russian society in the 70s of the XIX century. The reason for writing the essay was the negative atmosphere around the personality of Arthur Benny in the social and political life of Russia in the second half of the 19th century. Being acquainted with Benny, N.S. Leskov gives his own assessment of Arthur Benny's activities. The writer describes the personality of Benny and the "Russian" period of his life, and tries to recreate the true atmosphere, so he fills the text with the names of real people and true facts. The names of almost all the leading journals of that time are mentioned, including those with which N.S. Leskov collaborated. Special attention is paid to the story of "Apraxin fire" in which Benny took part. This tragic theme is deeply connected with the personality of the writer himself, because the coverage of the St.-Petersburg fires in 1862 determined Leskov's reputation as an agent of the III Section and formed a contemporary's negative attitude to the writer.

The Polish chronotope has a special place in the essay reflecting the main milestones of Benny's growing up against the background of ongoing historical events in Poland and in the world.

Due to the used names, represented mainly by the names of real people, historical events, etc., the writer achieves the effect of the ultimate documenting of the Arthur Benny's life path in his essay.

Key words: N.S. Leskov, literary onomastics, biography, documenting, essay "An enigmatic man", 1870s, St.-Petersburg fires.

Впервые очерк «Загадочный человек» вышел в 1870 году в газете «Биржевые новости» с подзаголовком «Очерк из комического времени на Руси», однако при включении в собрание сочинений этот подзаголовок был снят уже самим Н.С. Лесковым. Поводом к написанию очерка послужила негативное отношение в общественно-политической жизни России второй половины XIX века к личности Артура Бенни – журналиста польского происхождения, причастного к русскому революционному движению. Н.С. Лесков был лично знаком с Артуром Бенни и в своем очерке хотел дать справедливую оценку его деятельности в России того времени. В письме к А.П. Милюкову 4 января 1869 года писатель так охарактеризовал свое литературное творение: «Это вещь пряная и забористая и, кажется, очень интересная. Шуму она может возбудить множество» [1; с. 294].

В своем очерке Лесков упомянул многих видных лиц своего времени: писателей И.С. Тургенева, П.Д. Боборыкина, Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского, революционеров А.И. Герцена, М.А. Бакунина, В.И. Кельсиева, В.Е. Якушкина, основателя Знаменской коммуны В.А. Слепцова и многих других. Формирует накал общественно-политической ситуации, или, по выражению Н.С. Лескова, «комического времени», очевидцем которого и стал Артур Бенни, ряд самых популярных журналов: «Эпоха», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Северная пчела», «Книжный вестник», «Русская речь».

Описывая Бенни и все события, связанные с его жизнью в России, Лесков стремился воссоздать «характер документального свидетельства» [2; с. 614], что ему и удалось сделать в полной мере.

На протяжении всего повествования Лесков всячески подчеркивает, что Артур Бенни – «не сочиненный и не измышленный, а живой, с настоящим его именем и в настоящем его свете и значении» [3; с. 279]. Начиная рассказ о жизни Бенни, автор нивелирует слухи о том, что имя Бенни является псевдонимом: «Некоторые в Петербурге утверждали, что имя «Артур Бенни» – есть имя вымышленное и что человек, который жил здесь, между нас, под этим именем, есть подольский шляхтич Бениславский: это выпустил в Петербурге покойный г-н Европеус, но это неправда. Артур Бенни действительно был Артур Бенни» [3; с. 280]. Действительно, имя Бенни реальное, однако, по замечанию И.З. Сермана, не существует достоверного факта, было ли такое предположение высказано именно Европеусом [2; с. 605].

Лесков, как правило, использует в очерке имена реальные. Упомянув всех членов семьи Бенни – отца Иоганна, братьев Германа и Карла, сестёр Анны и Марии, Лесков резюмирует: «Все это настоящие члены настоящего, а не вымышленного, и весьма почтенного семейства покойного томашовского пастора» [3; с. 280]. Лесков наполняет пространство очерка словами с компонентом «правда», создавая у читателей ощущение реальности истории Бенни: «*правдивое* повествование», «кто таков был *взаправду* этот Бенни», «автор просит верить ему, что он не вынужден для *оправданий* Бенни прибегать ни к каким утайкам и натяжкам», «я желаю посредством этой *правдивой* и удобной для проверки повести освободить от порицания и осуждения живых лиц» [3].

Поскольку детство Бенни связано с Польшей, «польский хронотоп» в очерке создается в основном с помощью топонимов: Польша, Царство Польское, местечко Томашов-Равский, польская гимназия в городе Пиотркове и др. В качестве временных вех представлены: польская революция, история с польскими мальчишками и русским солдатом и др. Выросший в Польше и воспитанный в семье ан-

гличанки и еврея, Бенни так и не смог постичь культуры своей родины: он был «космополитом», человеком, у которого «нет никакого отечества» [3; с. 283], «гражданином вселенной» [3; с. 283]. Развивая мотив чуждости Бенни своей родине, Лесков подчеркивает, что «Артур Бенни о Риме, Спарте и Афинах знал в это время гораздо больше, чем о Польше» [3; с. 281].

Артур Бенни – обладатель пылкой и чувственной натуры, оказавшийся в эпицентре русского революционного движения. В этом, по мнению Лескова, ему помог русский купец из Сибири. Писатель не называет имени купца напрямую и дает следующий комментарий: «Один русский сибирский купец прибыл по своим торговым делам в Лондон. (Имя его – секрет Полишинеля.)» [3; с. 287]. Как известно, под секретом Полишинеля имеют в виду мнимую тайну, известную всем. И.З. Серман и В. Эджертон сходятся во мнении, что Лесков намекает в данном случае на русского купца А.Ф. Томашевского, искавшего в Европе инвесторов для золотодобычи в Сибири [2, с.606; 4; с. 618]. Однако Лесков, возможно, нарушает хронологию событий: по его версии, Бенни и русский купец возвращаются в Россию по отдельности, тогда как, по мнению В. Эджертона, они въехали в страну вместе [4; с. 618].

Бенни стремится в Сибирь, чтобы там распространять герценовский «Колокол», одновременно мечтая освободить Чернышевского. Сибирь в представлении русских – место ссылки, и именно так характеризует ее русский купец: «Ее у нас только поневоле, за наказание смотрят, сторона ссыльная да глухая» [3; с. 292]. В стремлении Артура Бенни Лесков отразил известный факт: в 1865 году Чернышевский находился в Сибири и у революционеров не раз возникали планы по его освобождению [2; с. 613].

Лесков в своем очерке упоминает, что Артур Бенни стал свидетелем печально знаменитого «апраксинского пожара», произошедшего 28 мая 1862 года на Апраксине дворе в Петербурге – событие, вызвавшее значительный резонанс в передовых кругах общества; среди инициаторов поджога подозревались в том числе и представители радикального движения. Как пишет Илья Бояшов, «одни утверждали: поджоги — дело рук истосковавшихся по действиям революционеров. Другие все сваливали на власть, которая-де специально наняла поджигателей, чтобы обвинить затем в подобном преступлении ни в чем не повинных студентиков» с Бенни не только заступился за студента, которого объявили поджигателем, но и сумел оказать помощь при ликвидации пожара. Как указывает И.З. Серман, Артур Бенни опубликовал свою статью «Слово вовремя» в «Северной пчеле» (№143, 1862 г.), в которой он предлагал привлекать студентов к тушению пожаров. Однако эта инициатива не только не была воспринята, но и подверглась жестоким насмешкам [2; с. 611].

При этом если апраксинский пожар стал лишь «поводом к новым неприятностям для Бенни» [3; с. 345], то для самого Лескова освещение в печати череды пожаров 1862 года в Петербурге закрыло почти все двери и сформировало негативное отношение к нему со стороны современников, подозревавших в писателе «агента III Отделения». Илья Бояшов комментирует: «...Досталось и «правым», и «левым». Николай Семенович потребовал от правительства либо немедленных публичных подтверждений факта, что злосчастный Апраксин двор жгли именно нигилисты, либо покаянных опровержений. <...> Почитателей Чернышевского он тоже не жаловал, допустив, что будущие Нечаевы и Желябовы вполне могут быть причастны к событиям. В итоге разозлились и те, и другие. <...> Незадачливый публицист даже вынужден бежать от всеобщего хора проклятий за границу» [5].

Таким образом, в очерке «Загадочный человек» Н.С. Лесков стремится воссоздать российский период жизни Артура Бенни, обозначив все его основные вехи. Лесков искусно вплетает в пространство текста реальные биографические факты, имеющие отношение к Артуру Бенни, но также насыщает очерк фактами из собственной жизни. Таким образом, при помощи введения в текст имён реальных людей, названий географических мест, реалий общественной и бытовой жизни и т.д. писатель достигает поставленной задачи и создает атмосферу документальности в жизнеописании Артура Бенни.

Библиографический список

1. Письма Н.С. Лескова // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. Академии Наук СССР. М.- Л., 1940. С. 290-382.
2. Серман И.З. Примечания // Н.С. Лесков. Собрание сочинений в XI т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. III. С. 603-614.

3. Лесков Н.С. Загадочный человек. // Н.С. Лесков. Собрание сочинений в XI т. Т. III. М.: Гослитиздат, 1957. С. 276-381.
4. Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного Человека») // Литературное наследство. Неизданный Лесков. М.: ИМЛИ-РАН, 2000. Т. 101. Кн.1. С. 614-637.
5. Бояшов И. Лесков // Аврора. 2021. № 6. URL: <http://litavrora.ru/index.php/literaturnaya-gostinaya/item/603-ilya-boyashov-leskov> (дата обращения: 15.02.2022).

References

1. Letters by N.S. Leskov // The sixties. Materials on the history of literature and social movement. Ed. by Academy of Sciences of the USSR. Moscow – Leningrad, 1940. P. 290-382.
2. Serman I.Z. Notes // N.S. Leskov. Collected works in 11 volumes. Moscow, 1957. Vol. 3. P. 603-614.
3. Leskov N.S. An enigmatic man. Vol. 3 // N.S. Leskov. Collected works in 11 volumes. Moscow, 1957. P. 276-381.
4. Edgerton W. Leskov, Arthur Benny and the underground movement of the early 1860s (On the real basis of «Nowhere» and «An enigmatic man») // Literary heritage. Unpublished Leskov. Vol. 101. Book 1. P. 614-637.
5. Boyashov I. Leskov // Aurora. 2021. Iss. 6. URL: <http://litavrora.ru/index.php/literaturnaya-gostinaya/item/603-ilya-boyashov-leskov> (date of application: 15.02.2022).

УДК 811.161. 1' 282

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.63.97.009

*Петрозаводский государственный университет
доцент кафедры русского языка как иностранного
и прикладной лингвистики,
кандидат филологических наук
Мухина Е.А.
Россия, г. Петрозаводск, тел. +79114163438
e-mail: kareliaptz@mail.ru*

*Petrozavodsk State University
Docent, Department of Russian as a Foreign
Language and Applied Linguistics,
Candidate of Philological Sciences
Mukhina E.A.
Russia, Petrozavodsk, tel. +79114163438
e-mail: kareliaptz@mail.ru*

Е.А. Мухина

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В РУССКИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Статья посвящена анализу функционирования причастных форм в русских духовных стихах и выполнена на материале сборника В. Варенцова, который является одним из первых собраний текстов произведений данного фольклорного жанра. Исследование представляет собой попытку определить особенности употребления причастных форм в русских духовных стихах. Основой для изучения стали тексты, которые включены в разделы «Общие. Исторические» и «Догматические». Выбор материала связан с тем, что данные произведения, по мнению автора исследования, являются наиболее показательными с точки зрения художественных задач жанра. Причастные формы, которые определяются как элемент книжного стиля, как правило, не характерны для языка произведений фольклора, что обуславливает отсутствие к ним исследовательского интереса. Однако духовные стихи – жанр устного народного творчества, произведения которого выполняли посредническую функцию, связывая между собой христианскую и устную народную культуру, поэтому духовные стихи характеризуются стилистической двойственностью и обладают особым языком, который совмещает признаки книжного и разговорного стилей речи, что вполне обуславливает употребление в текстах стихов причастий. В работе рассмотрены не только случаи употребления причастных форм в своем традиционном частеречном значении, но и примеры, демонстрирующие переход причастий в имена существительные и прилагательные. В отмеченных случаях адъективации причастий возможно говорить о появлении эпитетов, которые характеризуются устойчивостью употребления и становятся важным атрибутом при описании типичного признака действия в небольших по объему текстах духовных стихов.

Ключевые слова: язык фольклора, духовные стихи, причастные формы.

E.A. Mukhina

FORMS OF PARTICIPLES IN RUSSIAN SPIRITUAL VERSES

The article studies how forms of participles function in the Russian spiritual verses. The work is based on the collection of spiritual verses by V. Varentsov which is one of the first collections of texts of the folklore genre. The author tries to determine the specifics of the use of participial forms. The paper analyses the texts that are included in the sections «General. Historical» and «Dogmatic». Verses of these sections present the genre most preferably. Forms of participles are a sign of the bookish style. They are rarely found in the language of folklore texts, so researchers rarely study the forms of participles in folklore. Spiritual verses are a genre of folklore that has a special language. This language combines the features of the book and folk song languages, so it uses participles. The paper considers of the use of forms of participles in their direct meaning, as well as examples of nominalisation and adjectivation. When adjectivation of participles occurs, we can talk about the appearance of epithets.

Keywords: the folklore language, spiritual verses, participial forms.

Обращаясь к истории изучения духовных стихов, которая началась вместе с развитием фольклористики как науки, невольно приходишь к выводу о том, что исследование языка текстов данного жанра, в частности, его грамматической стороны значительно уступает рассмотрению общих вопросов, которые были затронуты стоявшими у истоков изучения духовных стихов представителями ми-

фологической школы, культурно-исторического направления, а затем были подняты и в более поздних работах, когда духовные стихи вновь стали предметом читательского и исследовательского интереса. В трудах фольклористов второй половины XIX – начала XX веков, а затем и второй половины XX века были рассмотрены вопросы, посвященные определению среды возникновения духовных стихов [1] и времени их создания [2]. Были написаны работы, устанавливающие конкретные текстовые источники того или иного сюжета или определяющие реального исторического персонажа, послужившего прототипом главного героя [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Одним из важных аспектов изучения являлись изменения, которые претерпевали стихи после их создания в исполнительской среде [11; 12; 13]; значимым был вопрос определения общего принципа исторической периодизации духовных стихов [14] и некоторые другие.

Непосредственно язык текстов духовных стихов стал предметом изучения только во второй половине XX века, что, безусловно, связано с необходимостью изучения специфики языка устного народного творчества, а также с формированием в 40-50-е годы XX века самостоятельной научной дисциплины – лингвофольклористики (термин введен А. Т. Хроленко), возникновение которой было обусловлено необходимостью комплексного изучения текстов народной словесности. Основу новой научной дисциплины составили труды таких исследователей, как П. Г. Богатырев [15], А. П. Евгеньева [16], И. А. Осовецкий [17] и др., в работах которых поднимался вопрос о том, что же включает в себя понятие «язык фольклора».

В лингвофольклористике были четко определены несколько направлений в изучении языка произведений устного народного творчества: «1) выяснение природы языка фольклора через его соотношение с диалектами; 2) изучение отдельных элементов структуры народнопоэтической речи; 3) функционально-стилистическое использование фактов языка в системе народной поэтики» [18, с. 9].

Основоположителем изучения языка духовных стихов можно считать В. В. Колесова, который установил степени взаимовлияния духовного стиха и плача и указал на то, что «развитие духовного стиха шло по линии распространения «плача» как основной формы выражения личного чувства» [19, с. 20].

Духовная культура старообрядцев, молокан и духоборцев стала предметом изучения в многочисленных работах С. Е. Никитиной, из которых наиболее значимой является монография «Устная культура и языковое сознание» [20], представляющая собой лингвофольклористическое исследование духовных стихов: здесь автор впервые рассматривает важнейшие проблемы языкового сознания конфессиональных групп, анализирует словарь духовных стихов в контексте личности и народной филологии.

Решая вопрос атрибуции жанра, являющийся одним из ключевых, С. Е. Никитина определяет важную характеристику духовного стиха, которая объединяет все его виды, – это ценностная ориентация, определяющая этот фольклорный жанр и выраженная в преобладании этической оценки, присутствующей во всех текстах этого жанра. Вслед за С. Е. Никитиной, автор статьи понимает под духовными стихами совокупность поэтических текстов в славянской народной поэзии, которые созданы коллективным автором и объединены религиозной православной тематикой, а также имеют народно-христианский характер этической оценки.

Рядом диссертационных исследований, посвященных исследованию языка духовных стихов, отмечено начало XXI века. В своей работе А. М. Петров [21] обосновывает квалификацию синтаксических единиц коммуникативного плана, дает их фронтальное аналитическое описание и определяет особенности поэтического функционирования данных единиц в духовном стихе «О Голубиной книге». Наше диссертационное сочинение [22] посвящено принципам выделения главных функционально-структурных составляющих текста, конструирующих повествовательную динамику жанра духовных стихов, и их аналитическому описанию. Для анализа в работе выделены три параметра, представляющие главные способы выражения жанровой динамики духовного стиха: субъектно-речевая структура, пространственно-временная организация текста и его концептуальная смыслопорождающая оппозиция. Теонимическая лексика в текстах духовных стихов Прикамья становится предметом изучения М. А. Соломонова [23]. Автор работы выявляет специфику функционирования и определяет роль теонимической лексики в выражении культурно-символических и когнитивных смыслов. Вопросы вербализации в фольклорных духовных стихах XIX века концептосферы «Метафизический мир» рассмотрены в диссертации О. А. Арапова [24].

Обзор научных работ (см. также «Из истории изучения духовных стихов» [25]), на наш взгляд, свидетельствует о том, что язык духовных стихов как жанра устной поэзии исследован явно недоста-

точно, поэтому анализ функционирования причастных форм как одной из составляющих грамматического строя языка его произведений обуславливает актуальность нашей статьи.

Двойственная природа языка духовных стихов, выраженная в совмещении элементов книжного и разговорного стилей речи, давно замечена исследователями и обусловлена функцией, выполняемой духовными стихами – быть посредником, своеобразным «мостом», как отмечал Ф. И. Буслаев [26], между христианской и устной народной культурой. И употребление форм причастий, бесспорно, является отражением этой двойственности.

Формы причастий, отличающиеся в современном языке многообразием, характеризуются определенной стилистической маркированностью, которая препятствует их свободному употреблению в разговорной речи, однако здесь безусловным исключением являются краткие страдательные причастия прошедшего времени.

В рассмотренных текстах духовных стихов, включенных в сборник В. Варенцова [27] (были проанализированы 53 текста), зафиксировано частое употребление кратких страдательных причастий прошедшего времени с суффиксами -Н- (данные формы преобладают) и -Т-, выступающих в функции предиката в пост- и препозиции по отношению к подлежащему (при цитировании сохранены орфография и пунктуация источника):

Государи, братцы, сорокъ царей,
хто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,
хто прочель бы намъ книгу голубиную;
какъ бы намъ узнать, во киигѣ что **написано**,
въ голубиной **напечатано**.

[27; с. 20]

А стоитъ Іерусалимъ-городъ посреди земли,
посреди земли, во ней путь земной.
Во начальномъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
тутъ **состроена** церковь соборная;
во этой церкви во соборпыя,
въ ней содержитсяъ гробница Господняя.

[27; с. 23]

Изукрашена свята Русь-земля Божимъ церквамъ;
на ней отроются церкви соборныя:
потому она всѣмъ землямъ мать.

[27; с. 24]

Изъ того изъ древа кипариснаго,
изъ него былъ **вырѣзанъ** пречудный крестъ;
на томъ крестѣ животворящимъ –
на немъ былъ **роспятъ** Самъ Іисусъ Христосъ:
потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.

[27; с. 24]

Дѣва Мати пречистая,
Съ небесъ **взята** пресвѣтлая,
Въ темной ночи звѣзда просвѣтила,
Дала всѣмъ вѣрнымъ помощи
Отъ роду Адамова.

[27; с. 47]

Как и в современном русском литературном языке, краткие страдательные причастия, как правило, имеют перфектное значение, обозначая актуальный в настоящем результат действия, совершенного в прошлом. Полные формы страдательных причастий, выступающих в функции предиката, менее частотны:

Взойди, целовѣце, на Сіонъ гору,
Посмотри, целовѣце, на мать сыру землю,
Цимъ мати земля да **изукрашенная**,
Цимъ мати сыра да **изнаполненная**?

[27; с. 150]

Замечено, что в контекстах, где речь идет о событиях земной жизни, в конструкциях с причастием, как правило, отсутствует глагол-связка:

На трех рыбахъ, на китѣнышахъ,
и **основана** у насъ мать сыра-земля,
и содержится вся подселенная:
потому у насъ кить-рыба всимъ рыбахъ отецъ.

[27; с. 36]

Взойди, целовѣце, на Сіонъ гору,
Посмотри, целовѣце, на мать сыру землю<...>

Изукрашена земля Божьима церквами,
Божьима церквами, сонъчемъ праведнымъ.

Изнаполнена сыра да беззаконниками.

[27; с. 150]

Однако при описании потустороннего мира или действий, связанных с сакральными сущностями, глагол-связка присутствует не только в форме прошедшего, но и настоящего времени:

Изъ того изъ древа кипариснаго,
изъ него **быль вырѣзанъ** пречудный крестъ;
на томъ крестѣ животворящимъ –
на немъ **быль роспять** Самъ Иисусъ Христосъ:
потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.

[27; с. 24]

Раю мой, раю, прекрасенъ рай бысте!
меня ради, Адама, **сотворенъ** рай **бысти**;
Евги ради, раю, **заключенъ** рай **бысти**.

[27; с. 40]

Отца нашего Трифона Преподобнаго
Во книгахъ **было писано**,
Писано есть явленіе,
Слово Божіе объ нынѣшнемъ времени,
А въ нынѣшнемъ было времени
Прежде Ангельскаго пришествія,
А и нынѣ, душа, возрастися,
Предъ Богомъ, душа, слезно расплачъся.

[27; с. 162]

Менее продуктивны в духовных стихах действительные причастия настоящего времени, которые, как правило, употребляются в полной форме и выполняют функцию определения или входят в состав сказуемого:

Буду просить я милости
Отъ всей своей отъ крѣпости:
Кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами!

[27; с. 137]

Инымъ будетъ грѣшнымъ барышникамъ и ростовчикамъ –
черви **усыпляющіе**, пилы имъ **терзающія**, кости **разрубляющія**:
то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.

[27; с. 173]

Черви вы, черви **невьсыкающіе** –
Всякому челоуѣку встрѣча первая!
Злая мука превѣчная!

[27; с. 155]

Наряду с другими глагольными формами, причастия участвуют в создании временной парадигмы духовного стиха, поэтому отнесенность событий в прошлое и частично в настоящее позволяет все описываемое сделать более весомым, реальным и доказательным. Кроме того, причастие-определение отличается по своей природе от прилагательного-определения тем, что соотносится с

понятием времени, то есть оно обозначает протекающий во времени признак предмета как действие, производимое предметом, или как действие, производимое над предметом, что также способствует организации хроноса текста.

В некоторых действительных причастиях настоящего времени наряду со старославянским по происхождению суффиксом может быть употреблен восточнославянский аффикс, но с характерным для говоров севернорусского наречия явлением – мягким цоканьем:

Положили душиньку во окомѣсьнѣй адъ,
Во окомѣсьнѣй адъ, да во **кипяцюю** смолу,
Во кипяцю смолу, да во огненну рѣку.

[27; с. 76]

Сравним тот же контекст:

... Бросили душу в огненну реку,
В огненну реку, в **кипячу** смолу.

[28; с. 14]

Преобладание действительных причастий настоящего времени с суффиксами -ущ-, -ащ- обусловлено тем, что духовные стихи тяготеют к церковно-книжным текстам, часто имея в своей основе агиографический источник. В анализируемых текстах встречаются краткие формы действительных причастий настоящего времени, которые являются приметой древнерусского языка, но отсутствуют в современном русском языке:

Кто бы ми далъ голубицу
Вѣщающу бесѣдами ко отцу моему <...>
Уже бо не зриши мене
Утѣшающа старость твою,
Ни гласа моего слышиши
Глаголюща предъ тобою, отче мой!

[27; с. 135]

В духовных стихах достаточно распространено употребление причастий, которые подверглись субстантивации и адъективации. Данные явления отражены уже в произведениях письменности Древней Руси и обусловлены процессом формирования литературной нормы.

Адъективация в большей степени характерна для причастий, чем субстантивация, что объясняется синкретичной природой данной глагольной формы, совмещающей признаки глагола и прилагательного. Употребление без зависимых слов ведет к утрате глагольных признаков и способствует переходу причастий в имена прилагательные. В рассмотренных нами текстах адъективация наиболее характерна для полных форм страдательных (чаще) и действительных (реже) причастий:

А есть у богата два лютые пса:
Подстольемъ они ходять,
Обронныя крошечки собирають,
Къ убогому Лазарю принашивають,
Убогаго Лазаря пропитываютъ...

[27; с. 67]

Помолися Ты о насъ о грѣшникахъ
У своего сына у распятаго,
У Христа Царя Богонеснаго.
Дабы насъ Господи грѣшныхъ рабовъ помиловаль
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя **неугасимаго**,
Отъ пропасти **неисповѣдимыя**.
Да все ради Тебя, Госпожи Владычицы и Богородицы.

[27; с. 165]

Изъ того изъ древа кипариснаго,
изъ него былъ вырѣзанъ пречудный крестъ;
на томъ крестѣ **животворящимъ** –
на немъ былъ распятъ Самъ Иисусъ Христосъ:
потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.

[27; с. 24]

Ой же вы, лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа **распятаго**,
Въ самаго Егорья-свѣта храбраго.

[27; с. 98]

Кроме отсутствия зависимых слов, об адъективации позволяет говорить и параллелизм синтаксических конструкций, что наблюдается, например, в последнем случае, где приведен ряд однородных членов при глаголе в форме императива: (*Господа* (какого?) *распятаго*; *Егорья-свѣта* (какого?) *храбраго*). Лексема *храбраго* является прилагательным, что позволяет сделать вывод о частеречной принадлежности и лексемы *распятаго*.

Примеры употребления краткого причастия в функции адъектива единичны:

Вынимаетъ смерть пилы **невидимы**,
Подпиляетъ у Аники становья жилы
И тѣ подѣ колѣны рѣзвыя ноги.

[27; с. 112]

В проанализированных духовных стихах процессу субстантивации (данный процесс менее продуктивен), как правило, подвергаются действительные причастия настоящего времени:

Быль жить славной богать целовѣкъ,
Сладкую пищу богатой воскушалъ,
Дорогу одѣжу богатой возносилъ;
Нишшимъ, убогимъ не подавалъ,
По пути **ходящихъ** тѣпломъ не огрѣвалъ,
Во гроби **лежащихъ** не провожалъ,
Во тюрьмы **сидящихъ** не просвѣщалъ.

[27; с. 73]

Съ стороны стороны идетъ Небесный Царь,
и идетъ Судья Праведный, наше солнышко проведеное
идутъ за нимъ вѣрныя, идутъ и **спасеныя**,
идутъ и **труждающія**, идутъ и **питающія**.

[27; с. 172]

В рассмотренных текстах частотно употребление причастий (полных и кратких, действительных и страдательных) в составе устойчивых сочетаний, являющихся приметой жанра духовных стихов (*крест животворящий*, *свеча неугасимая*, *Господь распятый*, *Троица неразделимая*, *пропасть неисповедимая*, *сын возлюбленный*):

На славную она выпала на Фаворъ-гору,
ко чудну кресту къ **животворящему**,
ко тому ко камню ко бѣлатьеру,
ко честной главы ко адамовой.

[27; с. 20]

Тутъ темьянь и ладонь рядомъ курятся,
свѣча теплится **неугасимая**....

[27; с. 23]

Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица **нераздѣлимая**!

[27; с. 101]

Выходить самъ Гаврикъ со женою;
Увидалъ онъ **возлюбленнаго** сына Василья.
Говорить онъ **возлюбленному** сыну Василью <...>.

[27; с. 88-89]

Утрата глагольных и усиление адъективных признаков в составе сочетаний приводит к тому, что данные формы в составе словосочетания приобретают характер эпитета, а сами выражения приобретают

устойчивый характер и становятся незаменимыми при описании типичного признака действия в небольших по объему духовных стихах.

Анализ причастных форм в рассмотренных духовных стихах позволяет прийти к следующим выводам: 1) причастия в духовных стихах, совмещающих признаки книжного и разговорного стилей речи, не отличаются многообразием как в плане употребления, так и в плане разнообразия встречающихся форм: преобладают краткие страдательные причастия, выполняющие функцию предиката; 2) употребление действительных причастий настоящего времени отмечено формами со старославянскими суффиксами -ущ-, -ащ-, которые характерны для летописей и церковно-книжных текстов; 3) в рассмотренных произведениях отражены процессы субстантивации (чаще наблюдается у форм действительных причастий настоящего времени) и адъективации (чаще характерна для полных форм страдательных причастий); адъективация более характерна для причастия, что обусловлено его происхождением; 4) причастные формы включаются в устойчивые сочетания, которые в большинстве своем характеризуются жанровой принадлежностью.

Библиографический список

1. Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи // Русская речь. 1861. № 26. С. 397-403.
2. Бессонов П. Калеки переходные: Сб. стихов и исследование П. Бессонова. Ч. 2. Вып. VI. М.: тип. А. Семена, 1863. С. 3-29.
3. Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге: Исследование В. Мочульского. Варшава: тип. М. Земкевича, 1887. 256 с.
4. Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Март (№3). С. 50-116.
5. Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Февраль (№2). С. 186-252.
6. Кирпичников А. И. Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Октябрь (№10). С. 133-150.
7. Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Петроград: тип. Я. Башмаков и К, 1917. 518 с.
8. Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром: Исследования и материалы. М.: Специализированное изд.-торговое предприятие «Наследие», 1995. 173 с.
9. Робинсон А. Н. К проблеме «богатства» и «бедности» в русской литературе XVII века. (Толкование притчи о Лазаре и богатыре) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М.: Наука, 1967. С. 124-156.
10. Белоусов А. Из наблюдений над русским духовным стихом. I. «Два брата Лазаря» // Quinquagenario: Сб. ст. молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1972. С. 50-66.
11. Кирпичников А. И. Особый вид творчества в древнерусской литературе // Журнал Министерства народного образования. 1890. Апрель (№4). С. 306-313.
12. Будде Е. Ф. Новый вариант народного стиха «Плач Адама» // Русский филологический вестник. 1891. № 2. С. 288-307.
13. Соколов Ю. М. Весна и народный аскетический идеал (К истории духовного стиха «Разговор Иоасафа с пустыней») // Русский филологический вестник. 1910. №3-4. С. 79-91.
14. Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // Богословский вестник. 1910. № 6. С. 357-367; № 7-8. С. 415-425; № 10. С. 314-323.
15. Богатырев П. Г. О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75-78.
16. Евгеньева А. П. Очерки по русскому языку устной поэзии в записях XVII-XX вв. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук, 1963. 348 с.
17. Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66-77.
18. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 190 с.
19. Колесов В. В. Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: ПГУ, 1988. С. 15-24.
20. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 188 с.
21. Петров А. М. Синтаксический строй духовного стиха о Голубиной книге: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Петрозаводск, 2005. 252 с.
22. Мухина Е. А. Динамика текста эпического духовного стиха: На материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Петрозаводск, 2006. 254 с.
23. Соломонов М. А. Христианский теоним в структуре фольклорного текста: на материале прикамских духовных стихов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Пермь, 2011. 232 с.
24. Арапов О. А. Вербализация концептосферы «Метафизический мир» в фольклорных духовных стихах XIX столетия: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Челябинск, 2012. 220 с.

25. Мухина Е. А. Из истории изучения духовных стихов // Язык и поэтика фольклора. Петрозаводск, 2001. С. 169-177.
26. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Т. 1-2. Санкт-Петербург: Д. Е. Кожанчиков, 1861. 643 с.
27. Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. Санкт-Петербург, 1860. 248 с.
28. Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Санкт-Петербург, 1894. 244 с.

References

1. Buslaev F. I. Russian spiritual poems // Russkaya rech. 1861. № 26. pp. 397-403.
2. Bessonov P. Kaleki perekhodie: Collection of poems and research P. Bessonov. Part. 2. Vol. VI. Moscow: printing house of A. Semyon, 1863. pp. 3-29.
3. Mochulsky V. N. Historical and literary analysis of the verse about the Pigeon Book: Research by V. Mochulsky. Warsaw: printing house of M. Zemkevich, 1887. 256 p.
4. Veselovsky A. N. Experiments on the history of the development of the Christian legend // Journal of the Ministry of Public Education. 1876. March (№ 3). pp. 50-116.
5. Veselovsky A. N. Experiments on the history of the development of the Christian legend // Journal of the Ministry of Public Education. 1877. February (№ 2). pp. 186-252.
6. Kirpichnikov A. I. Sources of some spiritual poems // Journal of the Ministry of Public Education. 1877. October (№ 10). pp. 133-150.
7. Adrianova V. P. The Life of Alexey the Man of God in Ancient Russian Literature and Folk Literature. Petrograd: printing house of Ya. Bashmakov and K, 1917. 518 p.
8. Sokolov B. M. The Big Verse about Yegor the Brave: Research and materials. Moscow: Specialized publishing and trading enterprise «Legacy», 1995. 173 с.
9. Robinson A. N. On the problem of «wealth» and «poverty» in Russian literature of the XVII century. (Interpretation of the Parable of Lazarus and the Rich) // Ancient Russian literature and its relations with Modern times. Moscow: Nauka Publ, 1967. pp. 124-156.
10. Belousov A. From observations on the Russian spiritual poems. I. «The Two Brothers of Lazarus» // Quinquagenario: Collection of articles by young philologists for the 50th anniversary of Professor Yu. M. Lotman. Tartu: University of Tartu Press, 1972. pp. 50-66.
11. Kirpichnikov A. I. A special kind of creativity in Ancient Russian literature // Journal of the Ministry of Public Education. 1890. April (№ 4). pp. 306-313.
12. Budde E. F. A new version of the folk verse «Adam's Lament» // Russian Philological Bulletin, 1891. № 2. pp. 288-307.
13. Sokolov Yu. M. Spring and the national ascetic ideal // Russian Philological Bulletin. 1910. №3-4. pp. 79-91.
14. Markov A.V. Definition of the Chronology of Russian Spiritual Poems in connection with the question of their Origin // Theological Bulletin. 1910. № 6. pp. 357-367; № 7-8. pp. 415-425; № 10. pp. 314-323.
15. Bogatyrev P.G. About the language of Slavic folk songs in its relation to dialect speech // Questions of linguistics. 1962. № 3. pp. 75-78.
16. Evgenieva A.P. Essays on the Russian language of oral poetry in the records of the XVII-XX centuries. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1963. 348 p.
17. Ossovetsky I. A. About the language of Russian traditional folklore // Questions of linguistics. 1975. № 5. pp. 66-77.
18. Khrolenko A. T. Introduction to Linguofolcloristics: a textbook. Moscow: Flinta, Nauka Publ, 2010. 190 p.
19. Kolesov V. V. Language and style of folk lament and spiritual verse // The language of genres of Russian folklore. Petrozavodsk: PSU, 1988. pp. 15-24.
20. Nikitina S. E. Oral culture and language consciousness. Moscow: Nauka Publ, 1993. 188 p.
21. Petrov A. M. The syntactic structure of the spiritual verse about the Pigeon Book: dissertation ... candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Petrozavodsk, 2005. 252 p.
22. Mukhina E. A. Dynamics of the text of an epic spiritual verse: Based on the material of the stories «Alexey the Man of God», «Two Lazarus», «Yegoriy the Brave»: dissertation ... candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Petrozavodsk, 2006. 254 p.
23. Solomonov M. A. Christian theonym in the structure of the folklore text: based on the material of the Kama spiritual poems: dissertation ... candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Perm, 2011. 232 p.
24. Arapov O. A. Verbalization of the concept sphere "Metaphysical World" in Folk spiritual poems of the XIX century: dissertation ... candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Chelyabinsk, 2012. 220 p.
25. Mukhina E. A. From the history of the study of spiritual verses // The language and poetics of folklore. Petrozavodsk, 2001. pp. 169-177.
26. Buslaev F. I. Historical essays of Russian folk literature and art: Vol. 1-2. Saint-Petersburg: D. E. Kozhenchikov, 1861. 643 p.
27. Collection of Russian spiritual verses / Comp. by V. Varentsov. Saint-Petersburg, 1860. 248 p.
28. Istomin F. M., Dyutsh G. O. The songs of the Russian people. Collected in the provinces of Arkhangelsk and Olonets in 1886. Saint-Petersburg, 1894. 244 p.

УДК 82.091

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.44.65.010

*Институт языкознания РАН, кафедра иностранных языков
кандидат филологических наук, доцент,
Гончарова Н.Н.
Россия, г. Москва, тел. +7 (903) 763–84–58
e-mail: nng@bk.ru*

*Institute of Linguistics, Department of Foreign Languages,
Candidate of Philology, associate professor
Goncharova N.N.
Russia, Moscow, tel. +7 (903) 763–84–58
e-mail: nng@bk.ru*

Н.Н. Гончарова

ПАСХАЛЬНЫЙ КАНОН ИОАННА ДАМАСКИНА КАК ИСТОЧНИК КОМПОЗИЦИИ «СТЕПИ» А.П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются аллюзии к пасхальному канону прп. Иоанна Дамаскина в «Степи» А.П. Чехова. Показано, что пасхальный канон служит одним из источников деления повести на главы. Выявлены сходства на уровне образности и композиции с библейскими песнями. Обнаруженные параллели, в основном, сводятся к следующим. Вишневый сад Н-ского кладбища и степь, переход через которую рассматривается как таинство Крещения, сопоставимы с Красным морем из песни Моисея; вспомогательными образами крещения и воскресения служат купание в реке; пожар, в котором погибла семья Пантелея; гроза. Эпизоды купания и пожара содержат аллюзии к Книге пророка Даниила. Пророчица Анна представлена поющей женщиной, матерью Тита. Пришествие Бога, Которого ожидает пророк Аввакум, сравнимо с приездом графини Драницкой на постоянный двор, образ которой отсылает к притче о десяти девах. Спасенный Иона (и воскресший Христос) отображен в персонаже господина из церкви. Образ Настасьи Петровны Тоскуновой связан с Богородицей, речь о которой идет в девятой песне. Обнаружены структурные параллели с Книгой пророка Даниила, основанные на приеме обратного параллелизма, что позволяет соотнести основную тему повести с противостоянием Вавилона и Иерусалима. Концовка отражает событие Воскресения мертвых, брачный пир Пасхи. Проведено сравнение с пасхальным богослужением в целом; выявлены аллюзии к крестному ходу, открытию царских и дьяконских врат. Новизна работы заключается в том, что рассматриваемые параллели, насколько известно нам, пока не попадали в поле зрения исследователей.

Ключевые слова: композиция, аллюзия, пасхальный канон, библейские песни, «Степь», Иоанн Дамаскин, Чехов.

N.N. Goncharova

ST. JOHN DAMASCENE'S CANON OF PASCHA AS A SOURCE OF THE COMPOSITION OF ANTON CHEKHOV'S "THE STEPPE"

The paper deals with the allusions to St John Damascene's Canon of Pascha in Anton Chekhov's "The Steppe". The Canon of Pascha is shown to be one of the sources of the novella's division into chapters. A number of similarities in imagery and composition to the biblical canticles is revealed. The parallels are, mainly, as follows. The cherry orchard of N.'s cemetery and the steppe, the journey across which is regarded as the sacrament of baptism, are comparable to the Red Sea from the Song of Moses, the ancillary images of baptism and resurrection being bathing in a river; the fire, in which Panteley's family died; the thunderstorm. The episodes of the bathing and of the fire contain allusions to the Book of Daniel. The prophetess Anna is represented by the singing woman, Tit's mother. The Coming of the Lord, expected by St Habakkuk, corresponds to the Countess Dranitskaya's visit to the inn, this character referring to the parable of the ten virgins. Jonah, saved by God (and the risen Christ), is reflected by the gentleman in the church. Nastasya Petrovna Toskunova is connected with the Virgin Mary, who is focused on in Ode 9. Structural parallels with the Book of Daniel, based on reverse parallelism, are found, which allows to relate the main theme of the novella to the opposition between Babylon and Jerusalem. The ending reflects the resurrection of the dead, the wedding banquet of Easter. A comparison with the Paschal Service as a whole is made; allusions to the religious procession and the opening of the Holy and Deacon's Doors are brought to light. The novelty of the work lies in the fact that the parallels under examination do not appear to have come into the view of scholars yet.

Keywords: composition, allusion, the Canon of Pascha, the biblical canticles, “The Steppe”, St. John Damascene, Chekhov.

Композиция «Степи» рассматривалась целым рядом ученых. Из числа недавно опубликованных работ интересна статья В. К. Зубаревой [1]. Согласно выводам исследовательницы, в восьми главках повести отражены семидневные пытки вмч. Георгия и его казнь; экзамен в гимназию, назначенный на седьмое августа, соответствует дате, на которую впервые состоялось награждение орденom св. Георгия Победоносца (в 1770 году).

Наша гипотеза заключается в том, что одним из принципов деления повести служит аллюзия к пасхальному канону прп. Иоанна Дамаскина (включающему в себя восемь библейских песен). Можно предположить, что подмеченная многими музыкальность «Степи» связана с особенностью его исполнения: «Пасхальный канон целиком поется» [2; с. 34]. Ниже представлены результаты сопоставительного исследования.

Параллелью к образу Красного моря, переход через которое послужил основой для песни Моисея (Исх. 15:1–18) [3], является вишневый сад N-ского кладбища: «...когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море; а когда она спеет, белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками» [4; с. 108]. (Далее ссылки на это издание оформляются в виде номера страницы в круглых скобках.) Второе упоминание моря встречается в четвертой главке. С ним сближена степь в лунную ночь: «О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна» (140); через образ детей Моисея Моисеича степь уподоблена водяной змее, гидре. «...Метафорическая связь между степью и морем лежит в основе всей “Степи” в целом...» [5; с. 159]. Древнееврейский термин, служащий для обозначения Красного моря, «“море тростниковых зарослей” или, возможно, “папирусная топь”» [6; с. 114], по видимому, отражен в образе «длинных камышовых крыш» (108) кирпичных заводов (слово ‘канон’ происходит от *греч.* *κάνων* ‘трость, палка; мерило’, родственного *κάννα* ‘тростник, тростниковая ограда’, которое было заимствовано из семитских языков [7; 8]). Слова ‘камыш’ и ‘камышовый’ повторяются в общей сложности десять раз в пятой главке при описании реки; в седьмой встречается «маленький хлевок с камышовой, наполовину открытой дверкой» (187).

В конце главки на путников нападает «штук шесть громадных степных овчарок» (112) — параллелизм «штук шесть высоких, рядом скачущих колесниц, вроде тех, какие он видел на рисунках в священной истории» (143), вызывает в памяти шестьсот египетских колесниц (Исх. 14:7), принадлежавших к «элитному подразделению армии» фараона [6; с. 115]. Мотив погони выражен в вопросе Кузьмичова: «А что, Дениска, догоним нынче обозы?..» (112). Можно предположить, что аллюзией к песне Моисея служит и образ оловянных запонок, подаренных Егорушке арестантом, — ср.: «Послал еси Дух Твой, покры я море, погрязоша, яко олово, в воде зельней» [9]. Образ черной собаки «с высунутым языком», которой было «жарко лаять» (111), напоминает слова пророка, противопоставившего «беспорядки и горе на египетской территории... Израилю, [где] царило спокойствие» [6; с. 110]: «У всех же сынов Израилевых ни на человека, ни на скот не пошевелит пес языком своим...» (Исх. 11:7). (Цитаты из Библии приведены по изданию: [6].)

Переход через Красное море служит прообразом таинства Крещения («...отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море...» (1 Кор. 10:1, 2)), а пасхальный агнец — прообразом Христа («Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5:7)) [3]. Не случайно упомянута острожная церковь, а на мальчике надета рубаха красного (кумачового) цвета. С образом закваски связана мельница, «совсем» (113) выросшая к концу главки из «маленького человечка» (109, 111). Радость о воскресении выражена в обновлении степной жизни: «...вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой» (109). Ср.: «И когда роса сходила на стан ночью, тогда сходила на него и манна» (Чис. 11:9).

Можно предположить сходство между началом поездки по степи и крестным ходом, который «символизирует то, как рано утром мироносицы шли ко гробу Христа» [3; с. 3]. «Процессия выходит из храма западными воротами и обходит храм в направлении против часовой стрелки» [10; т. 2, с. 526], «как бы навстречу грядущему в Небесный Сион — Горний Иерусалим — Победителю смерти» [3; с. 3] («и круговое движение крестного хода обозначает вечность, которая открылась для нас Воскресением Христовым» [2; с. 197]). Ср.: «Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в

возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта... <...> ...Что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей...» (109) (см. тж. Исх. 15:17); «Через минуту бричка тронулась в путь. Точно она ехала назад...» (122). Господь прославлен в песне как «муж брани» (15:3), «Воитель» [11; с. 90] — Егорушка носит имя вмч. Георгия. Сравнение мельницы с колдуном, вероятно, является аллюзией к прославлению Бога как «Творца чудес» (15:11) или же к ирмосу третьей песни, в котором упомянуто «пиво... чудодеемое» [12; с. 6]; его источником может служить и чудо св. Георгия о колонне вдовы, «содеянное... и во славу Христа Бога нашего, Источника чудес» [13; т. 1, с. 1001].

С образом пророчицы Анны (песня которой лежит в основе третьей песни канона (1 Цар. 2:1–10) [3]) сближена, как можно предположить, поющая баба.

Начало главки (как и ирмос) отсылает к чуду источника воды Моисеем (Исх. 17:2–7) [3; 11] (косвенным указанием служит воспоминание о Христофоре о службе в качестве жезлоносца), а также к чуду услащения горькой воды Мерры (Исх. 15:22–25) — ручей тек через «трубочку из болиголова» (113). О. Христофор рассуждает о духовной пище — ср.: «...Все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня...» (1 Кор. 10:3, 4). «Камень... прообраз животворящих ребер Христовых, источивших кровь и воду для Крещения и Причащения» [3; с. 9], а дерево, брошенное Моисеем в источник, — прообраз Креста [14]. Примечательно, что на камень, мрамор, похоже лицо Дениски, сближаемого с богом подземного мира Дионисом, похитившим Персефону [15].

Образ птиц (упомянутых трижды трех бекасов, стрепета, коростеля, грачей, чибисов, а также цапли, с которой сравнена поющая женщина) вызывает в памяти рассказ о насыщении израильтян: «Вечером будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом...» (Исх. 16:12, 13). «...В предыдущей строке параллелизм, относящийся к перепелам, гласит: “Одождил на них мясо” (Пс. 77:27)» [6; с. 119] — ирмос призывает пить «пиво... новое», «одождивша» из гроба Господня [12; с. 6]. Стрепет сравнен с «рыболовной блесной» и «прудовым мотыльком» (122) — «живя в Египте на берегу реки... [израильтяне] привыкли есть рыбу» [11; с. 161]. Надвигающаяся гроза ассоциируется с фразой «с небес возгремит» из десятого стиха песни.

«Слова... песни: “у Господа основания земли, и Он утвердил на них вселенную” (1 Цар. 2:8) нашли свое отражение в повторении слова “утверждать”». Под словами «мы утверждается» понимается «мы получили устойчивое бытие», т.е. существование, не подверженное распаду и смерти» [3; с. 9]; ср. Еф. 2:19, 20 [12]. Глагол ‘засты(ва)ть’ и причастие ‘застывший’ встречаются в главке в общей сложности в семи контекстах, глагол ‘сковать’ — дважды (чаще, чем где-либо в повести). Возможно, эти слова пародийно выражают понятие нетления.

Идея Распятия передана в описании поселка (состоявшего из «пяти-шести дворов» (117)). Он расположен на холме «поглаже и пошире», возвышавшемся «из-за скалистого холма, где тек ручей» (116, 117), — Голгофу принято изображать в виде «двухступенчатой подставки» [10; т. 1, с. 585]. О преисподней, отмеченной в первом тропаре, напоминает, в частности, сравнение Варламова с иголкой (на конце которой в сказках находится смерть Кощея Бессмертного) — в кондаке Иисус Христос назван «бессмертным» [12; с. 13]. «Пухлый» Тит «с большим оттопыренным животом» (118) ассоциируется с мухой, живот которой отъел кузнечик (кузнец в народном сознании служит олицетворением зимы [16]).

С «пришествием» «Бога во плоти», «ожиданию» Которого посвящена песнь пророка Аввакума (Авв. 3:1–19) [3; с. 10], ассоциируется появление графини Драницкой. Форма титулования, «ваше сиятельство», употребленная трижды («Посреди комнаты стояло, действительно, сиятельство...» (136)), а также сравнение улыбки графини с «лучами от солнца» (137) вызывает в памяти и образ «светоносного ангела» ирмоса, и слова «...из гроба красное Правды нам возсия Солнце» [12; 9, 10]. С «восхищением» пророка Аввакума сравнено спасение из плена отрока-виночерпия [13; т. 1, с. 1003].

«После того как тропарь пропет многократно, двери храма отворяются, и священнослужители, а за ними и весь народ входят в залитый светом храм» [10; т. 2, с. 527]. Перед путниками «завизжала дверь на блоке» (124) (это выражение с небольшими изменениями встречается четыре раза) — ср. Исх. 12:23, а также образ «вечных засовов» ирмоса шестой песни [12; с. 12] — однако комната оказалась «мрачной и пустой» (125). Эпитет «всесильный», дважды употребленный в песне по отношению к Иисусу Христу, по-видимому, иронически отражен в образе «проезжего силача» (125). Христос

назван «непорочен», «невкусен скверны» и «Пасхой чистительной» [12; с. 9, 10] — деньги Кузьмичова пахнут гнилыми яблоками [5], а на постоялом дворе «не чисто» (136).

Аввакум относится к числу малых пророков, имя его в переводе с аккадского языка значит «“растение” или “фруктовое дерево”» [17; ч. 2, с. 498], на что, как представляется, указывает «жалкий вишневый садик» (123). Согласно другому истолкованию, Аввакум — «“обнимающий”» [6; с. 1299]. Последнее значение, возможно, отражено в жестуляции чрезмерно гостеприимного Мойсея Мойсеича [5]. С пророком сближен и образ Соломона, насмешливого критика общественного устройства и нравов соплеменников; подобно Аввакуму, «левиту, т. е. происходил из колена, связанного с музыкой, музыкальным служением» [17; ч. 2, с. 498], Соломон выступал на ярмарке.

Ирмос четвертой песни отсылает к началу второй главы Книги пророка. «Аввакум, надеясь, что Яхве быстро ответит на его вопросы, занимает место *на страже*, как солдат» [17; ч. 2, с. 502]. С солдатом сравнивается господин из церкви, представляющий, по-видимому, «нового Адама» (или «нового Моисея») (см. тж. ниже). Отметим три других случая обращения к военной тематике: походка Васа («...шагал он как-то деревянно, на манер игрушечных солдатиков...» (144)); ответ старого чабана: «Никак нет...» (113) (был добавлен А. П. Чеховым при подготовке сборника «Рассказы» для издания А. С. Суворина); солдатская песня: «“Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!”» (174) [18].

В третьем тропаре песни упомянут танец царя Давида, «предка Христа по плоти», перед ковчегом Завета, на что, возможно, указывают щели и дыра на полу постоялого двора, а также униженное поведение Мойсея Мойсеича. «Возвращение Ковчега из плена в город царя явилось прообразом возвращения Христа от крайнего уничтожения смерти в божественную славу Воскресения» [3; с. 12]. Ковчег был поставлен на «новую колесницу» (2 Цар. 6:3), параллелью к которой, по всей вероятности, служит «новая, роскошная коляска» (137) графини Драницкой. С танцем царя Давида, по-видимому, связано одно из любимых занятий Дениски, «прыганье на одной ножке» (120), а также привычка Пантелея «прыгать» босиком (144). Пантелей трижды вспоминает историю Максима Николаича, повезшего сына «в учение» (145), «чтоб до большого ума доводить...» (162); имя Максим («лат. *maximus* — самый большой; величайший» [19; с. 148]), возможно, отсылает к Иванову дню, приуроченному к летнему солнцестоянию, когда солнце «трижды подпрыгивает» [20; с. 105].

Ко времени, определяемому словами «“ночью... с раннего утра”» (Ис. 26:9), которые указывают на «благочестивое стремление к Богу во всякое время» [6; с. 982], относится действие четвертой главки. В ирмосе говорится о принесении Христу песни — и степь «тоскливо, безнадежно» (см. 141) призывает певца. В главке вводится «припев» «Степи», «Эх, ножки мои больные, стуженые!» [21; с. 191], который перекликается с «образом» первого тропаря, «характерным для ветхозаветной поэзии», — «“веселыми ногами”» [3; с. 12; 12; с. 11]. Описание подводчиков, по-видимому, служит еще одной аллюзией к Книге пророка — ср. Ис. 1:6.

Притча о десяти девах, к которой отсылает второй тропарь, возможно, отражена в воспоминаниях Егорушки о графине Драницкой, а также в своего рода фаллической символике: телеграфные столбы «в виде очень маленьких, тоненьких палочек, похожих на карандаши, воткнутые в землю» (143); цилиндр Пантелея, «похожий скорее на усеченный конус» (144).

В начале 27-й главы Книги пророка Исайи упомянут левиафан. «Необычные эпитеты (*прямобегущий, изгибающийся*) в точности соответствуют тому, что сказано в древнем ханаанском эпосе о Валае, который победил морское чудовище» [17; ч. 2, с. 247], «зверя хаоса, представляющего водную стихию в виде многоголового извивающегося змея» [11; с. 711]. Глагол ‘изгибаться’ употребляется в отношении Мойсея Мойсеича (загнуты и спинки стульев на постоялом дворе), а его дети уподоблены стоголовой гидре (см. тж. выше). Мотив змееборства (ср. чудо св. Георгия о змие) представлен в сниженном виде: Дымов и Кирюха убивают ужа [5]. Убитый уж сравнивается с веревкой — за веревку, «которую был перевязан тюк», «взялся» Егорушка (после чего «поправил в кармане пряник») (142). Пряник, подарок Розы (вспомним и бублики, приносимые с базара Зинаидой Даниловной), служит параллелью к упомянутому выше подарку арестанта, оловянным запонкам; «веревочкой» повязан мешок, в котором Кузьмичов хранил деньги, — во втором тропаре упомянуты «адовы оковы» [12; с. 11]. Дело, которое «могло бы сковать... душу» (117), сравнено с удавом.

И в ханаанском эпосе, и в Книге пророка Исайи «создается ощущение, что Бог порядка и плодородия побеждает чудовище хаоса... в 21:7... эта борьба между порядком и хаосом происходит в конце времен», что напоминает «падение сатаны, который изображается в виде семиглавого дракона в Отк. 12:3–9» [11; с. 711]. Имя ‘Семен’ связано в народном сознании числом семь [16] — можно

предположить, что «неуловимый» старик Варламов служит персонификацией дракона [5]. Символом плодородия служит мельница, выявляемая в образе бывшего певчего, характерная черта которого — размахивание руками.

Концовка главы, в которой говорится о необычайной зоркости Васи и его способности «видеть диких животных в их домашней жизни» (150), возможно, служит реминисценцией торжества мира как характеристики «Тысячелетнего царства, где будет править Князь Мира (Ис. 9:6): «всякая вражда... между животными — хищными или иными — и между человеком и животным исчезнет» (см.: Ис. 11:6–9; 65:25) [6; с. 963].

«Трехдневное пребывание Ионы в морской бездне (море символизировало ад) и избавление от нее явилось пророчеством о трехдневном погребении Христа и Его воскресении» [3; с. 13]. Водная стихия в пятой главке представлена рекой, на берегу которой встал обоз; образ верб, тень которых «пропадала даром» (151), возможно, служит реминисценцией растения, произращенного Богом над головой Ионы (4:6). Вася, съевший живьем бобырика, ассоциируется с морским чудовищем: «Пухлый подбородок Васи... рыбий хвостик во рту... делали его похожим на животное» (155). Олицетворением спасенного Ионы (и воскресшего Христа), возможно, служит господин из церкви, «общий родоначальник Адам» [12; с. 13] второго тропаря: «двери в храм, дом Божий, и в Царство Небесное открылись для нас Воскресением — в знак этого [во время пасхального богослужения] в иконостасе, отделяющем алтарь, открываются царские врата и диаконские двери» [2; с. 197]. Мысль о принесении Христа Себя в жертву Отцу выражена, по-видимому, в воспоминании Дымова о «строгом, крутом отце» (160), каким представлен Варламов. Великоросс, вероятно, служит отражением образа царя Вальтасара, а «узоры и кабалистические знаки» (157) на полу лавки могут быть связаны с надписью на стене, которая «соотносится с понятиями измерения, взвешивания и, соответственно, с денежными единицами (*Мене* — мина, *текел* — сикль, *упарсин* — части)» [17; ч. 2, с. 387]. Лавку можно также сопоставить со скинией, в которой хранился ковчег с сосудом, наполненным манной; с последней сближаем пряник, вдвое выросший в цене [6; 5].

Постный ужин, приготовленный подводчиками, ассоциируется с покаянием Ниневии; примечательно, что котел с кашей сравнен с ямой (в которой можно усмотреть и яму с негашеной известью, и лавинный ров, орудия пыток втч. Георгия и пророка Даниила (о последнем см. ниже)). Иона отправляется в Ниневию после повторного повеления Бога — «итак, мятежному Ионе был дан еще один шанс» [17; ч. 2, с. 472] — таковой был и у Егорушки, однако он им не воспользовался: «Егорушка хотел было опять пойти в деревню, но подумал, позевал и лег рядом со стариком» (160).

Рассказ о приходе дев-мироносиц к гробу Христову, упомянутый в первом тропаре седьмой песни, вновь отсылает к притче о десяти девах, аллюзии к которой наиболее ярко выражены в шестой главке.

Возраст Степки совпадает со временем изготовления золотого истукана царя Навуходоносора (в восемнадцатый год вавилонского плена [13; т. 3]); восемнадцать дней состоял в браке Константин Звоник. Образ верб в предыдущей главке, возможно, служит аллюзией к 136-му псалму.

Печь, в которую были брошены юноши (Дан. 3:19–25), является «прообразом Крещения» и «прообразом воскресения» [22] — «под крещение ночью» (162) сгорела семья Пантелея. Вероятно, это таинство отражено в попытке «силача» Дымова «утопить» (152) (взяв за шею и за ногу) Егорушку, можно сказать, того самого «Сильнейшего... у Которого... недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви» (Мк. 1:7), «нового Моисея» (ср. описание поведения Моисея Моисеича: «...закричал таким диким, придушенным голосом, как будто тонул и звал на помощь...» (124); «...пожимаясь так, как будто только что выскочил из холодной воды в тепло... кричал диким придушенным голосом...» (127)). Образ подводчика напоминает и сближаемого с Иоанном Предтечей св. Христофора [20] — ср.: «Он... имел такой вид, как будто собирался поднять одной рукой что-то очень тяжелое и удивить этим весь мир» (149) (имя смч. Игнатия Богоносца носит Игнат Фомин; как и пророк Даниил, святой был брошен на растерзание львам). Признаками св. Христофора обладает и Варламов — ср.: «На таких людях, брат, земля держится» (175). Помимо того, имя купца, его возраст и мотив ожидания (некой «книжки») заставляют вспомнить о Симеоне Богоприимце, сыновья которого изложили историю сошествия Иисуса Христа во ад.

Эпизод утопления вызывает в памяти и первое апокалиптическое видение пророка Даниила, «видение борьбы на великом море (возможно, Средиземном, но скорее всего, это общая картина нестабильного мира, погрязшего в преступном безбожии)» [17; ч. 2, с. 390]. Суть «борьбы» «Вавилоня

против Иерусалима, земного города против града Божьего», одна из основных тем Книги пророка Даниила, «объясняется в Быт. 3:15» [17; ч. 2, с. 380] — ср.: «Кирюха кашлял, смеялся и кричал так, как будто его хотели утопить, а Дымов гонялся за ним и старался схватить его за ногу» (151). Другие видения происходят на берегу рек, причем последнее в праздник Пасхи: «в годовщину исхода из Египта, в первый год правления царя Кира, начался новый исход» [17; ч. 2, с. 394]. Прообразом «избавления Израиля при переходе через Красное море» служит и спасение из воды младенца Моисея.

Ярость Навуходоносора выразилась в том, чтобы печь разожгли в семь раз сильнее («семь раз настойчиво повторяется, что Навуходоносор поставил истукана» [16; ч. 2, с. 383]) — с числом семь ассоциируется имя Варламова (см. выше), а его мокрое от росы лицо, помимо манны, вызывает в памяти сошедшую в печь росу, «прообраз крещенской воды» [22], а также второй сон Навуходоносора («...пусть он, в узах железных и медных, среди полевой травы, орошается небесной росой...» (Дан. 4:12)) и его «редкую душевную болезнь (ныне известную как ликантропия)» [17; ч. 2, с. 386], которая продолжалась «семь времен» (4:13).

Красные рубахи разбойников (такую же носит и Егорушка), возможно, служат параллелью к «ярким одеждам» еврейских юношей [17; ч. 2, с. 384]; примечательно, что и тех, и других перед исполнением наказания связали. Чудесное спасение купца Петра Григорыча ассоциируется с вмешательством Ангела Господня (Дан. 3:49, 50). Вася, служивший на спичечной фабрике и похожий деревянного солдата, напоминает «солдат, сгоре[вших] от жара пламени» [17; ч. 2, с. 384] (воеводе царя Василия было рассказано о чуде св. Георгия о сыне священника [13; т. 1]). Молния в картине грозы описана как «бледная, фосфорическая полоска» — «как будто кто чиркнул по небу спичкой» (180).

Восторженное воспевание Иисуса Христа, упомянутое во втором тропаре, по-видимому, отражено в неудачной попытке спеть «что-нибудь божественное»: «Все отказались; тогда Емельян запел сам. ...Из горла его выдавалось одно только сиплое, беззвучное дыхание» (173, 174) — вместо этого «диким голосом» (174) стал петь Кирюха. Примечательны структурные параллели: в Книге пророка Даниила «темы, затронутые в гл. 2, 3 и 4, в обратном порядке повторяются в гл. 5, 6 и 7. Этот прием “повествовательного зеркала”, или обратного параллелизма... призван создать впечатление нарастающей радости» [17; ч. 2, с. 376]. Аналогично в «Степи»: первая и восьмая главки отличаются от остальных тем, что их действие происходит в городе; вторая и седьмая объединены темой грозы; третья и шестая — темой постоянного двора; четвертая, в которой появляются *подводчики*, и пятая — темой степи как водной стихии.

Ужин у костра, с которого начинается седьмая главка, возможно, связан с первым тропарем восьмой песни, представляющим «Пасху как новое вино, вкусить которое в Царствии Небесном вместе с учениками подобает Спасителю накануне страдания на Тайной Вечере (Лк. 22:16)» [3; с. 17, 18] — ср.: «...все много пили и никак не могли утолить жажду»; вместо «божественного веселия» [12; с. 19], упоминаемого в первом тропаре, «...во всем чувствовалась какая-то неопределенная тоска» (177). Метафорой нового вина служит гроза (и дождь), «Страсти Господни...» (185). Показательно, что в конце главки Егорушку, попросившего пить, стошнило (см. тж. [5]) — «изрыгнул из себя смертоносный яд» и отрок-пастух [13; т. 1, с. 1006].

Ветер, сопровождавший грозу, можно сопоставить с влажным ветром, сотворенным Ангелом Господним в печи. Великаны из Глинова вызывают в памяти истукана из сна Навуходоносора. Аналогично тонконогий Тит; «описание опустошений, выражения *народом вождя, который придет* (26), и мерзость запустения (27), возможно, указывают на Тита Веспасиана, осквернение храма и разрушение Иерусалима в 70 г.» [17; ч. 2, с. 394; 1]. Примечательна «остановка» мельницы и молчание белой собаки (мельница и собака служат метафорами грозы [16]). Первый образ перекликается с 22-м стихом 18-й главы книги Откровение. С «немыми псами, не могущими лаять» (Ис. 56:10), сравниваются «нечестивые вожди Израиля» [6; с. 1029]. «Полуоткрытая дверка» хлевка, обладающего признаками Красного моря (см. выше), вызывает в памяти «отверстые двери алтаря [которые] символизируют гроб Господень... и напоминают о близости Царства Божия», что составляет «особенность пасхального богослужения» [10; т. 2, с. 532, 533].

В конце главки, как и во втором тропаре песни, описана гора, «усеянная... церквами» (188) — «Гора Сион в Иерусалиме — образ Церкви» [3; с. 18]. Символом воскресения служит павлинье перо, украшающее шляпу Егорушки. Рогожка, которой мальчик накрылся во время дождя, отсылает к ико-су, в котором Иисус Христос описан как «не в пеленах, но в плащанице обвитый» [12; с. 14]. На вход

в Иерусалим указывает трижды упомянутое ангельское славословие «Свят, свят, свят Господь Саваоф».

В восьмой главке появляется образ Настасьи Петровны Тоскуновой, служащей, по-видимому, отражением Богородицы, о Которой «особенно часто... говорится» в девятой песни канона. Богородица — «сердце Церкви» (ср. пряник в виде сердца), Новый Иерусалим, Сион [3; с. 19]. Реминисценцией ирмоса, возможно, служит фраза Тоскуновой: «Чистая мать!»; в то же время в ее квартире «не совсем чисто» (167). Во втором тропаре Христос прославляется как «Божия Премудрость, явившая Себя в Воскресении из мертвых» [3; с. 20], что вновь отсылает к притче о десяти девах.

В третьем тропаре говорится о воскресении Христа «в третий день из гроба» [12; с. 21]. Образ гроба — «маленький номерок», к которому ведет «длинный, узкий коридор» (189) (ср. «длинный, узкий гроб» (108) Зинаиды Даниловны; «узкий проход» (132) в спальне Мойсея Мойсеича), и «маленький душный зал, весь уставленный образами и цветочными горшками» (198), в квартире Тоскуновой. «В таинстве Крещения человек умирает и воскресает вместе со Христом для вечной жизни, но... *вся жизнь* человека является как бы продолжающимся крещением... И те из нас, кто будет со Христом в Его Царстве, будут участниками “брачного пира Христа и Его Церкви” — вечно длящейся Пасхи» [3; с. 2, 3]. Можно предположить, что деление на восемь главок также соответствует представлениям, связанным с «восьмым днем». В финале повести брачный пир представлен в сниженном виде: «Через три минуты Егорушка... ел жирные, горячие щи» (199).

В данной статье мы попытались показать, что одним из источников деления «Степи» на главки служит пасхальный канон прп. Иоанна Дамаскина, в котором «отражено основное содержание празднования Воскресения Христова как перехода от смерти к жизни, от земли к небу... <...> Тропари канона... прославляют Христа как Победителя ада и смерти» [10; т. 2, с. 527, 528]. Структурные параллели с Книгой пророка Даниила, основанные на приеме обратного параллелизма, позволяют сопоставить основную тему повести с противостоянием Вавилона и Иерусалима. Егорушка, тезка вмч. Георгия, выполняет функцию христовобразной фигуры, однако смерть собирает жатву: «...в зале был покойник» (200). Символично упоминание палки с крючком и посоха в конце произведения: по словам пророка Исаии, «Господь... отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость» (3:1) (примечательно, что крюки — нотные знаки в древнерусском богослужении [2]; Майкл С. Финк видит в проволоках, натянутых между телеграфных столбов, нотный стан [5]). В то же время Чехов сохраняет надежду на воскресение: прощание мальчика с прошлым («Егорушка почувствовал, что... для него исчезло навсегда, как дым, все то, что до сих пор было пережито...» (200)) перекликается со славословием 67-го псалма: «Яко исчезает дым да исчезнут» (67:3) [12; с. 23]; предыдущий стих (67:2) напоминает слова Моисея, произнесенные, «когда поднимался ковчег в путь» (Чис. 10:35) [3].

Библиографический список

1. Зубарева В. К. Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля // Десять шагов по «Степи»: статьи и эссе / ред. В. К. Зубарева. Idyllwild, CA: Charles Schlacks, Jr, 2017. С. 6–33.
2. Браверман М., прот. Православное богослужение: иллюстрированная энциклопедия для всей семьи. М.: Никея, 2017. 256 с.
3. Служба Святой Пасхи: Светлая Утреня и Божественная литургия с русским переводом и изъяснением / ред. архимандрит Спиридон. Киев: Общество им. М. Н. Скабаллановича, 2014. 56 с.
4. Чехов А. П. Степь // Рассказы и повести. М.: Правда, 1981. С. 106–200.
5. Finke M. C. Metapoesis: the Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham, London: Duke University Press, 1995. 221 p.
6. Учебная Библия с комментариями Джона Мак-Артура. Loves Park, IL: Славянское Евангельское Общество, 2004. 2201 с.
7. Мень А., прот. Библиологический словарь: в 3 т. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
8. Желтов М., свящ. Канон // Православная энциклопедия. 2017. URL: pravenc.ru (дата обращения: 07.03.2021).
9. Песни Священного Писания. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 07.03.2021).
10. Иларион (Алфеев), митр. Православие: в 2 т. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
11. Библейский культурно-исторический комментарий: в 2 ч. / Д. Х. Уолтон, В. Х. Мэтьюз, М. У. Чавалес. СПб.: Мирт, 2003–.
12. Служба Святой Пасхи с пояснениями из Священного Писания и переводом на русский язык / сост. В. Чернов. М.: Николин день, 2014. 48 с.

13. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: в 3 т. М.: Харвест, 2002.
14. Основы православия: учебное пособие / Ю. В. Серебрякова, Е. Н. Никулина, Н. С. Серебряков; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Факультет дополнительного образования, Кафедра теологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ. 333 с.
15. Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери / пер. с англ. М.: Рефл-бук, 2000. 288 с.
16. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Академический проект, 2013.
17. Новый библейский комментарий: в 3 ч. СПб.: Мирт, 2000–2001.
18. Чехов А. П. Степь. История одной поездки / изд. подгот. М. П. Громов; отв. ред. И. Г. Птушкина; Российская акад. наук. М.: Наука, 1995. 286 с. (Литературные памятники).
19. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: ок. 2600 имен. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1980. 384 с.
20. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы / отв. ред. С. А. Токарев. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. 221 с.
21. Громов М. П. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1993. 394 с.
22. Кашкин А. С. Провозвестник Сына Человеческого: беседа с библеистом, заведующим Библейской кафедрой СПДС, преподавателем Священного Писания Ветхого Завета А. С. Кашкиным / беседовала М. Бирюкова // Православие и современность. № 42 (58). URL: <https://eparhia-saratov.ru> (дата обращения: 07.03.2021).
23. Э. П. С. Исход // Православная энциклопедия. 2016. URL: pravenc.ru (дата обращения: 07.03.2021).

References

1. Zubareva V. K. The Present and Future of Egorushka: "The Steppe" in the Light of the Positional Style // Ten Steps along "The Steppe": Articles and Essays / edited by V. K. Zubareva. Idyllwild, CA, 2017. P. 6–33.
2. Braverman M., apr. Orthodox Worship: An Illustrated Encyclopedia for the Whole Family. Moscow, 2017. 256 p.
3. The Paschal Service: Paschal Matins and Divine Liturgy with Russian Translation and Explanations / edited by archimandrite Spiridon. Kiev, 2014. 56 p.
4. Chekhov A. P. The Steppe // Short Stories and Novellas. Moscow, 1981. P. 106–200.
5. Finke M. C. Metapoesis: the Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham, London, 1995. 221 p.
6. The MacArthur Study Bible. Loves Park, IL, 2004. 2201 p.
7. Men' A., apr. Bibliological Dictionary: in 3 vols. Moscow, 2002.
8. Zheltov M., pr. Canon // The Orthodox Encyclopedia. Available at: pravenc.ru (accessed 7 March 2021).
9. The Book of Odes. Available at: <https://azbyka.ru> (accessed 7 March 2021).
10. Hilarion (Alfeyev), metr. Orthodox Christianity: in 2 vols. 4th ed. Moscow, 2012.
11. The IVP Bible Background Commentary: in 2 vols. St. Petersburg, 2003.
12. The Paschal Service with Explanations from the Holy Scripture and Russian Translation / compiled by V. Chernov. Moscow, 2014. 48 p.
13. The Lives of Saints by St Dimitry of Rostov: in 3 vols. Moscow, 2002.
14. An Introduction to Orthodox Christianity: A Teaching Aid / Yu. V. Serebryakova, Ye. N. Nikulina, N. S. Serebryakov; St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Faculty of Supplementary Education, Department of Theology. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow, 2013. 333 p.
15. Kerényi C. Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter. Moscow, 2000. 288 p.
16. Afanasiev A. N. Poetic Views of the Slavs on Nature: Experience of Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with Mythical Tales of Other Kindred Nations: in 3 vols. Moscow, 2013.
17. New Bible Commentary: in 3 vols. St. Petersburg, 2000–2001.
18. Chekhov A. P. The Steppe. A Story of a Journey / prepared by M. P. Gromov; edited by I. G. Ptushkina; Russian Academy of Sciences. Moscow, 1995. 286 p. (Literary Monuments).
19. Dictionary of Russian Personal Names: About 2,600 Entries. 2nd ed. Moscow, 1980. 384 p.
20. Calendar Customs and Rituals in the Countries of the Foreign Europe. Historical Roots and Development of the Customs / edited by S. A. Tokarev. Moscow, 1983. 221 p.
21. Gromov M. P. Chekhov. Moscow, 1993. 394 p.
22. "Proclaimer of the Son of Man: An Interview with Biblical Scholar, Chair of Biblical Studies (SOTS), Professor of Old Testament A. S. Kashkin", by M. Biryukova // Orthodoxy and the Present. № 42 (58). Available at: <https://eparhia-saratov.ru> (accessed 7 March 2021).
23. E. P. S. Exodus // The Orthodox Encyclopedia. 2016. Available at: pravenc.ru (accessed 7 March 2021).

УДК 811.161.1'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.29.53.011

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,*

Кольцова Л.М.

Россия, г. Воронеж, тел. +79009441389

E-mail: kolzowa@mail.ru

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка*

Чуриков С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +79204498200

E-mail: churikovsa@yandex.ru

*Voronezh State University
Doctor of Philological Sciences,
Professor of Department of Russian lan-
guage,*

Koltsova L.M.

Russia, Voronezh, tel. +79009441389.

E-mail: kolzowa@mail.ru

*Candidate of Philological Sciences,
associate Professor of Department of Rus-
sian language*

Churikov S.A.

Russia, Voronezh, tel. +79204498200.

E-mail: churikovsa@yandex.ru

Л.М. Кольцова, С.А. Чуриков

**«ПУСТЬ УМ ТВОЙ ПРОБУДИТ И ДУШУ ПОТРАСЕТ...»
(КРЫЛАТОЕ СЛОВО И.С. НИКИТИНА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ)**

Статья посвящена важному аспекту изучения языка великого русского поэта И.С. Никитина, а именно – вкладу в русскую речь, где в настоящее время бытует более 80 цитат и крылатых выражений, принадлежащих его перу. Эти крылатые единицы восходят к 38 стихотворениям, поэме «Кулак», повести «Дневник семинариста» и письмам. На основе интертекстуального анализа языкового материала показано, как используются крылатые строки поэта в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности и различного времени написания. Особое внимание авторы обращают на использование крылатых единиц в сильных текстовых позициях, к которым относятся заглавие, эпиграф, абсолютное начало текста и абсолютный конец текста. Проведенная работа приводит к выводам, что поэтическое творчество И.С. Никитина принадлежит не прошлому, а будущему. Оно имеет непреходящее значение и ценность для воспитания и для формирования мировоззрения современного человека. Изучение произведений И.С. Никитина – непереносимое и неотъемлемое условие для глубокого и полного понимания духовно-нравственных традиций, характера и обычаев русского народа, особенно – для иностранных учащихся. На занятиях по русскому языку поэтическое слово И.С. Никитина призвано служить интеллектуальному и эмоциональному познанию мира. Неслучайно в произведениях русских писателей, публицистов, ученых (И.А. Бунина, А.М. Горького, В.И. Белова, В.В. Будакова, Б.А. Воронцов-Вельяминова, В.К. Журавлева, и др.) крылатые строки И.С. Никитина служат неопровержимым доказательством высших устремлений человеческой души к постижению законов мироздания.

Ключевые слова: И.С. Никитин, крылатые выражения, цитаты, интертекст, русский язык, методика преподавания.

L.M. Koltsova, S.A. Churikov

**«LET YOUR MIND AWAKEN AND SHAKE YOUR SOUL...»
(The winged word of I.S. Nikitin in the Russian language space)**

The article is devoted to an important aspect of the study of the language of the great Russian poet I.S. Nikitin, namely, the contribution to the Russian language, where currently there are more than 80 quotations and winged expressions belonging to his pen. These winged units go back to 38 poems, the poem "Kulak", the novella "Diary of a seminarian" and letters. Based on the intertextual analysis of the linguistic material, it is shown how the poet's winged lines are used in texts of various stylistic and genre affiliation and different writing times. The authors pay special attention to the use of winged units in strong textual positions, which include the title, the epigraph, the absolute beginning of the

text and the absolute end of the text. The conducted work leads to the conclusions that the poetic creativity of I.S. Nikitin belongs not to the past, but to the future. It has an enduring significance and value for the upbringing and for the formation of the worldview of a modern person. The study of the works of I.S. Nikitin is an indispensable and indispensable condition for a deep and complete understanding of the spiritual and moral traditions, character and customs of the Russian people, especially for foreign students. In the Russian language classes, the poetic word of I.S. Nikitin is intended to serve the intellectual and emotional cognition of the world. It is no coincidence that in the works of Russian writers, publicists, scientists (I.A. Bunin, A.M. Gorky, V.I. Belov, V.V. Budakov, B.A. Vorontsov-Velyaminov, V.K. Zhuravlev, etc.), the winged expressions of I.S. Nikitin serve as irrefutable proof of the highest aspirations of the human soul to comprehend the laws of the universe.

Keywords: I. S. Nikitin, popular expressions, quotations, intertext, Russian language, teaching method

Иван Саввич Никитин – поэт, который давно и заслуженно входит в число классиков отечественной словесности. Его имя составляет славу и гордость Воронежского края, а его творчество должно привлекать внимание учителей, вузовских преподавателей, филологов-исследователей независимо от юбилейных дат. Слово И.С. Никитина неизменно звучит в рамках проектов Воронежского государственного университета («И мы сохраним тебя, русская речь...») и Воронежской областной универсальной научной библиотеки, которая носит имя поэта («Занимательная филология»).

Следует напомнить, что в школьном курсе русской литературы для чтения и изучения рекомендуется более 20 стихотворений И.С. Никитина, и все его произведения направлены на совместное с читателем интеллектуальное и эмоциональное познание мира: **«Пусть ум твой пробудит и душу потрясет твое пророческое слово»** [1; с. 101]. И это познание возможно только благодаря глубине и силе русского слова, воплощенного в эстетически совершенной форме в русской поэзии, где достойное место занимает творчество И.С. Никитина. Его наследие принадлежит не только и не столько истории русской литературы, ее Золотому веку, оно живет все полнотой своих мыслей и чувств в современном пространстве русского языка и русской культуры.

Интертекстуальный анализ, проведенный с использованием современных поисковых систем, показывает, что в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности на протяжении последних полутора веков неизменно присутствует поэтическое слово Ивана Саввича Никитина в виде цитат и крылатых выражений (см. [2]).

Изучение творчества И.С. Никитина имеет свои давние добрые традиции. Так, в первом изданном в России комплексном учебнике для изучения родного языка «Живое слово» [3], состоящем из «Методики», «Хрестоматии» и «Приложения сведений из логики к чтению и писанию сочинений», составленных А.В. Барсовым и изданным А.А. Хованским в г. Воронеже (подробнее см. [4], [5]), стихотворение И.С. Никитина «Молитва дитяти» открывает 1-й отдел хрестоматии к курсу русского языка. Выбор этого стихотворения обусловлен следующим: «... оно напоминает о том, с чего нужно начинать всякое дело, напоминает о молитве, указывает, к чему детям нужно стремиться («мужай с летами»), что нужно не растерять, сберечь к поре «поздних лет» [3; с. 4]. (Примечательно, что предназначена эта хрестоматия для учеников 1-го класса). Несомненна правильность такого выбора, поскольку все поэтические произведения И.С. Никитина дают вдумчивому читателю, учителю, ученику «всесторонне развивающие знания» [3; с. 12].

Вместе с тем справедливо и утверждение Л.Н. Толстого, который писал: *«Никитин ещё не оценён в достаточной мере. Его оценка в будущем, и с течением времени его будут ценить всё более и более. Никитин переживёт многих, даже более крупных поэтов...»* (цит. по: [6; с. 5]).

Эта мысль Л.Н. Толстого нашла свое подтверждение и в том внимании филологов-исследователей, которое привлекает к себе поэт, входящий в число *«тех великих, кем создан своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный, простой язык»* (И.А. Бунин) [7; с. 505-506]. Раскрыть гениальную простоту никитинского слова призваны и учителя-словесники, и ученые-филологи, которые немало сделали для того, чтобы это слово достойно звучало в широком пространстве русской словесной культуры (здесь уместно назвать имена таких видных исследователей творчества поэта, как В.М. Акаткин, Е.П. Андреева, П.А. Бороздина, Я.И. Гудошников, А.И. Кретов, В.М. Кузнецов, С.Г. Лазутин, О.Г. Ласунский, В.А. Малкин, Л.А. Плоткин, С.Н. Прядкин, А.М. Путинцев, В.И. Собинникова, В.А. Тонков, Б.Т. Удодов и др.). Во многом благодаря их усилиям поэтическое слово И.С. Никитина широко и полно вошло в русскую речь и обрело крылатость, о чем образно сказал писатель В.А. Кораблинов в «Воронежской поэме»:

*Плывут облака никитинских строк
По вечным небесным дорогам...*

Когда мы знакомим учащихся (школьников, гимназистов, студентов-иностранцев) с творчеством большого русского поэта, мы непременно должны показать, какой вклад он внес в сокровищницу языка и культуры. Вклад И.С. Никитина, по нашим данным (см. [8, с. 3-6]), представлен более чем 80 цитатами и крылатыми выражениями, которые восходят к 38 стихотворениям, поэме «Кулак», повести «Дневник семинариста» и письмам.

Наиболее известны как крылатые такие никитинские строки: **«Под большим шатром голубых небес»** («Русь»), **«Это ты, моя Русь державная, моя Родина православная!»** («Русь»), **«Ни кола, ни двора // Зипун весь пожиток»** («Песня бобыля»), **«Богачу-дураку // И с казной не спится; // Бобыль гол как сокол // Поет-веселится»** («Песня бобыля»), **«Ехать на ярмарку»** и **«Ехать с ярмарки»** («Ехал на ярмарку ухарь-купец»), **«Ухарь-купец»** («Ехал на ярмарку ухарь-купец»), **«Не читать для меня – значит не жить»** (Письмо Н.И. Второву), **«Я Руси сын! Здесь край моих отцов»** («Юг и север»).

В этих поэтических высказываниях представлены те смыслы, обращение к которым не имеет временных границ и особенно важно для формирования мировоззрения молодого человека. Важно отметить, что именно эти смыслы правдиво и точно отражают ту картину мира, которую веками создавало и хранило русское художественное сознание. Источник и основа мироздания находится в центре этой картины мира:

Таинственно небес определение

Но их закон нарушим и свят. [1; с. 61]

Эти божественные законы определяют земные пути человека и дают ему силы для преодоления «сурового холода жизни строгой». Неслучайно в произведениях русских писателей, поэтов, публицистов крылатые строки И.С. Никитина служат неопровержимым доказательством высших устремлений человеческой души к постижению законов мироздания. Об этом свидетельствует, например, такое вхождение в размышления разных авторов строк стихотворения И.С. Никитина «Новый завет» (1853):

Воистину русский литературный язык, как и русский национальный характер, постоянно находил... «...В глаголах Предвечного Слова Источник покоя и сил...» (И. С. Никитин) [8; с. 21].

Вот они, духовные истоки русского литературного языка. Это – Слово Божие, воплотившееся в славянский глагол подвигом равноапостольных Кирилла и Мефодия. (Журавлев В. К. Русский язык и русский характер) [8; с. 21].

Какой бесценный дар Господень – Библия! Через нее великий Творец открывает нам Свою любовь, Свою волю и благословенное дело нашего спасения, совершенное Сыном Его Иисусом Христом. Какое утешение находит душа в обетованиях Божьих! Как утверждается сердце, познавшее Господа, наставлениями, написанными на святых страницах [8; с. 22].

«Как сладко читать эти строки! Читая, молиться в тиши, и плакать и черпать уроки из них для ума и души».

Зная, насколько велико значение Библии, дьявол пытается закрыть доступ к ней, лишить всякой возможности иметь эту драгоценную Книгу в своем доме (Божий дар // «Вестник Истины», 1979, №4) [8; с. 22].

Строками И.С. Никитина подтверждают свои размышления классик русской литературы А.М. Горький и современный писатель В.В. Будаков, знаменитый хирург В.Ф. Углов и известный отечественный юрист П.С. Пороховщиков (П. Сергеев), видный ученый-астроном Б.А. Воронцов-Вельяминов и архиепископ Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий):

Наша литература – сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

Где ты черпал эту силу? – спрашивает она его, но народ был для нее натурой, с которой она красиво и сочно писала более или менее талантливые картины для удовлетворения своих творческих эмоций и эстетического вкуса мещан...

Соль истинной поэзии в изображениях мужика и его жизни, даже у крупных писателей, часто и странно смешивается с патокой грустного лиризма, а он всегда неуместен при описаниях жизни русской деревни, ибо, по меньшей мере, неприлично лирически вздыхать, когда на ваших глазах люди утопают в грязи и во тьме (Горький М. Заметки о мещанстве) [8; с. 35].

Когда ступаешь приречным кособорьем Мары – крохотного клочка срединной России — и видишь лес по оврагу, речку Вяжлю и степь, сине убегающую за горизонт, как естественное, как необходимое возникают строки Боратынского: «Судьбой наложенные цепи упали с рук моих, и вновь я вижу вас, родные степи, моя начальная любовь»; или когда бродишь высокими прибрежными холмами, с вершин которых открывается белая панорама современного Воронежа, — сами собой являются на память эти, никитин-

ские, стихи: **«Я Руси сын!.. Здесь край моих отцов»**... (Будаков В.В. О культуре русской провинции) [8; с. 36].

Когда в книге попадались трогательные сцены, у отца заметно дрожал голос, а иногда он даже прерывал чтение, чтобы успокоиться. Человек трудной судьбы, испытавший унижения, несправедливость, он был чуток к горю других. А всегда так: страдания других лучше понимает тот, кто сам страдал. Вспоминаться строчки Ивана Никитина из его «Бурлаков»: **«Эх, приятель! И ты, видно, горя видал, коли плачешь от песни веселой!..»** (Углов Ф.Г. Сердце хирурга) [8; с. 96].

Итак, волнение оратора и судей в известных случаях есть естественное отражение фактов в душе человека. Когда факты возмутительны или трогательны, и говорящему, и слушающему свойственно негодовать или умиляться. Это несомненно, и, как я старался доказать, воздействие оратора на эти естественные и справедливые чувства есть законный прием в судебном состязании. Он имеет нравственное право не только поддерживать эти чувства в судьях и присяжных, но и создавать их. Как это делается?

Я могу дать лишь немногие общие указания в этом отношении.

Первое условие истинного пафоса есть искренность. <...>

Второе условие – простота выражения чувства. Искреннее волнение естественно передается простыми словами. Это в особенности заметно в передаче трогательного:

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,

Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,

Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая,

Горько она, моя бедная, шла... [8; с. 32] (Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде):

Мы видим, что возраст небесных светил почтенен, и история нашей науки – это такой краткий миг в истории жизни звезды, что нам невозможно заметить никакого изменения звезд. За это время на их челе не успевают отложиться ни одной мельчайшей морщинки. Это очень мешает нам представить себе, как рождаются, растут и старятся звезды, каков их жизненный путь. То, что светлое Солнце не может нам рассказать о своем «темном» прошлом (темном для нас), не дает нам возможности рассказать с уверенностью и о его будущем. Для подобных попыток предсказания будущего нашего Солнца первостепенное значение имеет знание источников звездной энергии. Они были открыты в тридцатых годах, и к ним-то теперь и обратится наш рассказ, тогда как еще недавно поэт мог сказать об этом лишь следующее:

«В глубине бездонной,

Полны чудных сил,

Идут миллионы

Вековых светил...»

(И. Никитин) (Б.А. Воронцов-Вельяминов. Очерки о Вселенной) [8; с. 24].

Слава тем студентам, которые умеют победить засилье традиционных предрассудков и пренебречь ложным стыдом во имя истины или, как поется в русской студенческой песне.

Слава, кто истине служит,

Истине жертвует всем! (Войно-Ясенецкий В. Ф. (Архиепископ Лука). Наука и религия) [8; с. 71].

Вопросы И.С. Никитина **«зачем живет человек?»**, **«за что можно в нужде сложить голову?»**, **«в чем черпает силу человек?»**, особенно важные в дни испытаний и народных бедствий, остаются значимыми и в наше тревожное время. Ответы на эти вопросы И.С. Никитин дает в таких стихотворениях, как «Утро», «Русь», «Утро в сосновом лесу», которые изучаются в школе. Именно эти стихотворения стали источником многих цитат и крылатых выражений, широко распространенных в устной и письменной речи, что является не только свидетельством непреходящей значимости творчества И.С. Никитина для русского языка и русской культуры, но и неопровержимым свидетельством того, что образное поэтическое слово жизненно необходимо уму и сердцу каждого человека, потому что оно создает и организует по законам гармонии то общее пространство, которое очищает, окрыляет и возвышает душу, познающую мир.

Благодаря этим качествам стихотворение «Русь», опубликованное в 1851 г., сразу принесло И.С. Никитину всероссийскую известность. Начальные строки этого ставшего хрестоматийным произведения уже более полутора веков цитируются писателями, журналистами, телеведущими. Познакомить учащихся с таким сопряжением мыслей и чувств очень важно и полезно, особенно на примерах из произведений известных русских писателей:

Он слушал, прикрывая глаза. Потом я читал Никитина: **«Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...»** Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. (Бунин И. А. Жизнь Арсеньева) [8; с. 58].

Кониин не мог поверить, что город погибает, не мог поверить потому, что не изжила себя та сила, которая создала его, и под большим шатром голубых небес жила все та же вековая, тихая и могучая Россия.

Иван Кониин направился на Новостроящееся кладбище, где находилась могила Алексея Кольцова. Он хотел успокоиться духом и получить утешение возле самого большого и вдохновенного человека, жившего когда-то в Воронеже.

Художник долго пробыл у могилы поэта. (Платонов А. Житель родного города) [8; с. 57].

Часто встречается в произведениях художественной литературы и публицистических текстах еще одно известное четверостишие из стихотворения «Русь»: **«Это ты, моя Русь державная! Моя родина православная!»** [1; с. 92]. Яркий пример употребления этой крылатой единицы встречаем в уже процитированном романе И.А. Бунина:

*А что до гордости Россией и всем русским, то ее было, еще раз говорю, даже в излишестве. И не один Ростовцев мог гордо побледнеть тогда, повторяя восклицание Никитина: «**Это ты, моя Русь державная!**» – или говоря про Скобелева, про Черняева, про царя-освободителя, слушая в соборе из громовых уст златовласого и заторизного диакона поминовение «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего Александра Александровича», – почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, «мирного и благоденственного жития», высится русская корона.*

*И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешения этого описания: «**Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!**» – Ростовцев сжимал челюсти и бледнел (Бунин И. А. Жизнь Арсеньева) [8; с. 102].*

Еще более употребительным стало непревзойденное по силе художественного воздействия поэтическое признание И.С. Никитина в любви к своей Родине [1; с. 95]:

**Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!**

Эти заключительные четверостишия стихотворения «Русь» многие писатели берут эпиграфом к своим произведениям. В качестве примера укажем роман Г. И. Мирошниченко «Осада Азова» и книгу А.Г. Ракова «Знаки припоминания. Былинки».

Все цитируемые строки могут и должны стать предметом размышления учащихся, углубленных бесед и даже темами сочинений.

Особого внимания заслуживает и еще одно известное с детства каждому стихотворение И.С. Никитина – «Утро», которое тоже стало источником ряда крылатых выражений. Причем на цитаты «фразобрали» больше половины строк данного произведения. Это обнаруживается при анализе стихотворения [1; с. 204-205], где выделены часто цитируемые фрагменты:

**Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш.
Тишь – безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...**

А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет – песню поёт;
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

Ставшие крылатыми поэтические строки этого стихотворения встречаются как у классиков русской литературы, так и в произведениях современных прозаиков, поэтов, статьях журналистов, ученых, публицистов. Например:

Митька бросился к двери, но Оксана Тарасовна со смехом остановила его и попросила прочесть им какое-нибудь стихотворение. На прощанье.

-Какое? Я много знаю...

-Ну... самое любимое. Атлас пока можешь положить.

-Не-е, с атласом лучше, Оксана Тарасовна. – Митька откашлялся и начал.

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Красный от слез и радости Митька звенел, как колокольчик. Покачивая головой, шевелила за ним губами Оксана Тарасовна. (Шапко В. Парус) [8; с. 41].

Кругом стояла божественная тишина, воздух как будто был пропитан озоном, над землей стлался туман, медленно поднималось солнце, радостно встречаемое всеми земными обитателями. Поневоле приходили стихи Ивана Никитина:

Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,

За морями ночлег свой покинуло,

На поля, на луга, на макушки ракит

Золотыми потоками хлынуло.

Из поймы речушек доносился свист куликов, важно вышагивающих по бережкам в поисках своего любимого кушанья, а беспокойные криквы давали команды своему быстро подрастающему выводку, не пора ли заняться повторением «домашнего» задания. (Утусиков Ю. Д. От Обских берегов до мостика «Оби») [8; с. 27].

Ритмичность была одной из самых удивительных принадлежностей северного народного быта. Самый тяжелый мускульный труд становился посильным, менее утомительным, ежели он обретал мерность. Не зря же многие трудовые процессы сопровождались песней. Вспомним общеизвестную бурлацкую «Эй, ухнем» или никитинское:

Едет пахарь с сохой, едет – песню поет,

По плечу молодцу все тяжелое...

Гребцы в лодках, преодолевая ветер и волны, пели; солдаты на марше пели; косцы на лугу пели. Пели даже закованные в кандалы каторжане... Ритм помогал быстрее осваивать трудовые секреты, приобретать навыки, а порой, пусть и на время, освобождал человека даже от собственных физических недостатков. Например, женищина-заика, не способная в обычное время связать и двух слов, петь могла часами, причем сильно, легко и свободно. (Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике) [8; с. 29].

...Утро было солнечное, теплое, тихое-тихое. Я шел в школу мимо пруда. Гладкая поверхность воды, словно из глубины, была озарена ровным, неярым светом. Перед глазами возник тот, из раннего детства, пруд в деревне Федоровское, где я ловил маленькую рыбежку на самодельную удочку, а потом хвастался маме. Сердце сладко зашло от воспоминаний, я замедлил шаг и не заметил, как очутился возле школы.

Надо же было так случиться, что Мария Сергеевна на первом уроке прочитала стихотворение Ивана Никитина «Утро»...

Я задохнулся от охватившего меня волнения, восторга, все повторял и повторял про себя» «Здравствуй, солнце да утро веселое!» Ну это же и сегодняшнем утре, и о давнем времени, когда рыбаки нашей деревни, нагруженные сетями, направлялись утром на заросшее камышом Чухломское озеро ловить карасей и щук! Все так точно, до озноба зримо, красочно (Друян Б. Неостывшая память) [8; с. 30].

Особенно важно обратить внимание на то, что весел и счастлив человек, в соответствии с мировоззренческими установками И. С. Никитина, только тогда, когда он готов к созидательному труду («Едет пахарь с сохой»), этот труд облегчает высшая форма общенародного языка – песня («едет – песню поет»), когда русская душа находится в единстве с родной русской природой и Русью Державной.

Только эта идея единства, которая создается и утверждается воображением художника, эмоциональное и умственное напряжение, рождающее Вечное Слово дает человеку глубокое и полное представление о многосложности и многомерности Мира. В этом непреходящая ценность поэзии Ивана Саввича Никитина, его философия, где главные ценности – Свобода, Любовь, «Надежды гордые». В этом – его ответ, привет и завет миру: «Здравствуй, солнце да утро веселое!»

Библиографический список

1. Никитин И.С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения / сост. Л.А. Плоткин. М., 1975. 367 с.
2. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Цитаты и крылатые выражения И.С. Никитина в русском дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. Воронеж, 2019. № 3. С. 34-37.
3. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно с требованиями педагогических принципов. Практический курс первого класса / Сост. А. В. Барсов, ред. А.А. Хованский. Воронеж, 1889. 91 с.
4. Кольцова Л.М., Чигирева Е.М. «Живое слово» А.А. Хованского: из прошлого в будущее // Мир русского слова, 2017, №3. С. 73-78
5. Сидорова Е. В. Вклад А.В. Барсова и А. А. Хованского в «Живое слово для изучения родного языка» // Сопоставительная и славянская филология: история, состояние, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию юбилею А. А. Хованского. Воронеж, 2014. С. 152-156.
6. Тонков В.А. И. С. Никитин: очерк жизни и творчества. М., 1968. 126 с.
7. Бунин И.А. Памяти сильного человека // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 9. М., 1967. С.502-506.
8. Кольцова Л.М., Чуриков С.А., Винтер М.В. Крылатое слово И.С. Никитина. Опыт словаря. Воронеж, 2019. 152 с.

References

1. Nikitin I.S. Collected Works: in 2 vols. T. 1: Poems / comp. L.A. Plotkin. - Moscow, 1975. 367 p.
2. Koltsova L.M., Churikov S.A. Quotes and winged expressions Nikitina in the Russian discourse In Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [The Voronezh State University Bulletin. Philology. Journalism]. 2019, No. 3, pp. 34-37.
3. A living word for learning the native language. The methodology of the Russian language in stories and explanations on literary samples in connection with logic, grammar and literature, for the comprehensive development and education of students, in accordance with the requirements of pedagogical principles. Practical course of the first class / Comp. A.V. Barsov, ed. A.A. Khovansky. Voronezh, 1889. 91 p.
4. Koltsova L.M., Chigireva E.M. "Living word" of A.A. Khovansky: from the past to the future // World of Russian words, 2017, No. 3, pp. 73-78.
5. Sidorova E. V. Contribution of A. V. Barsov and A. A. Khovansky in "Living Word for the Study of the Mother Tongue" In Sopostavitel'naya i slavyanskaya filologiya: istoriya, sostoyaniye, perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letnemu yubileyu A. A. Khovanskogo [Comparative and Slavic philology: history, state, prospects. Mater. Int. scientific and practical Conf., dedicated to the 200th anniversary of A. A. Khovansky]. Voronezh, 2014. pp. 152–156.
6. Tonkov V.A. I. S. Nikitin: Essay on Life and Creativity. Moscow, 1968. 126 p.
7. Bunin I.A. In memory of a strong person // Bunin I.A. Collected Works: in 9 volumes: Vol. 9. Moscow, 1967. P.502 - 506.
8. Koltsova L.M., Churikov S.A., Winter M.V. The winged word of I.S. Nikitin. Dictionary Experience. Voronezh, 2019. 152 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'27

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.91.50.012

Минский государственный лингвистический университет

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры речеведения

и теории коммуникации

Гладко М.А.

Беларусь, г. Минск,

тел. +375 293109820

email: glad_26@tut.by

Minsk State Linguistic University

The chair of speech studies

and theory of communication

PhD, associate professor

Gladko M.A.

Belarus, Minsk,

tel. +375 293109820

email: glad_26@tut.by

М.А. Гладко

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРЫ-ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье представлен фрагмент комплексного исследования по выявлению текстообразующего потенциала игры-головокружения в познавательном телепространстве в контексте коммуникативно-прагматического подхода. Целью исследования является установление и описание специфики текстообразующего потенциала игры-головокружения в познавательном телепространстве. В исследовании использованы методы дискурсивного анализа с элементами контент-анализа, семантического, контекстуально-интерпретационного и стилистического анализа. Изучаемый материал – 500 текстов познавательных телепередач широкой тематической направленности: темы, связанные с повседневной жизнью человека: ремонт, хобби, предметы обихода, здоровье, мода и красота, автотранспорт; жанровой представленности: консультативно-инструктивные, наглядно-информативные, информативные. Научная ценность работы состоит в выявлении и описании структурообразующего механизма познавательных текстов медиасферы – игры-головокружения, ее элементов и их языковой экспликации. Показано, что игра-головокружение конструируется особым композиционным рисунком макроструктуры познавательных текстов, который формируется чередованием разнообразных зрелищных, эмоционально насыщенных (аттракционов) и информативно-инструктивных блоков. Выявлены виды аттракционов: *собственно игровые, познавательные*, их доминантные языковые маркеры. Установлено, что *собственно игровые аттракционы* выполняют декоративную, рекреативную, эскапистскую функции, малоинформативны, содержат характерные игровые элементы: напряжение, неожиданность, продуцируют ощущение радости. *Познавательные аттракционы* выполняют функцию убеждающего воздействия, эскапистскую, терапевтическую функции; обладают сниженной информативностью, позволяют сделать привлекательной и понятной научную информацию, чуждую, сложную для восприятия непросвещенной аудитории; подвергают игровой акцентуации определенные фрагменты сообщения, информационно и прагматически значимые для автора. Работа вносит вклад в развитие медиалингвистики и прагматики. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее основные результаты в курсах по теории массмедиа, языку средств массовой коммуникации, прагматике.

Ключевые слова: познавательные передачи, телевидение, игра, головокружение, макроструктура, текстообразующий потенциал, аттракцион.

М.А. Gladko

THE TEXT-FORMING POTENTIAL OF THE ILINX GAME IN MASSMEDIA

The article presents a fragment of a comprehensive study to identify the text-forming potential of the Ilinx (Ver-

tigo) game in the telepace in the context of the communicative-pragmatic approach. The aim of the research is to establish and describe the specificity of the text-forming potential of the vertigo game in the TV programs. The study used the methods of discourse analysis with elements of content analysis, semantic, contextual-interpretive and stylistic analysis. The studied material is 500 texts of TV programs of a wide thematic orientation: topics related to the daily life of a person: repair, hobbies, household items, health, fashion and beauty, vehicles. The scientific value of the work consists in identifying and describing the structure-forming mechanism of texts in the media sphere - the Ilinx game, its elements and their linguistic explication. It is shown that the Ilinx game is constructed by a special compositional pattern of the macrostructure, which is formed by alternating various spectacular, emotionally saturated (attractions) and informative-instructional blocks. The article identifies types of attractions: actual game, educational-informative, their dominant language markers. It has been established that the actual game attractions perform decorative, recreational and escapist functions, they are uninformative, contain game elements – suspense, surprise and produce a feeling of joy. Educational-informative attractions perform the function of persuasion, escapist and therapeutic functions. They have a reduced information content, make it possible to make attractive and understandable scientific information; informationally and pragmatically significant for the author. The work contributes to the development of media linguistics and pragmatics. The practical significance of the work lies in the ability to use its main results in courses on mass media theory, language of mass communication, pragmatics.

Key words: educational and informative programs, television, game, Ilinx game, macrostructure, text-forming potential, an attraction.

В современном медиапространстве фиксируется острая востребованность и активное распространение игры, эскалация игровых форм. Игровая деятельность традиционно занимает главенствующее положение в развлекательных формах и жанрах медиакommunikации. Однако можно констатировать, что игра проникает в другие, традиционно неигровые жанры массмедиа, в частности, познавательные жанры телевидения. Феномен игры до сих пор не становился объектом исследования познавательного дискурса, хотя ее отдельные аспекты (языковая игра, геймификация) изучаются. Именно потому актуальным становится выявление роли игры, ее видов и собственно сущностных элементов в познавательном телепространстве.

Чтобы проникнуть в сущность изучаемого явления – игры в текстовом пространстве, рассмотрим ее смыслообразующие основы. Игра – это «вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключен не в результатах, а в самом процессе» [1, с. 148], имеет строго установленные временные и пространственные ограничения, правила и цели, подлежащие выполнению, сопровождаемые ощущением напряжения и радости [2, 3], является средством выражения желаний, эмоций и чувств человека [4]. Игра выполняет развлекательную, познавательную, образовательную и тренинговую функции [5]. Кроме того, игра имеет важную роль в изучении различных моделей поведения.

Один из ключевых исследователей игры Р. Кайуа выделяет четыре человеческих инстинкта, создающих иррациональную основу его индивидуального и социального бытия – стремление к победе в состязании или борьбе; отречение от собственной воли и пассивно-тревожное ожидание приговора судьбы; желание облечься в чужую личность и тяга к головокружению [6, с. 76]. Каждому из инстинктов соответствует своя игра: *игра-состязание, удача, симуляция и головокружение*. Объектом рассмотрения в статье является *игра-головокружение*. В широком смысле игра-головокружение – это «опьянение и упоение, желание пережить сладостную панику». Этот вид игр основан «на стремлении к головокружению и заключается в том, что игрок на миг нарушает стабильность своего восприятия и приводит свое сознание в состояние» паники. В таких случаях человек впадает в состояние оглушенности, «которым резко и властно отменяется внешняя действительность» [6, с. 61].

Целью исследования является установление и описание специфики текстообразующего потенциала игры-головокружения в познавательном телепространстве. Композиционно тексты, транслирующие повседневное/обыденное знание (оформляются консультативно-инструктивными и информативными (наглядно-информативными) жанрами) организуются на основе возбуждения эмоций, предназначенных для того, чтобы зритель получил ряд ярких («головокружительных») впечатлений. Советы и рекомендации специалистов на экране должны быть запоминающимися и принятыми к действию, чему во многом способствует влияние на эмоциональную сферу личности адресата. Головокружение возникает от конструируемой в тексте игровой стихии, атрибутами которой являются напряжение и эмоции, с одной стороны, их частая смена и варьирование – с другой. Это обеспечивается особым композиционным рисунком макроструктуры познавательных текстов, который формируется сменяющимися зрелищными, эмоционально насыщенными и информативно-инструктивными блоками.

Представляется возможным выделить следующие основные способы макротекстовой реализации игры-головокружения в познавательном телепространстве:

- 1) игровые композиционные блоки;
- 2) игровые микроформы (лексико-семантические, словообразовательные, синтаксические (в пределах словосочетания) единицы).

Рассмотрим подробнее архитектуру игры-головокружения в познавательных текстах, транслирующих обыденное знание.

Познавательные тексты конструируются информативными и инструктивными (с характерной для них прескриптивной тональностью) блоками – сверхфразовыми единствами, которые помещаются в окаймровку быстро сменяющихся ярких и эмоционально насыщенных блоков. Их назначение – моделирование эмоционального напряжения зрителя, состояния оглушенности, опьянения впечатлениями. Обозначим их как *аттракционы* – зрелищные, эффектные, эмоционально насыщенные текстовые блоки, которые могут быть автономными; нацелены на эмоциональное шокирование зрителей. Гамма эмоций при этом варьируется от удивления до страха. В качестве иллюстрации приведем эпизод из передачи о здоровом образе жизни, в котором автор дает совет/рекомендацию по способам увеличения роста.

(Микротекст 1 - аттракцион *удивительные факты*.) *Только двадцать процентов людей становятся во взрослой жизни именно такими, как заложено генетикой. А вот другие утрачивают семь сантиметров роста по причине плохого питания и малоподвижного образа жизни.* (Микротекст 2 – рекомендация.) *Нам нужно принимать витамины – мультивитаминные комплексы. Но ни в коем случае нельзя принимать их бездумно. Количество витаминов и необходимых для роста минералов можно отслеживать регулярно при помощи сдачи анализов, но не реже чем раз в году.* (Микротекст 3 - аттракцион *неожиданность*.) *Если вы думаете, что для роста нужен один конкретный витамин, то вы глубоко ошибаетесь. Ведь для роста на самом деле нужны специальные группы витаминов.* (Микротекст 4 – комментирующая часть.) *Например, витамин Д – нужен для стимулирования роста клеток, он важен для костей и хрящей, так как насыщает их* [«Кухня жизни», 21.12.19].

На макротекстовом уровне, где языковые единицы объединены в сверхфразовые единства, данная текстовая репрезентация жанра совет/рекомендация состоит из нескольких доминантных для этого жанра композиционных блоков, из которых складывается общая формально-содержательная структура текста: рекомендация или руководство к действию (микротекст 2), комментирующая часть (микротекст 4). Они чередуются с микроблоками-аттракционами (1 и 3), провоцирующими интерес, напряжение зрителя. Отметим, что эти микротексты являются малоинформативными для текстового репрезентанта жанра *рекомендация/совет*. Их основное назначение, как упоминалось выше, – эмоциональное шокирование аудитории. В целом все текстовые блоки разнородны по коммуникативной цели, модальности, стилистическому тонированию и языковому оформлению, причем первый из них является автосемантическим. Его коммуникативной целью является стимулирование интереса к теме сообщения посредством актуализации эмоции удивления за счет отбора неизвестной, впечатляющей информации. Использование единиц широкой семантики (*по причине плохого питания и малоподвижного образа жизни*) нацелено на актуализацию компонентов игры: угадывания и/или напряжения в ожидании сведений каким образом, какие именно характеристики питания и образа жизни сказываются на росте. Таким образом, игра начинается уже с первого высказывания. Далее композиционный рисунок продуцирует головокружение за счет резкого перехода к микроблоку 2, цель которого – рекомендация практических действий. Игровая форма текста предопределяет кардинальную смену стиливого оформления и языковой оболочки. Инструктирующий способ изложения с характерной для него директивной тональностью оформляется глагольными предикатами модального значения необходимости (в других случаях долженствования), запрета. Использование медицинских терминов: *мультивитаминные комплексы; витаминов и необходимых для роста минералов; отслеживать регулярно; сдачи анализов* выстраивает научную обоснованность и снабжает зрителя полезной информацией. Стабильность восприятия нарушается вкрапливаемым микротекстом 3, который транслирует, возможно, неожиданную для непросвещенного зрителя информацию *<для роста недостаточно одного витамина>*. Разговорная конструкция *если вы думаете, что..., то вы глубоко ошибаетесь* имеет игровой характер, формируя желание угадать/узнать, а как же обстоит дело. Микротекст 4 снова возвращает восприятие зрителя к научной информации.

Как видим из примера, игровую основу композиций познавательного текста составляет циклическая модель, соединяющая развлекательный и информативно-инструктивные компоненты (представлена на рис. 1):

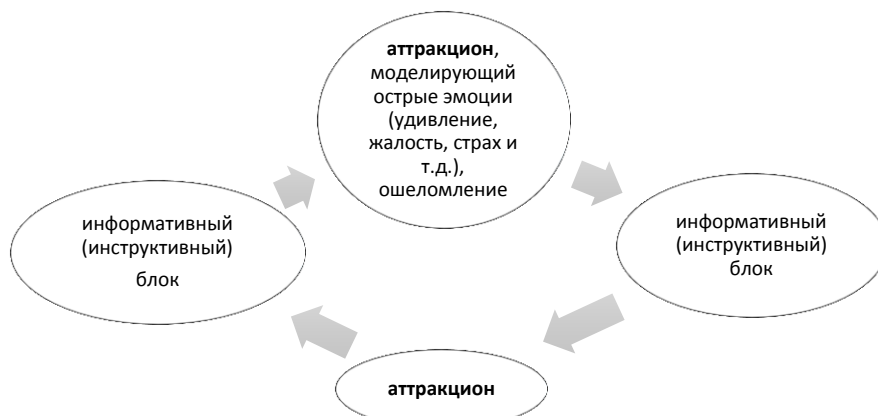

Рис. 1. Композиционная модель игры-головокружения в познавательном телепространстве

Отметим, что данная модель выполняет текстообразующую функцию самых различных и отличных друг от друга познавательных жанров, транслирующих обыденное знание (*совет/рекомендация, консультация, преобразование, мастер-класс, кулинарный рецепт*). Таким образом, в современных познавательных жанрах можно наблюдать обязательное устойчивое наличие компонентов (аттракционов), избыточных с точки зрения функционально-жанровой структуры текста, но выполняющих важные функции. Благодаря частой смене сочетаний аттракционных и фактологических блоков, стилевого тонирования, языковых сигналов, развлекающих и информирующих, структурирующих адресата, держащих его в напряжении разгадки, реализуется игра-головокружение. Она, в свою очередь, конструирует познавательный текст как телезрелище или телешоу, имеющее аттракционный характер. При этом назначение самого аттракциона заключается, во-первых, в выделении или акцентировании важной для автора информации, во-вторых, в продуцировании эмоционального потрясения, которое вовлекает, а также побуждает зрителя к действию. Ведь степень вовлеченности адресата в игру определяет, насколько точно на когнитивном и эмоциональном уровнях он сможет воспринять текст [7, с. 78].

В качестве «аттракционов» в консультативно-инструктивных и наглядно-информативных жанрах современного телепространства выделены следующие группы фрагментов: *юмор, жизнь и заботы других, затягивание развития сюжета, интрига/раскрытие секретов/разоблачение мифов, легенды/мифы, конфликт, игрофикация, аттракционы эмоций (страха, радости и т.д.), удивительные факты, языковая игра*. Критерием выявления стали их функционально-содержательные характеристики, т.е. наличие зрелищных фактов или событий либо театрализованных ситуаций, языковых единиц, нацеленных на продуцирование острого эмоционального переживания зрителя: ощущения напряжения, эмоции.

В целом данные виды аттракционов, составляющие игру-головокружение в познавательном пространстве, можно разделить на две группы: *собственно игровые аттракционы* – выполняют декоративную, развлекательную функцию, малоинформативны, содержат характерные игровые элементы – напряжение, неожиданность, продуцируют ощущение радости; *познавательные аттракционы* – сниженной информативности по сравнению с фактуальными микротекстовыми блоками, в то же время позволяют сделать привлекательной и понятной научную информацию, чуждую, сложную для восприятия непродвинутой аудитории; подвергают игровой акцентуации определенные фрагменты сообщения, информационно и прагматически значимые для автора. К первой группе относим аттракционы: *юмор, языковая игра, затягивание развития сюжета/интрига*. Вторую группу составляют: *жизнь и заботы других, раскрытие секретов, легенды и мифы, конфликт, игрофикация, удивительные факты, аттракционы эмоций*.

Собственно игровые аттракционы, которые, как указывалось выше, выполняют декоративную функцию, задействуются в коммуникативном пространстве познавательных текстов с целью отвлечь аудиторию, дать возможность отдохнуть, развлечься, т.е. реализуют *эскапистскую и рекреативную*

функции. Так, приданию юмористического эффекта речевому сообщению и в более широком институционально-маркетинговом контексте – повышению рейтинга познавательных передач способствуют аттракционы *юмор, языковая игра*. Как правило, сочетаясь друг с другом, они способствуют игровому «окрашиванию» основного текста – фактуальных микротекстов. Игровые микроформы (представлены на лексическом и фразеологическом уровнях) оформляют разного рода игровые комментарии в форме шуточных высказываний. Проиллюстрируем данное положение следующим примером: *Девочки, я с вами так поностальгировала. Я помню эти платья в восьмидесятых. Ой, я случайно рассказала о своем возрасте* [«В большом городе», 31.07.20]. В данном примере юмор служит инструментом развлечения (формирования эмоционально-оценочной реакции адресата), а также интимизации, организуя доверительное отношение с аудиторией.

Заметим, что аттракцион *языковая игра*, как и другие аттракционы, конструируется в рамках сверхфразового единства. В большинстве случаев данный вид аттракционов является автосемантическим, т.е. характеризуется смысловой автономией и не теряет своего значения при извлечении из контекста; в нем отсутствует указание на сочетание с другими микроблоками текста. Он выполняет свои коммуникативные задачи – языковая игра задействуется с целью развлечения посредством игры с формой речи, привлечения внимания, а также для привлечения внимания и акцентуации важной информации: *После обрезки и обработки дерева готовы начать новый урожайный сезон. Как им помочь в этом плодотворном деле?* (функция – привлечение внимания) ... *Идеальная погода для ухода за деревьями. Все успели подрезать веточки и кроны? А если деревья не проснулись, можно побаловать их специальными приемами* (функции – развлечение, привлечение внимания) [«Дача», 17.04.21]. В этом случае познавательная информация оживляется, окрашиваясь шуточным обыгрыванием смысла *побаловать деревья специальными приемами, помочь в этом плодотворном деле*. Игровое приукрашивание также служит лучшему запоминанию предлагаемых советов. В следующем примере магическая лексика *волшебная палочка*, неожиданная трансформация выражения *ловкость рук и никакой магии* призваны акцентировать важную информацию: *Хотите превратить дерево в суперурожайное растение – гербовка и кольцевание в помощь. Вместо волшебной палочки берите садовый нож. Ловкость рук и никакой магии* [«Дача», 17.04.21].

Основными манифестантами аттракциона *языковая игра* в познавательных текстах становятся игровые лексические микроформы (*аж, вам в помощь, глубоко ошибаетесь, опростоволоситься* и т.д.), тропы (каламбур, метафора, эпитет, перифраз, гипербола, олицетворение, аллюзия, оксюморон), многозначные слова языковой игры. Их обилие в рамках одного сверхфразового единства усиливает его экспрессивно-оценочное звучание и игровой характер.

Характерным игровым приемом является выстраивание взаимодействия автора и аудитории посредством *интриги или затягивания сюжета*, которые получают вербальное оформление. Текстообразующую функцию выполняют ключевые (опорные) способы манифестации интриги: речевой акт *обещания; футурологические высказывания; прецедентные имена; вопросы; вопросо-ответные ходы*, содержащие обещание разгадки, раскрытия тайны/секретов: *Еще одна разновидность кербовки – кольцевание. Прием также помогает повысить или понизить урожайность. Как окольцевать веточку, чтобы поймать синюю птицу счастья и урожая, расскажем очень скоро* [«Дача», 17.04.21]; *Бодрит ли кофе с утра? Развеваем мифы или говорим горькую правду. Как можно попасть в ловушку? Можно ли стать зависимым от кофе?* [«Наукомания, Элексир бодрости», 2018].

Перейдем к особенностям функционирования *познавательных аттракционов* в коммуникативном пространстве познавательного телевидения. Они являются инструментами игры-головокружения, которые выполняют особые функции. Такие познавательные аттракционы активируют разнополярные эмоциональные переживания с целью *оказания убеждающего воздействия*. Таким способом игра предоставляет облегченный и доступный каждому зрителю способ переживания и познания действительности. Так, для передач о здоровье и здоровом образе жизни наиболее типичны игровые чередования эмоционально насыщенных аттракционов противоположных полюсов. Головокружение призваны вызывать цепочки аттракционов, моделирующих страх, которые сменяются аттракционами, вызывающими облегчение, спокойствие, ощущения защищенности и безопасности.

Иллюстрацией может послужить передача о сахарном диабете и способах профилактики и его лечения. Аттракционы страха артикулируются ведущим и приглашенным гостем.

Ведущий: *На сегодняшний день сахарный диабет это одно из самых распространенных неинфекционных заболеваний в мире. Диабет опасен своими осложнениями, очень часто ассоцииру-*

ется с повышенным риском артериально-сосудистых **осложнений**. Поэтому диабет очень важная **проблема**, которую мы с вами должны решать. Приглашенный гость: *Я бы не хотела столкнуться с этим заболеванием. Так как это доставляет очень много дискомфорта, и прием препаратов, и концентрация сахара в крови, и ограничения в пище* [«Здоровье», 15.03.16].

Яркая, эмоционально насыщенная лексика, апеллирующая к страху (*опасный, осложнения*), моделирующая ощущение физического дискомфорта (*доставляет много дискомфорта, ограничения в пище*), нацелена на оказание психологического воздействия и служит мощным стимулом для принятия зрителем решения проходить обследования и следить за качеством своей жизни. Далее текстовое пространство разворачивается приходящим на смену аттракциону *страха* аттракционом *жизнь других*. Гостя передачи, страдающая диабетом, делится своим опытом.

Гостя: *К счастью, двадцатая клиническая больница направила меня в городской диспансер, где мне поставили этот диагноз. Ведущий: Я ведь сказал, что вы договорились с этой серьезной болезнью. Расскажите как.* Гостя: *Ну, лучше худой мир, чем добрая ссора. На самом деле, диабет помог сделать мне выбор. Либо жить на пути к инвалидности. 90 килограмм веса, депрессия, страшный голод, злора, агрессия. Либо стать веселой, здоровой, востребованной в профессии. Но для этого нужна мотивация. У каждого человека своя мотивация. ... Однажды, я заметила, что мне уступили в автобусе место из жалости. И это почему-то и стало моим мотиватором. Я пришла дома, составила план, по которому я села на жесткую диету. Я стала следить за своей гипогликемией, встретила с ней лицом к лицу. И через год и три месяца я сбросила 30 килограмм, пришла в норму* [«Здоровье», 15.03.16].

Фактором текстообразования игры-головокружения выступает комбинация-смена негативной лексики на позитивно окрашенные лексические единицы. *Терапевтическая* функция данных аттракционов заключается в том, чтобы снизить градус напряжения в обществе, минимизировать оказанное негативное воздействие на зрителей, помочь им преодолеть страх. Игра также является инструментом завуалированного внедрения идеологических установок: «мы должны регулярно обращаться к врачам», «мы должны следить за своим здоровьем и качеством жизни», «преодолеть проблему каждому возможно и несложно».

Игровой способ демонстрации познавательных фактов становится оболочкой или поверхностной структурой риторически акцентированных текстов, в которых автор стремится построить высказывание с его точки зрения наиболее воздействующим способом. Например, ожидание раскрытия секретов и тайн, развязки театрализованного конфликта между ведущими, правильных ответов в игре-угадывание, с одной стороны, формируют напряжение и одновременно вовлекают зрителя, поддерживают его интерес к познавательному тексту, реализуя соответствующие функции. С другой – позволяют автору, развлекая, акцентировать нужную значимую информацию.

В качестве иллюстрации приведем отрывок из передачи о герпесе, в котором советы по профилактике вирусной инфекции подаются в виде аттракциона-*игрофикации*, который предполагает использование игровых элементов в неигровом тексте с целью сделать его понятным, привлекательным и интересным. Наиболее востребованным видом этого аттракциона в познавательном телепространстве являются игры-угадывание. Так, ведущие просят гостя из студии ответить на предлагаемые вопросы и одновременно угадать, какой предмет находится в закрытом ящике. Игровая оболочка, в которую оформляется информация о способах заражения вирусом, формирует напряжение, возбужденное эмоциональное состояние, свойственное игре. В то же время игровая форма позволяет акцентировать определенные фрагменты информации – распространение вируса в бытовых, привычных аудитории повседневных ситуациях.

Ведущий: *Ольга, как вы думаете, как долго вирус герпеса может сохраняться на чашке после того, как из нее попил больной?*

Гостя: *Возможно. Пару часов?*

Ведущий: *Ну, вы знаете, четыре-шесть часов. Он в них живет, пока не высохнут клетки. ...*

Ведущий: *Поэтому, если вы работаете в офисе и есть возможность воспользоваться вашей чашкой, то как вы думаете, как мы можем заменить ее?*

Гостя: *Одноразовая посуда, стаканчики?*

Ведущий: *Давайте посмотрим (открывает ящик – там находится стаканчик). Совершенно верно – одноразовые стаканчики* [«Здорово здоровым быть», 12.05.21].

Риторические маяки, оформленные информационными глаголами (глаголами размышления, обдумывания), вопросительной формой высказывания: *что вы думаете, как вы считаете*, позволяют аудитории в процессе игрофикации не только наблюдать за реакцией и знаниями гостя на экране, но также и самому быть вовлеченным в процесс игры. Предполагается, что в случае правильно угаданного ответа зритель может испытать радость и/или даже чувство превосходства (в случае правильного ответа на вопрос, на который не смог ответить гость в студии) или азарта, свойственные игре. Наряду с этим при поиске игровых решений зритель совершает открытия для себя, обучается и получает новый опыт.

Аттракцион *жизнь и заботы других* реализует *эскапистскую* функцию. Он позволяет, «подсматривая», отдохнуть и отвлечься от собственных проблем и неустроенности, а также получить подтверждение тому, что зритель не один в подобной ситуации. Авторы передач, посвященных ремонту квартиры, здоровому образу жизни, создают и демонстрируют либо идеальный мир, мир «упаковки», в котором гости программы – хорошие и заботливые родители, отличные повара – ведут правильный образ жизни, у которых хороший ремонт и красивая, стильная квартира. Либо авторы создают мир неидеальных людей, у которых есть проблемы со здоровьем, конфликты с детьми, партнерами и т.д. В любом случае игра-подглядывание, с одной стороны, позволяет компенсировать в мире иллюзорном неудовлетворенность, которая присутствует в мире материальном. С другой, сравнение позволяет аудитории оценить ситуацию, увиденное сопоставить со своей шкалой ценностных установок, самоутвердиться и приобрести опыт [8, с. 141]. Проникновение в микромир других, в область частного реализуется включением эмоциональных лексем, описывающих переживания либо ощущения: *волнует, беспокоит, ощущения*; выражений, эксплицирующих противостояние сложностям: *сталкиваться с проблемами, бороться* в сочетании с притяжательными лексемами, указывающими на микромир другого: *в ваших семьях, ваши дети*. (Вопрос гостям студии) **С какими проблемами вы сталкиваетесь с пищевым поведением ваших детей?** [«Детский доктор», 03.10.18]. У меня вопрос к нашим гостям: **а как в их семье складываются отношения ребенок и деньги?** [«Детский доктор», 17.12.19]. Активно задействуются местоименные вопросительные формы *как ты/вы* в сочетании с акциональными глаголами (*готовишь (ризотто), разогреваешь (связки)*) и лексикой мистицирования (*секреты, тайны*) подогревающей интерес зрителя: **Как ты разогреваешь связки? Есть какие-то секреты, упражнения?** [«Кухня жизни», 21.12.19]. Этот аттракцион, с одной стороны, отвлекает от собственных проблем, дает возможность пережить определенный спектр эмоций (жалость, эмпатию, страх и т.д.); с другой стороны, позволяет расширить объем информации, артикулируемой автором, конкретизировать ее содержание, а адресату получить необходимый опыт в обустройстве собственного быта, жизни и т.д.

Таким образом, проведенное исследование дает основание говорить о том, что игра, в частности, ее разновидность игра-состязание, обладает текстообразующим потенциалом, формирует структуру текста и обуславливает, стимулирует отбор микроформ/языковых средств, композиционных элементов, необходимых для построения текста. Подобный характер подачи информации в современном медийном пространстве облегчает восприятие познавательной или образовательной информации, способствует выдвиганию значимых сведений и их запоминанию в массовом сознании. Модель текста, построенная на основе игры-головокружения, становится важным аудиторным фактором, формирует мировоззренческие принципы, традиции и нормы коммуникативного взаимодействия с медиапотребителем.

Библиографический список

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, АСТ, 2003. 511 с.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
3. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Лист-Нью, 1997. 336 с.
5. Савицкий В.А. Игровая технология в современных средствах массовой коммуникации // Медиаскоп. 2010. № 2. URL: <https://mediascope.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
6. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 504 с.
7. Выровцева Е.В., Гришанина А.Н. Дополненная реальность в трансмедийном проекте «1968Digital. Год, когда все началось» // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: Сборник материалов III конф. PMMIS (г. Челябинск, 28–29 марта 2019 г.). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. С. 77–80.

8. Юшкова Н.А. Подглядывание – необходимая потребность в жизни человека и общества // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 138-141.

References

1. Kononenko B. I. The Big Explanatory Dictionary of Cultural Studies. Moscow, 2003. 511 p.
2. Kheyzinga Y. Homo ludens. A man playing. St.-Petersburg, 2011. 416 p.
3. Elkonin D. B. Psychology of the game. Moscow, 1978. 304 p.
4. Bern E. Games people play: psychology of human relations. People who play games: the psychology of human destiny. Moscow, 1997. 336 p.
5. Savitskiy V. A. Game technology in contemporary mass media // Mediascope. 2010. № 2. URL: <http://mediascope.ru> (date of application: 20.05.2021).
6. Kyua R. Games and people: articles and essay in sociology of culture. Moscow, 2007. 504 p.
7. Vyrovtsseva E. V., Grishanina A. N. Augmented reality in the transmedia project «1968Digital. The year when it all began» // Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems. Chelyabinsk State University, 2019. P. 77-80.
8. Yushkova N. A. Peeping is a necessary need in the life of a person and society // Manuscript. 2020. Vol.13. Iss. 6. P. 138-141.

УДК 811.161.1'373.21(470.324)+81'286(470.324)
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.12.96.013

*Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
кандидат филологических наук, доцент
кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Верховых Л. Н.
Россия, г. Борисоглебск
тел. 84735461327,
lverhovyyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of Voronezh State University
PhD, Associate Professor of the Department of
Social and Humanitarian Disciplines
Verhovyykh L. N.
Russia, Borisoglebsk
tel. 84735461327
lverhovyyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

ВОРОНЕЖСКОЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ В XXI ВЕКЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье охарактеризованы направления лингвокраеведческой работы в Воронежской области, обозначены основные пути развития воронежского лингвокраеведения. Установлено, что важными направлениями лингвокраеведческой работы в XXI веке являются научно-исследовательская, издательско-просветительская и лингвометодическая. В процессе анализа научных работ в области воронежского лингвокраеведения автор приходит к выводу, что ведущая роль в организации системной лингвокраеведческой работы в Воронежской области принадлежит кафедре славянской филологии, научной лаборатории воронежского лингвокраеведения им. профессора В.И. Собинниковой и Воронежской ономастической школе под руководством профессора Г.Ф. Ковалева (Воронежский государственный университет). Перспективы воронежского лингвокраеведения определяются актуализировавшимися в современной лингвистике принципами и связаны с развитием полипарадигмальных исследований, лексикографическим описанием языковых единиц Воронежской области, а также с более широким изучением литературной ономастики края. Важной перспективной задачей является издание «Ономастической энциклопедии Воронежской области».

Ключевые слова: лингвокраеведение, диалектология, региональная ономастика, краеведение, полипарадигмальные исследования, Воронежский край.

L.N. Verkhovyykh

VORONEZH LINGUISTIC LOCAL HISTORY IN THE 21ST CENTURY: RESEARCH DIRECTIONS, DEVELOPMENT PROSPECTS

The article describes the directions of linguistic local history work in the Voronezh region, outlines the main ways of development of Voronezh linguistic local history. It has been established that the important areas of linguistic local history work in the 21st century are research, publishing and educational, and linguo-methodological. In the process of analyzing scientific works in the field of Voronezh linguistic local history, the author comes to the conclusion that the leading role in the organization of systematic linguistic local history work in the Voronezh region belongs to the Department of Slavic Philology, the scientific laboratory of Voronezh linguistic local history named after V.I. professor V.I. Sobinnikova and the Voronezh onomastic school under the guidance of Professor G.F. Kovalev (Voronezh State University). The prospects of Voronezh linguistic regional studies are determined by the principles that have become actual in modern linguistics and are associated with the development of polyparadigm studies, the lexicographic description of the language units of the Voronezh region, as well as with a broader study of the literary onomastics of the region. An important long-term task is the publication of the Onomastic Encyclopedia of the Voronezh Region.

Keywords: linguistic local history, dialectology, regional onomastics, local history, polyparadigmatic studies, Voronezh region.

Лингвокраеведческие исследования в настоящее время становятся одними из актуальных, поскольку изучение языка региона в различных аспектах требует обращения исследователя к данным

краеведения для уточнения сделанных выводов. Кроме того, эпоха глобализации, которая активизирует одновременно процессы конвергенции и дивергенции в лингвистике и смежных науках, способствует оформлению лингвокраеведения в научное направление и дисциплину (отметим, что начало применения лингвокраеведческого подхода к исследованию языка относится к XVIII в.).

В данной статье рассмотрим спектр современных лингвокраеведческих исследований на примере Воронежской области. Цель работы – охарактеризовать актуальные в XXI веке направления научных исследований в области лингвокраеведения в Воронежском крае, а также перспективы развития воронежского лингвокраеведения. Для достижения цели исследования используются дескриптивный (описательный) метод, метод контекстуального анализа, приемы сравнительно-сопоставительного метода.

В воронежском лингвокраеведении (здесь лексема *лингвокраеведение* используется нами в значениях ‘направление научных исследований, научный подход’ и ‘научная дисциплина’) в XXI веке отмечено несколько аспектов исследования: диалектологическое, ономастическое (изучение регионального ономастического и литературной ономастики, относящейся в Воронежскому краю), этнолингвистическое (изучение языковой картины мира), лингвокультурологическое (описание языка личности) и отчасти социолингвистическое. Лингвокраеведческие исследования в основном полипарадигмальные, то есть выполнены в русле нескольких подходов к изучению языка региона, в комплексе этих парадигм. И в данном случае лингвокраеведение выступает таким связующим звеном, которое позволяет интегрировать различные подходы в единую систему.

Флагманом современного лингвокраеведения в Воронежском регионе является Воронежский государственный университет. Кафедра славянской филологии и функционирующая (с 1993 года) при кафедре единственная в России научная лаборатория воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой (научн. рук. – профессор Г.Ф. Ковалев) осуществляют важные направления лингвокраеведческой деятельности: научно-исследовательскую, издательско-просветительскую и лингвометодическую.

Научно-исследовательская лингвокраеведческая деятельность коллектива лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой связана со сбором диалектного и ономастического материала Воронежского края, с изучением его и монографическим, а также лексикографическим описанием.

Основной целью лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой является подготовка «Словаря воронежских говоров». Сбор диалектного материала ведется кафедрой с 1946 года, когда исследовательской работой руководила В.И. Собинникова.

В начале XXI века коллективом лаборатории подготовлены три выпуска «Словаря воронежских говоров» под научной редакцией доктора филологических наук, профессора Г.Ф. Ковалева (2004, 2007, 2019). Научная ценность словаря велика: «Тысячи слов, зафиксированных в словаре, впервые вводятся в научный обиход, что представляет значительный интерес для исторической лексикологии, диалектологии, истории и этнографии Воронежского края» [1, с.10]. Полностью практическая значимость данного издания еще будет осознана последующим поколением лингвистов (диалектологов, лексикографов, ономастов, славистов) и учителей русского языка и литературы, но и в настоящее время понятно, что в результате кропотливого, подвижнического труда ученых реализуется мощнейший научно-исследовательский проект, отражающий многовековую языковую историю Воронежского края со всей ее лингвокультурной национально-региональной спецификой.

Лексикографическое описание говоров Воронежского края продолжено М.Т. Авдеевой – составлен двухтомный «Словарь украинских говоров Воронежской области», включающий лексику украинских говоров на территории Воронежского края за 70 лет. В.И. Дьякова и В.И. Хитрова подготовили «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» (2009), содержание которого составила воронежская географическая лексика, в том числе и диалектная, собиравшаяся авторами с 1958 года.

Г.Ф. Ковалевым изучается микротопонимия Воронежской области, изданы словари воронежской микротопонимии: однотомный и двухтомный [3; 4], в настоящее время им ведется работа над трехтомным словарем воронежской микротопонимии.

«Словарь микротопонимов Воронежской области» – уникальное издание, включающее в том числе и значительное число диалектных географических названий, толкование которых дано через призму ученого-лингвиста (дается лингвистическая характеристика микротопонимов, приводятся

контексты употребления лексем, в необходимых случаях даны этимологии слов) и диалектоносителя (приводятся топонимические легенды, бытующие в воронежских говорах). Лексикографическое описание выполнено в лингвокраеведческом аспекте, предполагающим включение историко-культурных, историко-географических и иных сведений краеведческого характера для пояснения процессов номинации географических объектов, например [4-1, с. 69, 73, 119, 177, 183, 205, 250 и мн. др.].

Лабораторией воронежского лингвокраеведения им. В.И. Собинниковой с 2005 года осуществляется издание межвузовского сборника научных трудов «Воронежское лингвокраеведение», инициатором и научным редактором этого издания является Г.Ф. Ковалев (в 2021 году вышел из печати пятый выпуск). Проблематика «Воронежского лингвокраеведения» обширна: в сборнике рассматриваются вопросы фонетики, лексики и грамматики воронежских говоров, этимология отдельных диалектных и ономастических лексем, тематические группы лексики в воронежских говорах, обряды и описывающая их лексика, диалектная фразеология; говоры отдельного населенного пункта, воронежский ономастикон (антропонимия, астронимия, микротопонимия и топонимия, в том числе ойконимия, и др.: изучаются отдельные классы онимов, системные связи в ономастике отдельных населенных пунктов Воронежской области, структурные, лексико-семантические особенности воронежских онимов); осуществляется описание русско-украинского взаимодействия в говорах и ономастике Воронежского края, анализ говоров украиноязычной территории Воронежской области, лексикографические описания, включающие воронежский диалектный материал; вопросы диалектной этнолингвистики и лингвокультурологии (этнолингвистическое описание материальной и духовной культуры Воронежского края), язык и стиль писателей Центрального Черноземья; приводятся библиографические сведения, рассматриваются актуальные вопросы краеведческой лингводидактики, теории и истории воронежского лингвокраеведения и др.

Межвузовский сборник «Воронежское лингвокраеведение» продолжает издательскую деятельность лаборатории воронежского лингвокраеведения им. В.И. Собинниковой, начавшуюся с выпусков сборника «Край Воронежский: история и традиции» (было подготовлено четыре выпуска), в которых в большей степени печатались материалы студентов и аспирантов по языку, истории и культуре Центрального Черноземья.

Большую ценность для исследователя языка, ученого-слависта, ономатолога, диалектолога представляет издание международного сборника научных трудов «Материалы по русско-славянскому языкознанию», в котором содержатся исследования не только по сравнительно-сопоставительному изучению в области славистики, но и по воронежскому лингвокраеведению (материалы к словарю воронежских говоров, работы, посвященные изучению воронежских говоров и ономастикона, анализу ономастической лексики и диалектизмов в произведениях писателей и поэтов, в том числе и Воронежского края).

Преподавателями кафедры славянской филологии ведется подготовка научных кадров для высшей школы. На материале воронежских говоров, воронежского ономастикона и языка писателей Центрального Черноземья, включающего и лексику народных говоров, под руководством Г.Ф. Ковалева защищены 1 докторская диссертация и 10 кандидатских: И.М. Курносова (2009, докторская диссертация), С.А. Попов (1998), В.П. Фролова (1999), В.А. Семушкин (2000), Т.В. Толбина (2003), Л.Н. Верховых (2008), О.П. Дмитриева (2009), Л.Д. Горелова (2011); Т.А. Литвинова (2011), Л.И. Гончарова (2012), Е.А. Богданова (2019), Чень Цзыди (2021). Под руководством В.И. Дьяковой защищены кандидатские диссертации М.В. Пановой (2002), Т.В. Карасевой (2004), Е.П. Куйдиной (2012).

Учеными Воронежской ономастической школы ведется комплексное изучение языка Воронежского края: рассматриваются проблемы региональной ономастики, литературной ономастики, относящейся к краю, составляются словари и учебно-методические материалы по методике лингвокраеведческой работы.

Подробно деятельность Воронежской ономастической школы рассматривается С.А. Поповым [5] и С.А. Скуридиной [6]. С.А. Скуридина выделяет следующие аспекты деятельности научной школы: «В рамках Воронежской ономастической школы во главе с Г.Ф. Ковалевым проводится работа по изучению славянской ономастики, этнонимии, воронежского лингвокраеведения, региональной антропонимии, астронимии, топонимии и микротопонимии, зоонимии, русско-украинских ономастических связей. Особое внимание в рамках Воронежской ономастической школы уделяется собственным именам, функционирующим в русской художественной литературе...» [6, с.43].

Ученые Воронежской ономастической школы ведут активную лингвокраеведческую работу. Так, С.А. Поповым подготовлена монография «Ойконимия в системе лингвокраеведческих дисциплин» [7], где автор характеризует ойконимические единицы Воронежского края, используя лингвокраеведческий подход: в качестве источников изучения воронежских ойконимов С.А. Попов привлекает в том числе и многочисленные исторические и историко-географические документы Воронежского края. Г.Ф. Ковалевым написана книга «Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение», в которой представлены результаты многолетнего труда автора в области воронежского лингвокраеведения [7]. Данное исследование включает как работы по региональной ономастике, так и литературной ономастике края; особо рассматриваются методические вопросы лингвокраеведения.

С.А. Поповым в соавторстве с Т.Ф. Пуховой и Е.А. Грибоедовой написана книга «Топонимия Воронежского края», включающая «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области» и «Воронежские топонимические предания» под научной редакцией Г.Ф. Ковалева. Лингвистическую характеристику воронежских топонимов С.А. Попов сопровождает историко-краеведческими сведениями о населенных пунктах [9].

В рамках проблематики воронежского лингвокраеведения ведется изучение ономастикона творчества писателей Воронежского края. Г.Ф. Ковалевым и его учениками (студентами и аспирантами) подготовлено значительное число научных работ в данной области (изучение ономастикона произведений И.А. Бунина, А. Платонова, особенностей языка в творчестве исследователей природы Черноземья Л.Л. Семаго, В.М. Пескова и др., подготовка библиографии), например: [10]. Особое внимание уделяется анализу имен собственных в творчестве воронежских писателей и поэтов, имена которых в настоящее время незаслуженно забыты и в школах и вузах практически не изучаются.

Актуальными в воронежском лингвокраеведении являются и сопоставительные исследования ономастиконов. Например, С.А. Скуридина и Н.Б. Бугакова проводят сопоставительное изучение ономастикона произведений Ф.М. Достоевского и нашего земляка А.П. Платонова [11].

Народные говоры воронежского края изучаются и учеными других вузов, жизнь и научная деятельность которых связана с Воронежским краем: В.И. Хитровой (Москва), И.М. Курносовой (Елец), Е.И. Сьяновой (Санкт-Петербург).

Еще одним важным аспектом лингвокраеведческой деятельности является лингводидактический, начало которому было положено методическими работами Г.В. Ковалева (научно-методические статьи, инструкции, рекомендации) в 90-х гг. XX века.

С начала XXI века воронежскими учеными осуществляется активная лингвометодическая работа: издаются статьи (Г.Ф. Ковалев, 2001, 2003, 2004, 2014, 2017 и мн.др.; О.В. Смирнова, 2004, 2009; В.Ф. Филатова, 2003; Л.Н. Верховых, 2015, 2016, 2021), создаются учебные программы по лингвокраеведению, в том числе и по ономастическому (В.Ф. Филатова, 2002; Л.Н. Верховых, 2013, 2014, 2016; В.Ф. Филатова, Т.И. Шаталова, 2016), методические рекомендации к выполнению лингвокраеведческой работы (Л.К. Лыжова, 2002), учебные пособия (Г.Ф. Ковалев, 2005; Л.Н. Верховых, 2017; А.Д. Черенкова, 2006, 2014; В.Ф. Филатова, Л.Н. Верховых, О.В. Смирнова, 2014 и др.).

Методическая деятельность в области лингвокраеведения связана и с организацией работы учебных курсов по лингвокраеведению. Для студентов филологического факультета ВГУ Г.Ф. Ковалевым разработаны и много лет читаются следующие курсы по лингвокраеведению и ономастике: «Воронежское лингвокраеведение», «Проблемы славянской ономастики», «Литературная ономастика в школе»; материал к данным курсам представлен в виде опубликованных работ (статьи, учебные пособия, словари микротопонимии, монографии и др.).

В Борисоглебском государственном педагогическом институте (ныне – Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета) в рамках специализации «Литературное и лингвистическое краеведение» В.Ф. Филатова многие годы вела дисциплину «Лингвистическое краеведение» по разработанной ею в 2002 году программе. В настоящее время в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета в программу для студентов-филологов включен курс «Методика организации и проведения лингвокраеведческой работы в школе».

Ученые нескольких вузов Воронежской области принимают участие в лингвокраеведческой работе. Лингвокраеведческая деятельность осуществляется А.Д. Черенковой (Воронежский государственный педагогический университет), изучающей говоры Воронежской области, принимающей участие в реализации академического проекта «Лексический атлас русских народных говоров». Одним из важных видов лингвокраеведческой работы А.Д. Черенковой является организация междуна-

родных научно-практических конференций «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий». Н.И. Кривова (Воронежский государственный педагогический университет) изучает функционирование экспрессивно-оценочных существительных в воронежских говорах; новейшие исследования ученого связаны с анализом воронежских микротопонимов и годонимов, а также с особенностями организации краеведческой работы с учащимися. Л.В. Недоступова (Воронежский государственный технический университет), изучает особенности речи диалектоносителей воронежских говоров и отражение в них языковой картины мира.

В данный момент можно констатировать, что воронежское лингвокраеведение по сути является интегрированным научным направлением изучения языка края, стремящимся в еще большей степени реализовать свойство междисциплинарности (диалектология, ономастика, краеведение, лингвофольклористика, этнолингвистика, лингвокультурология, социоллингвистика, литературоведение, этнография и др.).

Дальнейшая лингвокраеведческая деятельность в Воронежском регионе видится прежде всего в сохранении достигнутых результатов и их приумножении, то есть в развитии охарактеризованных направлений воронежского лингвокраеведения: научно-исследовательского, издательско-просветительского и лингвометодического.

Анализ научных исследований по воронежскому лингвокраеведению дает возможность предположить в перспективе повышение устойчивого интереса к привлечению краеведческих данных для проведения научных лингвистических работ (исторические источники, архивные документы, историко-географические и иные сведения). Научно-исследовательская деятельность в области воронежского лингвокраеведения может приобрести еще более интегрированный, полипарадигмальный характер в связи с актуализировавшимися в современной лингвистике принципами [см.: 12, с.89–90] – экспансионизмом (расширение границ исследования, интеграция наук), антропоцентризмом, функционализмом, экспланаторностью (поиск разумного объяснения всем языковым фактам и явлениям). Безусловно, перспективными направлениями лингвокраеведческой работы остаются лексикографическое описание языковых единиц Воронежской области, широкое изучение литературной ономастики края, издание научных и научно-методических работ по воронежскому лингвокраеведению. Главным перспективным издательским направлением в русле системных исследований воронежского лингвокраеведения является многотомный проект «Ономастическая энциклопедия Воронежской области», работа над которым началась с издания 2007 году Г.Ф. Ковалевым научного труда «Микротопонимия Воронежской области. Словарь».

Библиографический список

1. Словарь воронежских говоров. Вып. 1 / под ред. Г.Ф. Ковалева. Воронеж: ВГУ, 2004. 304 с.
2. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. Т.1: А–М. 2008. 227 с.
3. Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж, 2007. 408 с. (Серия «Ономастическая энциклопедия Воронежской области»).
4. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. 410 с. Т. 2. 420 с.
5. Попов С.А. Воронежская ономастическая школа: формирование и становление // *Λογος ονομαστικῆς*. 2013. №5. С.113–118.
6. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. №3 (17). С.41–46.
7. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Монография. Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. 285 с.
8. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.
9. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского Края. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.
10. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
11. Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. Феноменология камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А.Платонова: культурно-ономастический аспект // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2021. №3 (42). С. 140–146

12. Хроленко А.Т. История филологии [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 138 с.

References

1. Dictionary of Voronezh dialects. Issue. 1 / ed. G.F. Kovalev. Voronezh: VGU, 2004. 304 p.
2. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region. Voronezh: IPTs VGU, 2008. V.1: A–M. 2008. 227 p.
3. Kovalev G.F. Microtoponymy of the Voronezh region. Dictionary. Voronezh, 2007. 408 p. (Series "Onomastic Encyclopedia of the Voronezh Region").
4. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 2 volumes. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2017. V.1. 410 p. T. 2. 420 p.
5. Popov S.A. Voronezh onomastic school: formation and formation // Λογος όνομαστική. 2013. No. 5. pp.113–118.
6. Skuridina S.A. Modern onomastic schools: from Voronezh to Irkutsk // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and intercultural communication. 2015. No. 3 (17). pp.41–46.
7. Popov S.A. Oikonymy of the Voronezh region in the system of local linguistic disciplines. Monograph. Voronezh: Aleinikov Publishing House, 2003. 285 p.
8. Kovalev G.F. Favorites. Ethnonymy. Voronezh regional linguistics. Miscellanea. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 440 p.
9. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. Toponymy of the Voronezh Territory. - Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Chernozem Territory, 2018. 336 p.
10. Kovalev G.F. Favorites. Literary onomastics Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book", 2014. 447 p.
11. Skuridina S.A., Bugakova N.B. The phenomenology of stone in the literary texts of F.M. Dostoevsky and A. Platonov: cultural and onomastic aspect // Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 3 (42). pp. 140–146
12. Khrolenko A.T. History of Philology [Electronic resource]: textbook. allowance. M.: Flinta, 2013. 138 p.

УДК 811

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.77.66.014

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail:
invisible2editor@gmail.com*

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент кафедр
русского языка как иностранного Вязовская
В.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)428-09-02
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

*Voronezh State University
The chair of Russian as a foreign language
PhD, associate professor
Vyazovskaya V.V.
Russia, Voronezh,
тел. +7(920)428-09-02
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

Т.А. Воронова, В.В. Вязовская

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В «МОСКОВСКОЙ ЛИРИКЕ» АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В данной статье рассматриваются лингвистические средства, с помощью которых в поэтическом произведении формируется художественное время и пространство как некое единство. Материалом для исследования стали стихотворные произведения Арсения Тарковского, которые можно отнести к так называемому «московскому тексту». Среди лексических средств, формирующих «московский хронотоп», особое место занимают топонимы, указывающие на конкретный временной период, который хронологически может несколько отставать от времени создания самого стихотворного текста. Некоторые из московских топонимов имеют четкую связь с подробностями биографии поэта. В целом же «московский хронотоп» у Тарковского не перегружен упоминанием местных реалий и формируется с помощью немногочисленных, но важных деталей. Особое место в исследовании отведено изображению не только исторического, но и сезонного времени, сопряженного с пространственными реалиями. Последнее напрямую ведет исследователя к пониманию психологии автора и его субъективного отношения к изображаемым реалиям.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, время, пространство, Москва, хронотоп, топоним, биография.

Т.А. Voronova, V.V. Vyazovskaya

LEXICAL MEANINGS REPRESENTING TIME AND SPACE IN ARSENY TARKOVSKY'S "MOSCOW LYRICS"

The present article sites lexical meanings used to form artistic time and space as a unity existing in the poetic text. The research is based on Arseny Tarkovsky's poems which can be referred to so called "Moscow text". Among lexical meanings forming "Moscow chronotop" special role is given to toponyms pointing to a certain historical period which can fall behind the time when the poem was written. Some of Moscow toponyms are tightly connected with the poet's biography. On the whole Tarkovsky's "Moscow chronotop" is not overloaded by local information being formed by just a few significant details. Special attention in the research is paid to the representation of both historical and seasonal time linked with the portrayal of space, which directly leads to the understanding of the author's psychology and his personal attitude to the objects of description.

Kew words: Arseny Tarkovsky, time, space, Moscow, chronotop, toponym, biography.

Термин «хронотоп», трактуемый как «закономерная связь пространственно-временных координат» [1, с. 347], введенный А.А. Ухтомским и получивший распространение благодаря трудам М.М. Бахтина, чаще всего употребляется в исследованиях по литературоведению и более применим к прозе, чем к поэзии, однако исследователя поэтического текста в равной мере могут привлечь лингвистические средства, с помощью которых формируется хронотоп как пространственно-временное единство, изображаемое в произведении. Материалом для настоящего исследования послужили поэтические произведения А.А. Тарковского, которые можно условно назвать «московской лирикой».

Биография Арсения Тарковского, названного некоторыми исследователями «последним поэтом Серебряного века», типична для многих его современников: уроженец южной провинции, будущий поэт прибыл в Москву, когда ему не исполнилось и двадцати, но вся его последующая жизнь (то есть шестьдесят с лишним лет) была связана именно с этим городом.

Тем не менее, число стихотворных произведений Арсения Тарковского, которые можно рассматривать в контексте «московского (шире – подмосковного) хронотопа», относительно невелико – чуть более десяти (включая поэму «Слепой»). Следует оговорить, что из данного списка нами исключены те тексты, в которых упоминание подмосковных топонимов служит лишь фоном для описания событий (например, Двдцатая веста в поэме «Чудо со щеглом») или эмоций лирического героя (название стихотворения «Игнатьевский лес»). Кроме того, в данном исследовании нами не рассматриваются, несмотря на присутствие в них топонима «Москва», стихотворения «Четыре дня мне ехать до Москвы...» и «Петровские казни». В первом из данных произведений упоминание Москвы служит всего лишь «пунктом» в маршруте лирического героя и не связано с сюжетом стихотворения, который географически привязан к Орловщине. Во втором случае – стихотворение написано по мотивам картины И.З. Сурикова «Утро стрелецкой казни», и его содержание представляется нам в определенной мере вторичным.

Помимо топонимов «Москва» и «Подмосковье», «московский хронотоп» в поэзии Тарковского представлен такими урбанонимами, как: Первая Мещанская (улица), Серпуховская (Большая Серпуховская улица), Страстная (площадь), Петровско-Разумовское, Каменный мост (Большой Каменный мост через Москву-реку). Первые два названия напрямую связаны с биографией автора: Первая Мещанская улица – не что иное, как «первый московский адрес поэта» [2, с. 66], где в 1925 году проживала семья его старшей сестры – Л.А. Балиновой; Большая Серпуховская улица указывает на тот район Москвы, в котором расположен 1-й Щипковский переулок, где семья Тарковских жила со второй половины 1930-х годов.

Московская топонимика, представленная у Тарковского, привязана к достаточно конкретному временному периоду: чаще всего это Москва середины двадцатых – начала тридцатых и затем середины – конца пятидесятых годов. К косвенным временным указателям можно также отнести такие детали, как упоминание метро или «магазина под часами», расположенного на углу Большой Серпуховской [3, с. 113]; но в целом «московский хронотоп» у Тарковского отнюдь не перегружен упоминанием местных реалий. Обозначение же конкретного десятилетия – «сороковые» – встречается у поэта лишь единожды, а именно в стихотворении «Чем пахнет снег», причем этот период изображается в ретроспективном плане и встраивается в лирический сюжет только в финале довольно объемного стихотворного текста.

Временной отрезок, который «кодируется» автором с помощью определенного топонима, также не всегда совпадает со временем написания самого текста. Так, Первая Мещанская улица, вынесенная в заглавие верлибра «Град на Первой Мещанской» (1935 г.), присутствовала на карте Москвы только до 1957 года, после чего стала частью теперешнего Проспекта Мира. Начальная строка стихотворения «Бьют часы на башне...» [4, с. 41] уже вносит конкретику в изображаемую картину: башня с часами – это, несомненно, знаменитая Сухарева башня, снесенная в 1934 году (то есть за год до создания данного текста) – одна из архитектурных достопримечательностей того уголка Москвы и, что не менее важно, того времени, которые запечатлены автором в упомянутом тексте. Аналогичным образом, в поэме «Слепой», созданной в том же 1935 году, упоминается Страстная площадь, которая еще в 1931 году была переименована в Пушкинскую: «Он миновал гвоздикой населенный / Цветочный домик посреди *Страстной*» [5, с. 351]. Следовательно, в тексте поэмы «закреплен» чуть более ранний период (судя по описанию переполненного трамвая, это может быть конец 1920-х годов).

Топоним «Петровско-Разумовское» («Над черно-сизой ямою...», 1958 г.) интересен как своего рода символ перехода «окраинного локуса» в городской – процесс, начавшийся в 1950-е годы: «Прощай, жите московское, / Где ты любить училась, / *Петровско-Разумовское*, / Прощайте, ваша милость!» [4, с. 182]. В

1954 г. Петровско-Разумовское из московской окраины («мещанское житишко за заставой» [4, с. 182]) превратилось в «район массовой жилой застройки» [6], что и стало главной темой данного стихотворного текста, к которому тематически примыкает и другое стихотворение 1958 года – «Дом напротив» («Помали старый деревянный дом...» [4, с. 178]).

Говоря о «московском хронотопе» в поэзии А.А. Тарковского, важно отметить не только историческое, но и *сезонное* время, в которое «встроен» изображаемый локус. В большинстве «московских» текстов («Ранняя весна», «Первая гроза», «Град на Первой Мещанской», небольшой цикл «Кузнечики», поэма «Слепой») – это весна или лето, то есть не только время возрождения или расцвета природы, но и время *тепла*: «Девчонки-писанки с короткими носами / Как на экваторе, толкутся по часами» [4, с. 180]; «Тикают ходики, ветер горячий / В полдень снует челноком по Москве» [4, с. 259]. Данная особенность является в определенной мере знаковой для лирики Тарковского и сигнализирует об ощущении «обжитости» изображаемого им пространства. Эта черта его творчества не раз подчеркивалась исследователями: «Лирический герой Тарковского – человек лета, живущий трепетным предчувствием угроз зимы. <...> «Дихотомия» Жизнь – Смерть переводится в план Лето – Зима» [2, с. 10, 28], [7].

Важно также отметить и то, что изображение зимнего времени действительно связано у Тарковского с мотивом разрушения, уничтожения; данное утверждение справедливо и в отношении московской темы в его лирике. Так, разрушение привычного уклада и облика московских окраин («Над черно-сизой ямою...») отображено поэтом именно на фоне зимнего времени года: «Над черно-сизой ямою / И рыхлым **снегом** в яме / Заплакала душа моя / Прощальными слезами. <...> Истцы, купцы, повыходки, / И что в вас было б толку, / Когда не **снег** на ситчике, / Накинутом на челку» [4, с. 181-182]. Аналогичным образом, мотив зимы сопряжен у автора с изображением событий военного времени («Чем пахнет снег»), когда в хронотоп вводится историческое измерение: «Бензином пахнет **снег** у всех, / В любом краю, но в Подмоскovie / Особенно, и пахнет кровью. / Остался этот запах с тех / Времен, когда сороковые / По **снегу** в гору свой доспех / Тащили годы чуть живые» [4, с. 138]. Однако подобная сопряженность исторического, событийного и «циклического», природного времени – едва ли не единственный пример в московской лирике Тарковского.

Таким образом, выбор лексического материала для выстраивания «московского хронотопа» в поэтических произведениях Арсения Тарковского опирается, с одной стороны, на конкретно-исторический контекст, с другой – на субъективное отношение автора к Москве, которое тесно связано как с подробностями его биографии, так и с особенностями психологии, мировоззрения и т.д.

Библиографический список

1. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб: Питер, 2002. 448 с.
2. Филимонов В.П. Арсений Тарковский. Человек уходящего лета. М.: Молодая гвардия, 2015. 420 с.
3. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть II (К – Ощущенье). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. 288 с.
4. Тарковский А.А. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991.
5. Тарковский А.А. Белый день. М.: ЭКСМО-Пресс – Яуза, 1998. 384 с.
6. Петровско-Разумовское (Москва). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения – 12.03.2021).
7. Спектор В. Арсений Тарковский: «Гений в поэзии закрывает эпоху» // Клаузура. 31.03.2020. URL: <https://klauzura.ru/2020/03/arsenij-tarkovskij-genij-v-poezii-zakryvaet-epohu/> (дата обращения – 12.04.2021).

References

1. Ukhtomsky A.A. The dominant. St.-Petersburg, 2002. 448 p.
2. Philimonov V.P. Arseny Tarkovsky. The person of leaving summer. Moscow, 2015. 420 p.
3. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part 2. Voronezh State University, 2007. 288 p.
4. Tarkovsky A.A. Completed works in 3 vol. Vol. 1. Moscow, 1991.
5. Tarkovsky A.A. In broad daylight. Moscow, 1998. 384 p.
6. Petrovsko-Razumovskoe (Moscow). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of application – 12.03.2021).
7. Spektor V. Arseny Tarkovsky: "Poetic genius closes the epoch" // Klauzura. 31.03.2020. URL: <https://klauzura.ru/2020/03/arsenij-tarkovskij-genij-v-poezii-zakryvaet-epohu/> (date of application – 12.04.2021).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81'23

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.28.91.015

Сианьский Нефтяной Университет

канд. филол. наук, преподаватель факультета русского языка

Чжан Янь

Китай, г. Сиань, тел. +86-17391875872;

e-mail: 464559263@qq.com

Xi'an Shiyou University

PhD, teacher of the Russian Language Faculty

Zhang Yan

China, Xi'an, +86-17391875872

e-mail: 464559263@qq.com

Чжан Янь

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «COVID-19» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена изучению «COVID-19» как нового концепта в сознании носителей русского языка. Актуальность исследования определяется тем, что новый концепт «COVID-19» занимает важное место в русской языковой картине мира, особенно в период распространения коронавирусной инфекции в 2020–2021 году, но он остаётся непонятным и малодоступным для большинства из нас. Исследование концепта «COVID-19» в рамках когнитивной лингвистики позволяет получить достоверную информацию об универсальных и этнических чертах мировидения народа и построить модели языковой коммуникации для обмена знаниями и информацией. Целью нашего исследования является системное описание языковых средств объективации концепта «COVID-19» в сознании носителей русского языка. В качестве материала для исследования были выбраны данные энциклопедических источников, публицистических текстов, литературных трудов; данные лексико-графических источников; данные, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента. В работе использовались такие методы и приемы исследования, как метод концептуального анализа, метод компонентного анализа, метод ассоциативного эксперимента. Новизна исследования заключается прежде всего во введении в научный обиход нового предмета и материала для научного анализа в аспекте лингво-когнитивного подхода к описанию значимых феноменов мировоззрения, а также в экспериментальном изучении по данной проблематике, поскольку ранее подобные исследования не проводились. Анализ содержания концепта «COVID-19» позволил установить, что он служит для формирования русской языковой картины мира, отражающей изменения общественного сознания в период пандемии. В статье подчеркивается, что процесс восприятия человеком новых или незнакомых предметов внешнего мира полностью отражается в его языке. Изучение новых концептов определённого языка даёт нам возможность рассмотреть как культурологические черты нации, так и образ ее мышления.

Ключевые слова: концепт «COVID-19», концептуальный анализ, ассоциативный эксперимент, когнитивные признаки.

Zhang Yan

THE IDEA OF "COVID-19" IN THE CONSCIOUSNESS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS

This article is devoted to the study of "COVID-19", which is a new concept in the mind of native Russian speakers. The relevance of the research is determined by the fact that the new concept "COVID-19" occupies an important place in the Russian-language picture of the world, especially during the period of the coronavirus infection in 2020–2021, but it remains incomprehensible and inaccessible for most of us. The study of the concept "COVID-19" in the framework of cognitive linguistics allows us to obtain reliable information of the universal and ethnic features of the worldview as well as build language communication models for the exchange of knowledge and information. The purpose of our research is a systematic description of the concept "COVID-19" in the mind of native Russian speakers. Materials and methods of research. The data from encyclopedic sources, journalistic texts, literary works, data from lexicographic sources and data obtained as the result of an associative experiment were selected as materials for the

study. Such methods and techniques of research were used in the work as methods of conceptual analyses, component analyses and an associative experiment. The novelty of the research lies primarily in the introduction of scientific use of a new subject and material in scientific analyses on the aspect of linguistic-cognitive approaches to the description of significant phenomena of the worldview, as well as the experimental study of this problem, which has not been conducted before. The conceptual analysis of the concept "COVID-19" allows us to establish a conclusion that it serves to form a Russian-speaking picture of the world, which reflects changes in public consciousness during the pandemic. The article emphasizes that the process of a person's perception of new or unfamiliar objects in the external world is fully reflected in his or her language. The study of new concepts of a certain language gives us an opportunity to reveal both cultural features and the way of thinking of a given nation.

Keywords: concept "COVID-19", conceptual analysis, associative experiment, associative field "COVID-19", semantic parameter, cognitive features.

Сегодня в гуманитарной науке активизируется интерес лингвистов к изучению связи менталитета народа и его языка в рамках когнитивной лингвистики. Закономерно, что в центре исследовательского внимания находится анализ новых концептов в языковой картине мира народа, которые, являясь значимыми, отражают опыт языкового освоения действительности этносом, национальные особенности его ментальности.

Как утверждают многие учёные, «языковая картина мира представляет собой общий фундамент мыслительных представлений о реальности, который имеется у носителей языка при всех их различиях. Это своего рода инвариант представлений о реальности, отраженный в семантической системе данного языка» [1, с. 22]. Для нашего исследования важно мнение ученых о том, что языковая картина мира образуется посредством совокупности ключевых концептов и связывающих их ведущих идей.

В нашем исследовании концепт понимается как «ментальное образование, которое опирается на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [2, с. 253]. «COVID-19» вызвал социальный взрыв, породил новое лингвистическое явление и обогатил знание человека о мире. Речь идёт о том, что концепт «COVID-19» является важным в русской языковой картине мира, и его изучение позволяет нам моделировать национальные и культурные особенности миропонимания отдельного этноса.

Согласно современным подходам когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии, описание концептов, представляющих собой определенные структуры знаний, должно быть универсальным. Как отмечает Т.Б. Радбиль, «при этом необходимо различать экстралингвистическое содержание концепта, включающее онтологические, мыслительные, аксиологические и прагматические компоненты, и собственно лингвистическую семантику слов – репрезентантов концепта, реализованную в парадигматических, синтагматических и деривационных особенностях их функционирования» [3, с. 78]. Можно сказать, что содержание концепта значительно шире и лексикографического и психологически реального значения слова, так как включает в себя не только смысловые компоненты слова, но и признаки, отражающие общую информационную базу человека; они могут и не обнаруживаться в его речи, не осознаваться, но являться достоянием личного или коллективного опыта. Согласно идеям Воронежской школы концептуального анализа, подобные признаки в данной статье именуются «когнитивными признаками». По мнению З.Д. Поповой, И.А. Стернина, когнитивные признаки определяются как самые разнообразные семантические явления: значение слова, оттенок значения или какой-либо другой смысловой компонент, которые воспринимаются как отдельные, отличные от других в сознании носителя языка и реализуются в разных сочетаниях [4, 2007]. Можно сказать, что когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельный компонент концепта.

Когнитивные признаки выявляются с помощью концептуального анализа концепта. В работе Р.М. Фрумкиной «Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога» (1991) четко определяется процедура концептуального анализа: учитывать цель исследования, которая во многом зависит от исходного понимания концепта; принимать во внимание особенности материала для исследования (естественные тексты устного или письменного типа или искусственно полученные результаты, экспериментальные данные) [5, 1991]. Что касается конкретного приёма исследования концепта, немало учёных (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А. Стернин) указывают на то, что содержание концепта может быть раскрыто следующим образом: выбирается ключевое слово (имя заданного концепта); проводится анализ словарных толкований ключевого слова; изучаются вхождения ключевого слова в фразеологические сочетания; проводится ассоциативный эксперимент; путём комплексного анализа выявляются когнитивные признаки, которые функционируют в составе общенародного концепта.

Здесь мы хотели бы обратить внимание на особенности методики ассоциативного эксперимента. В соответствии с принятой нами концепцией исследования, полученные данные в области семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации концепта должны подтвердиться экспериментально. Ведь посредством эксперимента мы получаем объективные данные о том, какие именно национально, социально и культурно значимые представления воплощает данный концепт в сознании носителей языка.

В числе самых разных экспериментальных технологий особое место принадлежит свободному ассоциативному эксперименту. Этот метод обычно применяется в целях экспериментального исследования субъективных интерпретационных полей концепта в сознании носителей определенного языка. Как пишет Л.И. Ручина в своей работе: «Материалы ассоциативного эксперимента дают возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [6, с. 12]. Свободный ассоциативный эксперимент предоставил возможность выделить образы, кодирующие изучаемый концепт в сознании носителей языка, а также обнаружить внутреннюю структуру содержания концепта, которая сложилась в сознании человека и презентуется через речь и мышление.

Согласно принятой методике анализа, обратимся к словарным дефинициям словарей и энциклопедий. В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» таким образом определяется «COVID-19» и Ковид-19: 1. Инфекционное респираторное заболевание, вызванное коронавирусом SARS-CoV-2; 2. Коронавирус SARS CoV-2 — вирус, вызывающий тяжелое инфекционное респираторное заболевание COVID-19. Форма COVID-19 стала официальным наименованием новой коронавирусной инфекции. Высокая скорость распространения, тяжелые формы течения болезни, высокая летальность способствовали тому, что 11.03.2020 ВОЗ объявила о пандемии данной коронавирусной инфекции и рекомендовала введение во всех странах строгих карантинных ограничительных мер [7, с. 81].

И в публицистических текстах найдено четкое описание «COVID-19»: *11 февраля ВОЗ дала официальное название коронавирусу, вызвавшему эпидемию в Китае. Это COVID-19 — сокращённо от Coronavirus disease — «заболевание, вызванное коронавирусом». В этом названии CO означает корона (corona), VI — вирус (virus), D — болезнь (disease), а 19 — год. Такое обозначение было выбрано, чтобы избежать отсылок к географическому положению, виду животных или группе людей, в соответствии с международными рекомендациями по наименованию новых вирусов* [8, с. 3]. Можно понять, что COVID-19 имеет сходство с SARS в 2002 году, это видно из официального названия как заболевания, вызванного вирусом SARS-CoV-2, так и названия самого вируса, который вновь вызвал крупную глобальную эпидемию.

После появления COVID-19 в русских публицистических текстах для его наименования использовались разные слова, из которых состоит синонимический ряд концепта: корона, коронавирус, коронавирус нового типа, новый коронавирус, коронавирусная инфекция, ковид, КОВИД-19, КОВНБ-19, SARS-COV-2, covid, covid-2019, coronavirus disease, SARS-CoV-2, human coronavirus и др. В значениях синонимов COVID-19 актуализируются когнитивные признаки «новый», «начинающийся с 2019 года», «как SARS», «инфекционные заболевания человека».

Следующий этап исследования – постройка ассоциативного поля слова «COVID-19» как средства объективации концепта. В проведенном свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) участвовали 127 информантов (59 мужчин и 68 женщин) в возрасте 18–65 лет. Получено 219 первых реакций на словостимул «COVID-19». Опрашиваемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к слову COVID-19 и запишите те, которые первым приходят Вам в голову». В результате анализа содержания ассоциативного поля ключевого слова с помощью метода, предложенного Ю.Н. Карауловым [9], было выделено 6 смысловых параметров семантического гештальта «COVID-19»:

1) И болезнь, вызванная коронавирусом, и вирус, вызывающий инфекционное заболевание, 45 единиц (20.5%):

Болезнь 19, пандемия 10, вирус 7, инфекции 6, заражение 2, обычный вирус 1.

2) COVID-19 сопровождается с целым набором самых разнообразных симптомов, 21 единица (9.6%):

кашель 7, потеря обоняние 4, высокая температура 3, температура 1, недомогае 1, озноб 1, пневмонии 3, проблемы с дыханием 1

3) Средства индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции и способы ее лечения, 81 единица (37.0 %):

маска 31, карантинные меры 15, дистанционная работа 13, изоляция 4, антисептик 4, вакцина 4, мойте руки! 1, не трогайте лицо 1, необходимо всегда помнить о средствах индивидуальной защиты 1, пытаюсь не контактировать 1, больницы 4, аппарат ИВЛ 1, лечение 1.

4) Изменения в социальной жизни, 20 единиц (9.1%):

принесла бедствия людям во всем мире 4, дистанционное обучение 3, штрафы 1, залупа 1, пустые улицы 1, свободное время 1, секс 1, закрыта границы 1, это приносит плохую пользу экономике 1, безработица 1, смерть 4, дефицит круп 1.

5) Психосоциальное состояние в период эпидемии, 46 единиц (21.0%):

опасно 7, ничего 6, страх 6, беспокоюсь за своих родных 4, тревожность 3, поскорее поправляйся 3, спокойствие 4, чувствую не плохо 2, мы же не видим его 2, плохо 2, чему быть, того не миновать 1, усталость 1, тоска 1, раздражение 1, стресс 1.

6) Китай во время эпидемии, 6 единиц (2.7%):

Китай 3, Китай победил коронавирус всего за три месяца 2, Си Цзиньпин 1.

Данное распределение ассоциатов по смысловым параметрам показывает, как реально представлено слово «COVID-19» в сознании носителей русского языка. Ассоциативное поле состоит из ядра, центра и периферии. Так, к ядру мы условно отнесли смысловой параметр «средство индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции и его лечение (81 единица)», имеющий индекс частотности 37.0%. Мы также выделили центр ассоциативного поля «COVID-19» со смысловыми параметрами «и болезнь, вызванная коронавирусом, и вирус, вызывающий инфекционное заболевание», «психосоциальное состояние в период эпидемии», составляющими 20%–25% от общего числа реакций. Остальные параметры реакции входят в периферию.

Можно заметить, что в качестве ассоциации испытуемыми были даны слова, словосочетания или предложения, являющиеся весьма разнообразными (всего 219 реакций, из которых 61 единичных реакций). Содержание ассоциативного поля «COVID-19» можно охарактеризовать как комплексное и насыщенное, включающее в себя разные стороны восприятия концепта «COVID-19» в сознании носителей русского языка.

Смысловой параметр «средство индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции и его лечение» является самой крупной среди всех зон с наибольшими реакциями: всего 81 реакция и 13 из них разных. Он входит в ядро данного ассоциативного поля. Представленные реакции указывают на то, что в сознании носителей русского языка COVID-19 в значительной степени ассоциируется с представлением средств и мер защиты. Это связано в первую очередь с сущностью COVID-19 – заболевание и вирус. Кроме того, COVID-19 – это необычный вирус, вызывающий распространение эпидемии по всему миру, и данное заболевание часто сопровождается серьезными симптомами, в этом смысле рациональной является ассоциация с представлением средств и мер защиты от него.

Смысловой параметр «психосоциальное состояние в период эпидемии COVID-19» стоит в центральной зоне ассоциативного поля «COVID-19» (21% от общего количества реакций). В ней всего 46 реакций, и 16 из них разных. Выражение чувств по отношению к COVID-19 – одна из самых частотных реакций в полученных результатах. Так, например, реакция «опасно» была 7 раз дана испытуемыми. Очевидно, в русском языковом сознании слово-стимул нередко ассоциируется с тем, «как относятся к определенному предмету», «какое чувство испытывают в исключительных случаях». Другая особенность заключается в том, что в данном параметре имеются амбивалентные реакции как ничего (6) и страх (6), указывающие на два противоположных физических состояния человека. Результаты показывают, что у испытуемых COVID-19 может вызывать и чувство тревоги и беспокойства, и чувство безразличия. Но, в общем, исходя из полученных результатов, COVID-19 больше связан с представлением «опасно», чем «безразлично» в восприятии русскими данного концепта.

Интересным был анализ смыслового параметра «Китай во время эпидемии», который является частью периферии ассоциативного поля «COVID-19». Представленные реакции указывают на то, что в сознании носителей русского языка меры, предпринимаемые по профилактике и контролю эпидемий Китаем, достигли положительных и эффективных результатов.

Проведенный анализ языковых материалов позволяет углубиться в семантическое пространство фреймовой модели и выявить семантическое наполнение ядра концепта «COVID-19», которое включает следующие когнитивные признаки:

1. Новое заболевание.
2. Коронавирусы, способные инфицировать человека.

3. Коронавирусы могут вызывать ряд респираторных заболеваний.
4. Вирус, вызывающий широкое распространение инфекционной болезни.
5. Глобальная эпидемия.
6. Он начинается с 2019 года.
7. Он имеет сходство с SARS.
8. Эпидемия внесла изменения в человеческую жизнь.
9. На разных этапах эпидемии разные люди испытывают разные чувства: опасности, страх, ничего, страх, тоска и др.
10. Для борьбы с COVID-19 чрезвычайно важны меры индивидуальной защиты.

Таким образом, содержание концепта «COVID-19» в сознании носителей русского языка вполне комплексное и насыщенное. Концепт «COVID-19» в русском языке предполагает активную позицию по отношению к профилактике эпидемий и борьбе с COVID-19. Реакции «маска (31)», «карантинные меры (15)», «дистанционная работа (13)», безусловно, представляют собой высокочастотные по употреблению слова в период этой эпидемии и показывают нам, что для большинства носителей русского языка меры защиты «надевать маску при посещении общественных мест», «держаться социальной дистанции», «карантин», «мыть руки» становятся лучшим способом экспликации концепта «COVID-19».

Библиографический список

1. Глебова Н.Г. Когнитивные признаки концепта «Русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке. Дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018. 224 с.
2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16
3. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении, 2006. С. 77–100
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
5. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д. и др. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая [и др.]. М.: Наука, 1991. 167 с.
6. Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2012. С. 102–106.
7. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
8. Ураманцева А.Ю. Штамм в имени тебе моем: в РФ обсуждают три названия коронавируса // Известия, 14.02.2020.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Reference

1. Glebova N. G. Cognitive features of the concept "Russianness" in the national conceptual sphere and its objectification in the Russian language. Philol. sciences. Nizhny Novgorod, 2018. 224 p.
2. Karasik V. I. Cultural dominants in the language // Linguistic personality: cultural concepts. Volgograd-Arkhangelsk: VSU, 1996. Pp. 3-16
3. Radbil T. B. Language abnormality in the Russian language: the problem of typology // Russian language in a scientific light, 2006. Pp. 77-1005. Popova Z. D., Sternin I. A. Essays on cognitive linguistics. Voronezh: "Istoki", 2001. 191 p.
4. Popova Z. D., Sternina I. A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
5. Frumkin, R. M., Mikheev, A. V., Bridged, A. D., etc. Semantics and categorization. Moscow: Nauka, 1991. 167 p.
6. Ruchina L. I. Associative experiment as a tool for identifying cognitive features of a concept // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky, 2012. Pp. 102-106.
7. Dictionary of the Russian language in the coronavirus era / Ed. board of E. S. Gromenko, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva, Yu. S. Ridetskaya. - Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 2021. 550 p.
8. Uramantseva A.Y. Strain in my name to you: three names of coronavirus are being discussed in the Russian Federation // Izvestia, 02/14/2020.
9. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow.: LKI Publishing House, 2010. 264 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.90.75.016

*Институт филологии и языковой коммуникации
Сибирского федерального университета*

*Канд. филол. наук, старший преподаватель ка-
федры русского языка и речевой коммуникации
Смирнов Е.С.*

*Россия, г. Красноярск, тел. +7(950) 977-43-10
e-mail: ses9215@mail.ru*

*Institute of Philology and Language Communication
of the Siberian Federal University*

*The faculty Russian language and speech communi-
cation, PhD, senior lecturer
Smirnov E.S.*

*Russia, Krasnoyarsk, tel. +7(950) 977-43-10
e-mail: ses9215@mail.ru*

Е.С. Смирнов

СУБКОНЦЕПТ «ДЕДУШКА» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ ТЕКСТОВ КОРЕННЫХ АНГАРЦЕВ)

Статья посвящена анализу структуры и содержания субконцепта «дедушка» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. Исследуемый субконцепт является одним из сегментов лингвокультурного концепта «семья», который, в свою очередь, входит в структуру мегаконцепта «свои». Основным методом настоящего исследования – метод концептуального анализа, апробированный в работах многих современных лингвокультурологов и лингвоконцептологов. Эмпирическим материалом исследования являются устные тексты русских сибиряков-старожилов, проживающих в северных районах Красноярского края (в Кежемском, Богучанском и Мотыгинском районах). Новизна работы заключается в том, что субконцепт «дедушка» впервые рассматривается на материале устных текстов коренных ангарцев. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что оно, во-первых, выполнено в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики; во-вторых, слабой изученностью концептосферы традиционной лингвокультуры Северного Приангарья, в частности, структуры и содержания мегаконцепта «свои»; в-третьих, социокультурным значением, поскольку под влиянием разных факторов, прежде всего, техногенных, старожильские поселения северных районов Красноярского края находятся под угрозой исчезновения (в результате строительства и запуска Богучанской ГЭС на дне водохранилища остались затопленными 26 населённых пунктов). В результате проведённого исследования было установлено, что все слои субконцепта «дедушка» (понятийный, образный и ценностный) не находятся в стадии «затухания», они ярко репрезентируются достаточным количеством текстов; удалось установить, что в проанализированных воспоминаниях встречаются только положительные оценки поведения, характера родных для информантов дедушек. Анализ показал, что концептуальные признаки «занятие народными промыслами» и «мастер на все руки», содержащиеся в понятийном слое, являются характерными для картины мира сибиряков-старожилов. Результаты работы расширяют эмпирическую базу психолингвокультурологии, региональной лингвокультурологии, коммуникативной диалектологии, лингвистической нарратологии и других смежных наук.

Ключевые слова: субконцепт «дедушка», традиционная лингвокультура, устный текст, лингвокультурный концепт «семья», мегаконцепт «свои», Северное Приангарье.

E.S. Smirnov

THE SUBCONCEPT «GRANDFATHER» IN THE TRADITIONAL LINGUISTIC CULTURE OF NORTH ANGARA RIVER BASIN (ON THE MATERIAL OF ORAL TEXTS OF ANGARA RESIDENTS)

The article is about the analysis of structure and content of the concept «grandfather» in the traditional Angara

linguistic culture. The investigated subconcept is one of the segments of the linguistic cultural concept «family», which is part of the structure of the megaconcept «ours». The main method of this research is the method of conceptual analysis, approved in the many modern linguistic cultural and linguistic conceptological studies. The empirical material of the work is the oral texts of Russian Siberian residents in the northern districts of the Krasnoyarsk region (Kеzhemsky, Boguchansky and Motyginsky districts). The novelty of the article lies in the fact that the «grandfather» subconcept is considered for the first time on the material of oral texts of the Angara basin residents. The topicality of work is determined, firstly, by the framework of the communicative-discursive paradigm; secondly, by the poor knowledge of the conceptual sphere of the traditional linguistic culture of the Northern Angara region, also the structure and content of the megaconcept «ours»; thirdly, it is due to the sociocultural significance, because of the influence of various factors, primarily technogenic, residents of the northern districts of the Krasnoyarsk region are under the threat of extinction (there are 26 settlements remained flooded as a result of the construction and launch of the Boguchany hydroelectric power station). As a result of the conducted research, it was found that all layers of the subconcept «grandfather» (conceptual, figurative and valuable) are not in the «fading» stage, they are clearly represented by a sufficient number of texts; it was established that the analyzed memories contain only positive assessments of the behavior and character of the informants' grandfathers. The analysis demonstrated that the conceptual features «folk crafts» and «handy fixer» contained in the conceptual layer are characteristics of the view of the world of Siberian residents. The results of the work expand the empirical base of psycholinguistic culture, regional linguistic culture, communicative dialectology, linguistic narratology and other related sciences.

Key words: subconcept «grandfather», traditional linguistic culture, oral text, linguistic cultural concept «family», megaconcept «ours», North Angara river basin.

Феномен лингвокультуры является актуальным объектом исследований в работах современных отечественных лингвистов. Наиболее полное теоретическое обоснование он получил в трудах представителей московской лингвокультурологической школы, в частности, в трудах В.В. Красных, которая определяет лингвокультуру как овнешненную и закреплённую в знаках языка культуру, проявляющуюся в различных языковых и речевых процессах [1; с. 10]. При проведении собственных исследований мы опираемся на данное определение.

Учёные выделяют несколько типов лингвокультуры: этно- (национальную), частную и региональную лингвокультуры. В последние несколько лет исследователи уделяют повышенное внимание проблематике региональной лингвокультуры. Как пишет О.В. Орлова, это объясняется логикой гносеологического перехода к исследованию различных форм, вариантов существования русской лингвокультуры (по типу она является национальной лингвокультурой) [2; с. 16].

Региональную лингвокультуру рассматривают в рамках лексикографического, лингвокультурологического, нарративного и некоторых других подходов. Вслед за О.В. Фельде мы считаем, что региональная лингвокультура представляет собой неоднородный феномен, который проявляется в трёх формах: мультимедийной, книжно-письменной и традиционной [3; р. 58].

Целью настоящего исследования является анализ субконцепта «дедушка» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья, выполненный в рамках психолингвокультурологического подхода.

Традиционная форма региональной лингвокультуры отражает сложившийся образ жизни старожильческого социума, его базовые ценности. Макроединицей, через которую транслируется традиционная лингвокультура, является культуросносный устный текст. Именно поэтому эмпирическим материалом работы стали устные тексты русских сибиряков-старожилов о своих родных дедушках [4; 5; 6; 7]. Информанты, воспоминания которых были проанализированы в данной работе, являются коренными жителями Северного Приангарья, проживающие в Кежемском, Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края. Преимущественно мы рассмотрели тексты, собранные на территории Кежемского и Богучанского районов, которые традиционно относят к старожильческим районам Красноярского края. Коренными жителями этих районов являются потомки русских засельщиков Сибири. Это люди, в ментальный мир которых входят константы (=концепты), содержащие информацию о старожильческой культуре. Данный тип культуры сформировался на территории Северного Приангарья в XVII–XVIII вв. По своим материнским истокам – это культура доиндустриальная, крестьянская и севернорусская. Для людей, которые являются носителями такой культуры, очень важно понятие семьи, родственных отношений и т.п. Поэтому одним из базовых в концептосфере традиционной лингвокультуры Северного Приангарья является субконцепт «дедушка».

Исследуемый лингвоментальный феномен наряду с такими субконцептами, как «отец», «мать», «бабушка» и др., представляет собой один из сегментов лингвокультурного концепта «семья». Дан-

ный концепт под влиянием кровнородственного культурного кода входит в структуру мегаконцепта «свои». Схематично структуру мегаконцепта «свои» можно представить на рисунке 1.

Приведенная схема носит открытый характер, т.к. структуру и содержание мегаконцепта «свои» детерминируют разные культурные коды: кровнородственный, пространственный, социальный, событийно-исторический и др. На схеме представлено влияние только кровнородственного культурного кода на целый ряд концептов и субконцептов, в том числе и на субконцепт «дедушка». Отметим, что данный субконцепт выделяется согласно когнитивному признаку «кровное родство», т.е. информантами являются родные внуки.

Именем субконцепта «дедушка» является слово *дедушка*. В результате этимологического анализа удалось установить, что слово *дед* происходит от праславянского варианта *dedъ. С XI века был известен древнерусский и старославянский варианты дѣдъ, т.е. *дед*, *предок*. Лексема с уменьшительно-ласкательным суффиксом *дедушка* была зафиксирована в начале XVIII века, а в словарях впервые была отмечена в 1731 году [8; с. 237].

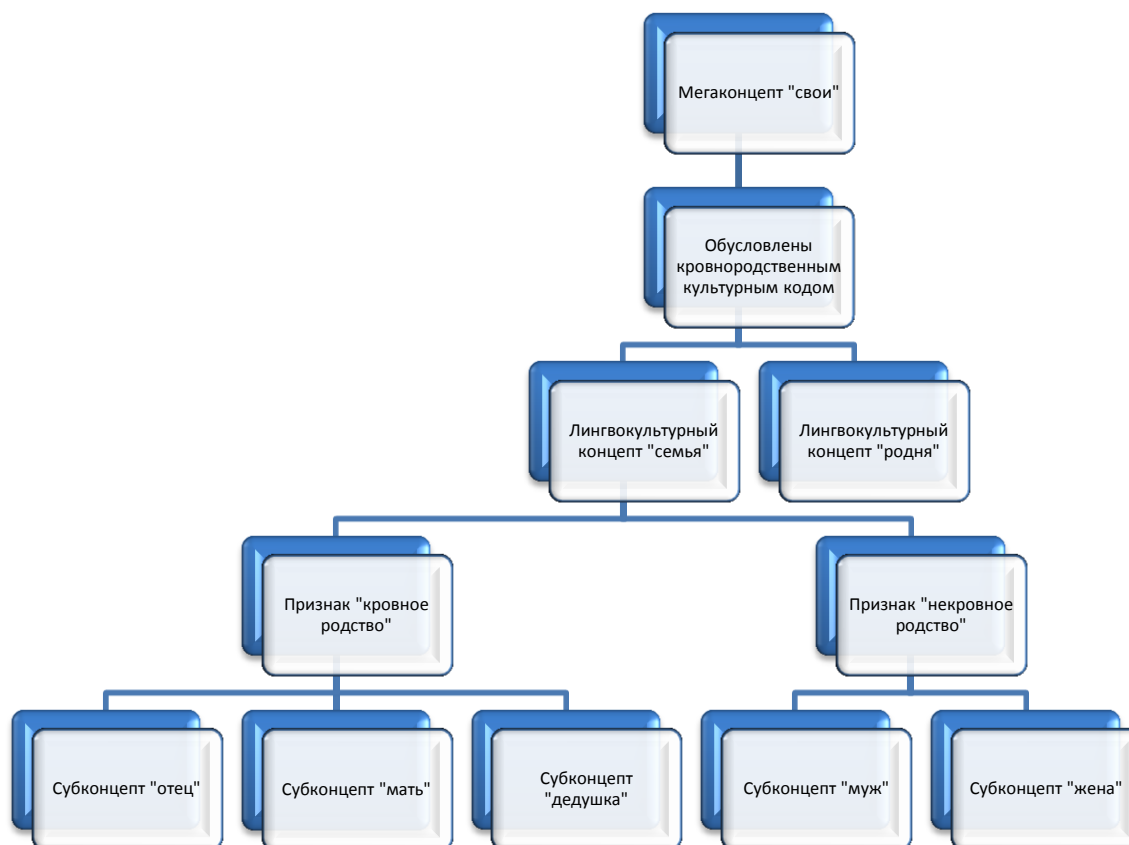

Рис. 1. Фрагмент структуры мегаконцепта «свои»

В современных толковых словарях русского языка слово *дед* и вариант *дедушка* являются многозначными. Поскольку в работе мы анализируем нарративы, в которых информанты рассказывают о своих родных дедушках, то следует отметить, что основным значением лексем *дед* и *дедушка* является «отец отца или матери» [9]. Анализ приведённой дефиниции позволяет выделить такой базовый признак в содержании субконцепта «дедушка», как «кровное родство».

Однако в устных текстах старожилов Северного Приангарья, помимо слова *дедушка*, встречаются такие варианты имени анализируемого субконцепта, как *дед* и *додо*: *Додо* называли *деда*, а *кока* называли *крёстного* [5; с. 174].

Проведённый концептуальный анализ показал, что в понятийном слое исследуемого субконцепта содержится несколько концептуальных признаков:

а) кровное родство: *А дед мой родной Москвин Герасим Савватеевич он в Зятях жил. Хороший дед был, добрый, его вся Ангара знала, все дорожки у него останавливались.* [5; с. 350]; *Мой родной дедушка Христофор Яковлевич, мы его додо звали* [5; с. 174].

б) занятие народными промыслами: *Этот дедушка-то у меня рыбак. Городили заездки, сделаю деревянные эти... котцы* [7; с. 79]; *А дедушка хорошо, там жил в деревне, он в лесу всё знал. Он охотник хороший и лес этот знал, как не знаю кто* [4];

в) мастер на все руки:

[– Получается, что Ваш дедушка ухаживал за конями? – Собираю.].

– Ну, за конями. Он всем, он всё умеет: и по дереву, и печки клал [4]; *Дедушка у нас – мастер был на все руки. Он такие бочки делал, всё помогал* [4].

В некоторых текстах ярко репрезентируется образный слой анализируемого субконцепта. Преимущественно это тексты о внешнем облике родных дедушек коренных ангарцев, например: *Он <дедушка> сидит на кровати, борода такая у него **окладистая**, трубку курил <...> Мне кажется, я даже больше такого человека в жизни не встречала – какой он был, такой **могучий старик, красивый, большой, высокий**. Вот эта вот седая борода, трубка...* [4]. В приведённом фрагменте информант использует перцептивную лексику, в частности прилагательные, которые характеризуют рост (*высокий, большой*), объём тела (*могучий*) человека. Также в данном тексте используется колоратив *седая* и прилагательное *окладистая* для описания бороды.

Большая часть проанализированных устных текстов эксплицирует ценностный слой субконцепта «дедушка». Преимущественно русские старожилы Северного Приангарья выражают общую оценку, а также разные виды частнооценочных значений.

В некоторых текстах с помощью оценочных прилагательных репрезентируется этическая оценка. Ангарцы отмечают у родных дедушек наличие такого нравственного качества, как доброта: *Дедушка у нас такой **доброжелательный**, баба была доброжелательной* [4]; *И вот он с нами... Он уже был старенький, ему уже было, ну, вот как я его начала помнить, ему, наверное, было около восьмидесяти, и потом он умер в девяносто с чем-то <...>. Да, он был вообще добрейшей души человек. <...>. Дедушка нашего любили не только мы, его вообще все любили* [4].

Также в воспоминаниях коренных ангарцев репрезентируется нормативная оценка. В таких текстах говорится о выносливых людях, которые остались сильными и крепкими до самой старости: *Дедушка, отцов отец. Иван Сентафонтович <...>. Его раскулачили... У их семья была небольшая, все работали. Он **трудолюбивый** был, **здоровый сам дедушка**, его ещё прозвали Иван-чёрт. **Здоровый** что, **сильный** был* [6; с. 251]; *Они заходили в амбар, а там далеко у нас большое пятро, не видно. А темно же, свету не было, и всё. Ну и всё. И, ой, и потом нашли несколько кусков мяса, в ушах лежало, может, ведра два. Ну и начали, а дедушка приходит, гыт:*

– А кого ругаетесь-то? Я, – гыт, – добыл, ходил на охоту-то, давайте и сейчас вас пристрелю!

*Она засмеялась и ушла, и всё. Папы бы всё! Загребел бы, только дедушка выручил. Но он ещё **крепкий такой был, крепкий старик*** [5; с. 214]. В первом приведённом фрагменте нормативная оценка выражена не только оценочными прилагательными *здоровый* и *сильный*, но и коннотативом *трудолюбивый*. В лексическое значение слова *трудолюбивый* наряду с логико-предметным семантическим компонентом («трудолюбивый, работающий человек») входит и коннотативный компонент «очень трудолюбивый, старательно и много работающий человек» (подчёркнуты те лексемы, которые выражают коннотативный семантический компонент) [9]. Также стоит обратить внимание на прозвище дедушки информанта *Иван-чёрт*. В данном случае лексема *чёрт* имеет значение «о том, кто обнаруживает умение, силу, сноровку, ловкость и т.п.» [9]. Прозвище *Иван-чёрт* тоже выражает нормативную оценку, т.к. говорит о силе и трудолюбии человека.

Наличие ярких репрезентативных текстов, которые повествуют о трудолюбивых, крепких и здоровых деревенских людях не является случайностью. Учёные-диалектологи (Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова и др.) объясняют это тем, что ценностная картина мира сельских жителей детерминирована особенностями традиционной крестьянской культуры, которая обусловлена тяжёлыми условиями деревенской жизни (пахота, сенокос, сбор урожая и др.). Основу деревенской жизни составляет физический труд, поскольку он приносит пользу местному сообществу. Именно поэтому это стало нормой для жителей сёл и деревень.

Также в воспоминаниях коренных ангарцев эксплицируется общая оценка: *У нас ещё и дедушка был там. Он отдельно ушёл в дом, а всё равно отец носил ему еду <...> Дедушка **хороший** был у нас* [7; с. 158]. В данном примере информант не приводит оценку какого-либо конкретного качества своего дедушки, а в целом говорит о нём в положительном ключе.

В проанализированных устных текстах были приведены только положительные оценки. В нашей картотеке нет примеров, которые выражали бы негативные оценки поведения, характера родных для ин-

формантов дедушек. Это говорит о глубоком уважении и почтительном отношении ангарцев к своим родным.

Таким образом, анализ содержания и структуры субконцепта «дедушка», проведённый на основе устных ангарских текстов, показал, что данный субконцепт является одним из базовых в структуре лингвокультурного концепта «семья», а также во всей концептосфере Северного Приангарья. Об этом свидетельствует большое количество текстов русских старожилов о своих родных дедушках, наиболее репрезентативные из которых были рассмотрены в настоящем исследовании; яркая экспликация всех трёх слоёв (понятийного, образного и ценностного) анализируемого субконцепта.

Анализ устных ангарских текстов показал, что концептуальные признаки «занятие народными промыслами» и «мастер на все руки», которые содержатся в понятийном слое субконцепта «дедушка», характерны именно для картины мира сибиряков-старожилов. Современные толковые словари русского языка не отражают того, что данные признаки являются ключевыми в национальной лингвокультуре. Однако подчеркнём, что базовый концептуальный признак «кровное родство» является общим для национальной лингвокультуры и традиционной лингвокультуры Северного Приангарья (региональной по своему типу), что говорит об их тесном взаимодействии.

Библиографический список

1. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 2. С. 7–18.
2. Орлова О.В. Дискурс томских рок-авторов как факт региональной лингвокультуры: перспективы изучения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 16–25.
3. Felde O.V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1. P. 55–76.
4. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (дата обращения – 07.05.2021).
5. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. 480 с.
6. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2016. Т.18. 480 с.
7. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2020. Т. 22. 480 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т.1: А – Пантомима. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения – 07.05.2021).

References

1. Krasnykh V.V. Linguoculture as an object of cognitive studies // The Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2013. № 2. P. 7–18.
2. Orlova O.V. Tomsk rock authors discourse as a fact of regional linguistic culture: prospects for the study // The Bulletin of Tomsk State University. 2015. № 1 (33). P. 16–25.
3. Felde O.V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1. P. 55–76.
4. Electronic text corpus of the linguistic culture of the North Angara river basin. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/> (date of application – 07.05.2021).
5. Afanas'eva-Medvedeva G.V. Dictionary of Russian dialects of old residents of the Baikal Siberia / ed. by L.L. Kasatkin, S.A. Myznikov. Irkutsk, 2014. Vol. 14. 480 p.
6. Afanas'eva-Medvedeva G.V. Dictionary of Russian dialects of old residents of the Baikal Siberia. Irkutsk, 2016. Vol. 18. 480 p.
7. Afanas'eva-Medvedeva G.V. Dictionary of Russian dialects of old residents of the Baikal Siberia. Irkutsk, 2020. Vol. 22. 480 p.
8. Chernyh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vol. Vol.1. 3rd edition, stereotip. Moscow, 1999. 624 p.
9. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by S.A. Kuznecov. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (date of application – 07.05.2021).

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 811.161.1'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.24.93.017

*Волгоградский государственный технический
университет*

*Профессор кафедры «Иностранные языки»,
доктор филологических наук*

Пром Н.А.

Россия, г. Волгоград, тел. 89275338472

E-mail: natalyprom77@mail.ru

Volgograd State Technical University

The chair of foreign languages

Doctor of Philology, full professor

Prom N.A.

Russia, Volgograd,

tel. 89275338472

E-mail: natalyprom77@mail.ru

Н.А. Пром

ЭТАПЫ ФАКТУАЛИЗАЦИИ В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

В статье предлагается обоснование термина «фактуализация» и рассмотрение его специфики в медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена проблемой гипервоздействия СМИ на адресата. Цель работы состоит в том, чтобы в лингвофилософском ключе рассмотреть феномен фактуализации, результатом которой является интериоризация (принятие) факта действительности в сознании адресата. Научную новизну мы видим в выявлении этапов фактуализации и их дискурсивных характеристик. Исследование установило, что ментальным продуктом фактуализации является новая субъективная реальность индивида. Дискурсивно-обусловленными являются этапы фактуализации в медиакommunikации, когда медиафакт становится фактом сознания аудитории с последующей вербальной манифестацией состоявшейся фактуализации. Фактуализация, сопровождая коммуникацию в медиадискурсе, в некоторой степени повторяет его этапы. Напомним, массовая коммуникация представляет собой форму связи и общения, а также процесс производства медиареальности средствами массовой коммуникации и ее восприятие аудиторией. В качестве ее основных этапов выделяют постановку цели редактором, отражение либо моделирование социальной действительности автором сообщений, распространение массовой информации в СМИ, ее восприятие и потребление адресатами. В качестве этапов фактуализации определены факт объективной реальности, факт сознания креатора медиафакта, факт медиареальности и факт сознания реципиента. Фактуальность адресата располагает двумя уровнями – фактицитетом, включающим факты в основе ценностей, и фактауром, обуславливающим поступки. Факт действительности представляет собой онтологическую основу знания, актуальность которого обуславливает его отбор креатором медиафакта. Интересность медиафакта обеспечивает успешную трансформацию факта знания в факт сознания адресата.

Ключевые слова: медиадискурс, фактуализация, медиафакт, картина мира, коммуникация.

N.A. Prom

STAGES OF FACTUALIZATION IN MEDIA: LINGUOPHILOSOPHICAL APPROACH

The article substantiates the term “factualization” and considers its specifics in media discourse. The relevance of the study is due to the problem of media hyperinfluence on the addressee. The purpose of the work is to consider the phenomenon of factualization in a linguophilosophical way; factualization results in the internalization (acceptance) of a reality fact in the mind of an addressee. The scientific novelty is seen in identifying the stages of factualization and their media discourse characteristics. The study has established that the mental product of the factualization is a new subjective reality of an individual. The stages of factualization in media communication are discursively conditioned, when the media fact becomes a fact of the audience's consciousness with the subsequent verbal manifestation of the

factualization. Accompanying the communication in media discourse, factualization to some extent repeats its stages. Mass communication produces media reality for the audience. Its main stages are the setting of a goal by the editor, reflection or modeling of social reality by the author of messages, the dissemination of mass information in the media, its perception and consumption by the addressees. The fact of objective reality, the fact of consciousness of the media fact's creator, the fact of media reality and the fact of recipient's consciousness have been defined as the stages of factualization. The addressee's factuality has two levels, i.e. facticity that includes values-based facts and a facturus that determines actions and deeds. The reality fact is the ontological basis of knowledge, the relevance of which determines its selection by the creator of a media fact. The interestingness of the media fact ensures the successful transformation of the fact of knowledge into the fact of addressee's consciousness.

Key words: media discourse, factualization, media fact, picture of the world, communication.

Актуальность темы исследования мы видим в том, что фактуализация как особый когнитивно-дискурсивный феномен, отражающий формирование факта в сознании человека, позволяет рассматривать коммуникативные процессы как информационные потоки, обеспечивающие связь между действительностью и поступками человека. При этом понимание факторов, влияющих на фактуализацию, помогает объяснить неадекватность реакции на действительность. Предлагаемое исследование как любое философское обоснование мы считаем важнейшим этапом работы над новым понятием. Задачи предлагаемого исследования мы видим в том, чтобы, во-первых, уточнить интерпретацию термина «фактуализация» в лингвофилософии, во-вторых, установить терминологический аппарат данного направления и, в-третьих, рассмотреть глубину фактуализации в сознании реципиента при восприятии медиainформации.

В работе использованы такие методы исследования, как анализ феномена и его моделирование, предусматривающее разработку элементов и этапов рассматриваемого явления, метод интроспекции и контекстуального анализа, направленные на выявление смысловых особенностей языковых единиц в разном контекстном окружении.

Теоретической базой исследования послужили работы В.И. Карасика [1], Е.С. Кубряковой [2], В.В. Хорольского [3] и др. Философская концепция С. Х. Ляпина о трехмерном представлении факта как триипостасном единстве его составляющих – факта действительности, факта знания и факта сознания [4, с. 17] определяет основу предлагаемого исследования. Фактуализация включает цикл трансформаций ипостасей факта, обеспечивающий его осознание адресатом информации, и предполагает адаптацию фактуальности имеющейся картины мира к изменяющимся условиям действительности, в результате чего формируется новая субъективная реальность индивида.

Поведение и поступки, как известно, обусловлены знаниями человека о действительности, составляющими персонифицированную картину мира, которая, с точки зрения психолингвистов, «предстает как идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное – как элемент сознания, воли или жизнедеятельности, и объективированное – в виде различных следов сознания, воли или жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов» [5, с. 17] и характеризуется системностью и упорядоченностью [2; 6]. Вербально картина мира находит выражение в виде фактов. В этой связи проблему формирования картины мира и ее адаптации к меняющейся объективной реальности мы рассматриваем в контексте фактуализации, объясняющей возможности информационного потока, в том числе и воздействия на сознание человека [7].

Феномен фактуализации тесно связан с понятием реальности и ее типами, которые обусловлены дискурсом, с одной стороны, и участием сознания человека в ее формировании, с другой. В частности, объективную реальность мы понимаем как то, что человек видит, воспринимает и способен познать хотя бы в общих чертах; субъективная реальность представляется вариантом объективной реальности, более или менее искаженным сознанием человека, его восприятием, ценностями, интенциями и пр. В нашей работе мы имеем дело с медиареальностью, а также объективным и субъективным типами реальности. Поскольку фактуализация формирует субъективную реальность человека, в медиадискурсе она проходит две ступени: фактуализация действительности – внешнего мира – в сознании адресанта и фактуализация медиареальности в сознании адресата. Однако реализация первой ступени в медиадискурсе не обеспечивает законченность фактуализации, поскольку ее цель – воздействие на сознание получателя информации – не достигнута.

Медиареальность представляет собой опосредованную объективную реальность, где ключевым является слово «опосредованная», что убедительно было показано в целом ряде исследований [8; 9].

Так, опосредованность реальности медиадискурса представляет собой трансформационный цикл ипостасей факта. Анализ познавательного процесса во время потребления медиаинформации выявил четыре этапа фактуализации, каждый из которых представляет собой трансформацию состояний факта. Результаты анализа мы внесли в таблицу (Таблица 1).

Таблица 1

Этапы фактуализации в медиадискурсе

Этап	Локализация факта	Выраженность факта
I. Факт действительности	Объективная реальность	Событие (денотат)
II. Факт сознания адресанта	Субъективная реальность в сознании субъекта информирования	Аспект события (референт)
III. Факт знания	Медиареальность	Медиафакт (текст)
IV. Факт сознания адресата	Субъективная реальность в сознании объекта информирования	Факт (пропозиция), интерпретация, оценка, прогноз

Таблица 1 позволяет отметить следующее.

1) Подтверждается известное положение об опосредованном характере реальности медиадискурса: восприятие действительности и медиареальности всегда обусловлено персонифицированной картиной мира субъекта информирования (журналиста), а именно, входящей в нее фактуальностью и профессиональными интенциями; процессы фактуализации в медиадискурсе и в обычной коммуникации различаются наличием медиареальности, опосредующей коммуникацию между адресантом и адресатом. Первый и второй этапы являются домедийными, четвертый – постмедийным.

2) В каждой из реальностей факт представлен по-разному: в событийном денотате факта выделяется определенный аспект – референт факта, который вербализируется в тексте медиафакта и затем редуцируется в качестве его смысла до пропозиции в сознании адресата. При этом четкая граница между этапами отсутствует. Например, трудноопределима граница между воспринятым событием и его аспектом, а текст факта уже сформирован до его медиапрезентации.

3) Помимо пропозиции, результатом фактуализации выступает интерпретация, которая расценивается в качестве ее вербальной манифестации, то есть, показателя того, что фактуализация состоялась.

Рассмотрим предложенные в таблице 1 этапы подробно.

Этап I: факт объективной реальности. Медиадискурс, призванный информировать аудиторию о событиях действительности, имеет все технические возможности для выполнения данной функции. Медиафакт часто сопровождается фото- и видеоматериалами, свидетельствующими о том, что событие действительно имело место. В этой связи онтологическая составляющая медиафакта как то, что происходило в объективной реальности, является важной для его формирования как на этапе перцепции события, так и на этапе верификации медиафакта. Этот правдивый «жизненный факт» [3, с. 25] или «факт действительности», который является основой для установленного факта и денотативный уровень будущего медиафакта [7, с. 209]. Однако он не является тем, что происходит в энергоматериальном мире вне зависимости от нашего сознания, поскольку наш мир – объективная реальность – это то, что мы видим. Из этого следует, что даже самый правдивый медиафакт является субъективно обусловленным.

Этап II: факт сознания адресанта. Факт действительности не бывает освещен целиком и, как правило, включает ряд аспектов или сторон, из которых выделяется один, выступающий референтом медиафакта. Однако он уже не принадлежит объективной реальности, а становится фактом реальности интерпретируемой, поскольку когнитивные процессы возможны только в рамках реальности, уже отраженной в сознании. Она, безусловно, субъективна и находится в сознании автора сообщения, который и определяет тот или иной аспект события как актуальный, концептуализирует и категоризирует медиафакт [10, с. 227]. Вместе с тем конструирование отраженной реальности обусловлено субъективной реальностью журналиста и его профессиональными интенциями (например, объективное информирование или развлечение).

Отдельный факт включается в серию фактов, посвященных одному или нескольким аспектам, объединенным ситуацией, и к моменту выхода в медиaprостранство журналист создает текст, который представляет собой вербальную манифестацию фактуализации его объективной реальности. Это первая ступень фактуализации в медиадискурсе.

Этап III: факт знания. Текст включается в процесс медийности – печатается, озвучивается и/или демонстрируется посредством каналов медиадискурса, и на выходе становится медиафактом. Аудитория читает, слышит и видит его, воспринимая с большей или меньшей степенью внимательности огромный объем информации за довольно короткий отрезок времени. Так, медиафакт становится «фактом знания». С.Х. Ляпин называет его неопределенной или полной формой факта [4, с. 10], который включает целый пакет медиафактов-квантов. В редуцированном формате пропозиции медиафакт встречается в медиадискурсе в виде сообщения на новостной ленте. Медиафакт, как и научный факт, представляет собой результат процесса познания и, безусловно, является знанием, хотя неотъемлемые черты знания – истинность и достоверность – в медиадискурсе часто вызывают сомнения.

Важно отметить, что медиафактом, в отличие от факта научного, считается не только факт установленный и доказанный, но и мнение участника медиадискурса и даже его оценка и прогноз [11]. Например, факт действительности – 16 июля 2014 года Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines был сбит ракетой серии 9М38, выпущенной из зенитно-ракетного комплекса «Бук» – имеет военный, дипломатический, политический, геополитический, межэтнический, экономический, межличностный и ряд других аспектов, которые находят соответствующую репрезентацию в медиадискурсе. Приведем примеры некоторых из них.

Инженерно-технический аспект: *По мнению аналитиков Российского союза инженеров, гибель Boeing 777 произошла в результате его комплексного поражения как ракетным вооружением боевого самолета, с использованием ракеты «воздух-воздух» ближнего боя, так и пушечным вооружением с использованием 30-мм авиационной пушки или контейнера СПТУ-22 с двустольной 23-мм пушкой ГШ-23Л* (Военно-промышленный курьер, 25.08.2014). Несмотря на модальность конструкции (*По мнению аналитиков Российского союза инженеров*), медиафакт выглядит объективным, во-первых, потому что вводится ссылка на инженеров-аналитиков – относительно независимых лиц в глазах аудитории, во-вторых, содержит исключительно техническую информацию, входящую в заключение экспертизы.

Аспект межгосударственного взаимодействия: *Киев обвинил в крушении лайнера ополченцев, которых, по мнению Запада, поддерживает Россия. <...> Версию Киева поддержали США, Великобритания и Австралия, заявившие, что лайнер был сбит ракетой «земля-воздух» с территории, контролируемой ополченцами. В дальнейшем появились заявления, что Евросоюзу необходимо пересмотреть отношение к России в свете того, что «пророссийские сепаратисты сббили самолет»* (РИА новости, 17.07.2019). Применяя высокую степень субъективности, выраженной очевидной для читателя модальностью (*Киев обвинил; по мнению Запада; версия Киева*), автор показывает обоснованность обвинений. Данный эффект усиливается, когда приводится заявление «пророссийские сепаратисты сббили самолет». Читателю становится понятно, что медиафакт, строго говоря, не имеющий права расцениваться как фактуальная база для последующих действий, легко прошел легитимацию и рассматривается в качестве основания для возможных последующих мер (*Евросоюз пересматривает отношение к России*). Эмоции реципиента в значительной степени активизируют процесс фактуализации, результатом которой становится принятие точки зрения автора.

Экономический аспект: *Лондон грозит Москве новыми санкциями из-за расследования крушения Boeing* (ТАСС, 20.07.2014). Здесь вина России в случившемся предьявляется как юридический факт, каким он не может быть без официального оглашения результатов международного расследования. Это лишь закрытая просочившаяся в СМИ информация, то есть, медиафакт, который также не может расцениваться как юридический [10, с. 216]. Так, на основании медиафакта рассматриваются варианты международного наказания.

Фокусируясь на отдельных аспектах факта объективной реальности и создавая, тем самым, иллюзию процесса познания и получения объективного знания за счет демонстрации различных точек зрения, мнений и оценок, субъекты информирования презентуют цельную действительность, которая воспринимается аудиторией как мозаичная виртуальная медиареальность в виде смеси реального и возможного.

Этап IV: факт сознания адресата. Если рассматривать сознание как динамическую прогнозирующую модель действительности, то есть субъективную реальность индивида, а мышление как «процесс согласования модели с оригиналом и прогнозирования» его состояний [12], то в основе представления о мире – картины мира и, в итоге, формирования личности лежит пространство фактов, в терминологии С.Х. Ляпина, фактицитет сознания. Пространством актуальных фактов, стимулирующих действия-реакции и поступки, является фактаурис, единицы которого в ближайшей перспективе или на долгосрочной основе выполняет функции обоснования поступков, аргументов и единиц мышления. Рассмотрим эти уровни фактуального сознания подробнее.

Фактаурус. Значимый для реципиента медиафакт переходит в новое фазовое состояние «фактаурус», анализируется, переосмысливается, интерпретируется и становится «фактом сознания», входящим в обобщенный потенциал актуального бытия, и определяет фоновые пропозиции человека, служащие ориентиром в информационном пространстве в зоне действия данного медиафакта. В этой форме факт становится элементом сознания человека, выполняющего функцию источника аргументов для утверждений, отрицаний и обоснования идей, а также наглядных примеров с целью убеждения и коррекции поступков в зависимости от складывающейся ситуации, контекста, функциональной организации деятельности. Новый факт в сознании способен менять этот бэкграунд, обуславливая изменения убеждений, влияя на действия и поступки. Например, *Семь человек погибли, еще 30 числятся пропавшими без вести в результате мощного землетрясения на японском острове Хоккайдо, которое произошло рано утром в четверг, 6 сентября. Подземные толчки силой до 7 баллов вызвали оползни, уничтожившие десятки домов. Известно также о более чем 150 пострадавших* (Лента.ру, 6.09.2018). Данный медиафакт становится актуальным в сознании знакомых человека, который находится в это время в опасной зоне, послужит причиной их беспокойства, поэтому они совершат действия, чтобы выяснить, все ли с ним в порядке, и нивелировать тревогу: позвонить, написать сообщение и др.

Показателем фактауруса становится отказ от курения электронных сигарет под влиянием медиафакта *Дым от электронных сигарет приводит к повреждению ДНК, которые могут вызвать рак. К такому заключению пришли ученые из школы медицины Нью-Йоркского университета* (Мир 24, 30.01.2018). Но только в том случае, если человек никогда не вернется к курению, осознавая вред данного процесса, медиафакт переходит на уровень фактицитета в сознании реципиента.

Фактицитет (термин М. Хайдеггера) составляют факты, которые лежат в основе «целей, основных норм поведения, ведущих и господствующих идей, принципов, идеалов, символов веры, надежды, любви» [4, с. 18]. Это пространство фактов, детерминирующих человеческую деятельность и обладающих, в отличие от ориентационных фактов (фактауруса), локализованным и дифференцированным смыслом. Таковыми, в первую очередь, являются медиафакты, содержащие информацию об исторических событиях. Например: *Внимание, говорит Москва. Передаем важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!* (Обращение Ю. Левитана 22 Июня 1941 года. Объявление о начале войны). Этот медиафакт, вошедший в менталитет народов России, символизирует невероятный героизм людей в годы второй мировой войны, гордость за победу. В истории каждой страны есть факты, повлиявшие на сознание и менталитет ее народа. В Америке, таким событием стала атака террористов в 2001 году: *On 11 September 2001 (known as 9/11 in America), Islamist extremists hijacked four planes that were flying above the US. It was the biggest terrorist attack ever on America* (BBC. 9.09.2011). – 11 сентября 2001 года (известный в Америке как 9/11) исламистские экстремисты захватили четыре самолета, которые летели на США. Это была самая большая террористическая атака против Америки.

Оба медиафакта российской и американской истории становятся фактами сознания сначала в состоянии фактауруса, обуславливая реакцию человека в ближайшей перспективе (состояние бдительности в условиях опасности, угрожающей жизни и здоровью граждан всей страны; поступление на военную службу для защиты государства; героизм; жизнь в условиях длительных военных действий; помощь пострадавшим; вступление в волонтерские движения и др.), а затем и фактицитета, фактуального бэкграунда, определяющего жизненную позицию и потенциальный вектор людей этого и последующих поколений (патриотизм, мобилизация сил каждого человека и взаимопомощь в тяжелой ситуации, самопожертвование, историческая память). Так, фактуальность сознания располагает двумя уровнями – фактаурусом и фактицитетом, которые соотносятся с актуальным и фоновым (пресуппозициональным) аспектами.

Таким образом, фактуализация в медиадискурсе обеспечивает адаптацию фактуальности имеющейся картины мира к изменяющимся условиям действительности, результатом чего становится новая субъективная реальность адресата. Выполненными считаем поставленные в начале работы задачи. В частности, фактуализация характеризуется в лингвофилософском ключе: определена терминология как инструментарий, необходимый для дальнейшего исследования: выделены следующие этапы данного процесса в медиадискурсе: факт действительности, факт сознания создателя медиафакта, факт медиареальности и факт сознания реципиента медиафакта. Факт действительности представляет собой онтологическую основу знания и денотат будущего факта. Признак актуальности обуславливает отбор факта объективной реальности сознанием

креатора медиафакта. Когнитивные процессы концептуализации и категоризации обеспечивают формулировку факта знания и, тем самым, первый уровень фактуализации в медиадискурсе. Для успешной трансформации факта знания в факт сознания адресата медиафакт должен заинтересовать аудиторию. Фактуальность сознания адресата располагает двумя уровнями – фактицитетом, включающим факты в основе ценностей, принципов, идеалов, и фактаурусом, обуславливающим действия и поступки.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
2. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
3. Хорольский В. В. «Событие» в журналистике и теории массовых коммуникаций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Том 12, выпуск 10: Журналистика. С. 22–29.
4. Ляпин С.Х. Концептологическая формула факта // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997. Вып. 2. С. 5–71.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
6. Абрамова Ю.С., Ларина Т.А. К вопросу о «картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 55-59.
7. Дмитровский А.Л. Проблема факта в медиатексте // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 203–214.
8. Рогозина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики: сб. статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. С. 121–137.
9. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 2011. 392 с.
10. Пром Н.А. Фактуализация как когнитивная система адаптации реальности // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 50–63. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-50-63.
11. Пром Н.А. Фактуализация реальности в медиадискурсе : характеристики, типы, способы выражения: монография. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. 188с.
12. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978. [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_r/ogl.htm (дата обращения: 14.01.2021).

References

1. Karasik V.I. Language plastics of communication: monograph. Volgograd, 2017. 462 p.
2. Kubryakova E.S. The role of word formation in the formation of the linguistic picture of the world // The role of the human factor in language. Language and picture of the world. Moscow, 1988. P. 141–172.
3. Khorolsky V.V. “An event” in journalism and the theory of mass communications // Vestnik NSU. Series: History, Philology. 2013. Vol. 12. Iss. 10: Journalism. P. 22-29.
4. Lyapin S.H. Conceptological formula of fact // Concepts. Scientific works of Tsentrokontsept. Arkhangelsk: Publishing house of Pomorsky University, 1997. Iss. 2. P. 5–71.
5. Krasnykh V.V. “The own” among “the strangers”: myth or reality? Moscow, 2003. 375 p.
6. Abramova Y.S., Larina T.A. To the question of the “picture of the world” // Philology. Theory & Practice. Tambov, 2017. Vol. 11 (77): in 3 parts. Part 1. P. 55-59.
7. Dmitrovsky A.L. The problem of fact in the media text // Scientific notes of the Orel State University. 2014. Iss. 1 (57). Vol. 1. P. 203–214.
8. Rogozina I.V. Functions and structure of the media picture of the world // Methodology of modern psycholinguistics: collection of articles. Moscow; Barnaul, 2003. P. 121-137.
9. Annenkova I.V. Media discourse of the XXI century. The linguo-philosophical aspect of the language of the media. Moscow: Publishing house Moscow university; Faculty of Journalism, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 2011. 392 p.
10. Prom N.A. Factualization as a cognitive system for adapting reality // Vestnik MGOU. Series: Linguistics. 2019. Vol. 4. P. 50–63. DOI: 10.18384 / 2310-712X-2019-4-50-63.
11. Prom N.A. Actualization of reality in media discourse: characteristics, types, ways of expression: monograph. Volgograd: PrinTerra-Design, 2020.188 p.
12. Melnikov G. P. Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Moscow, 1978. [Electronic resource] URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_r/ogl.htm (date of application: 14.01.2021).

УДК 070:004.7

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.81.25.018

*Ульяновский государственный университет
ассистент кафедры журналистики, аспирант
Академии медиаиндустрии Онуприенко К.А.
Россия, Ульяновск – Москва,
тел. +79539856440
e-mail: simbushka94@mail.ru*

*Ulyanovsk State University
The chair of Journalism, assistant,
graduate student of the Academy of Media Industry
Onuprienko K.A.
Russia, Ulyanovsk – Moscow
tel. +79539856440
e-mail: simbushka94@mail.ru*

К.А. Онуприенко

«ВЫ – ТАМ!»: ИММЕРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются технологии виртуальной и дополненной реальности в российских и зарубежных СМИ, поднимается вопрос о том, как журналисты используют иммерсивные инструменты для создания новых форм интерактивных повествований. Особое внимание уделяется анализу влияния пандемии COVID-19 на тенденции к применению иммерсивных форматов в медиапрактике. С научной точки зрения данная тема лишь начинает рассматриваться. Для изучения феномена «журналистики погружения» используются описательно-аналитический метод и метод эксперимента. Эмпирическую базу составили медийные проекты с использованием виртуальной и дополненной реальности, созданные в 2020 году, а также результаты проведенного анкетирования с участием более ста человек. На основании полученных данных обосновывается необходимость и востребованность иммерсивных медиаформатов в информационном обществе. Кроме того, дается оценка практике реализации медиапроектов, основанных на AR и VR, анализируются их возможности и перспективы, выявляются препятствия для развития и широкого распространения подобных инноваций. Актуальность работы заключается в исследовании применения технологий виртуальной и дополненной реальности в журналистике в ответ на вызовы глобальной цифровизации. Иммерсивные технологии создают мир, в котором пользователю предлагается играть активную роль. Интерактивный контент увеличивает свободу действий пользователей, помещая их в искусственно созданную среду, в которой разворачиваются события, что позволяет достичь подлинного эффекта присутствия. Автор делает обоснованный вывод о том, что возможность применения технологий виртуальной и дополненной реальности – инновационное решение для журналистики, находящееся, однако, на самом начальном этапе развития.

Ключевые слова: журналистика, новые медиа, медиаконтент, иммерсивные технологии, виртуальная реальность, дополненная реальность.

К.А. Onuprienko

“YOU ARE THERE!”: IMMERSIVE TECHNOLOGIES IN JOURNALISM OF THE INFORMATION SOCIETY

The article considers virtual and augmented reality technology in the Russian and foreign media, raises the question of how journalists use immersive technology to produce new forms of interactive narratives. Special attention is paid to analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on trends towards the use of immersive formats in media practice. Both the descriptive-analytical and experimental methods are used to study the phenomenon of Immersive Journalism. Media projects using virtual and augmented reality, created in 2020, as well as the results of a survey conducted with the participation of more than a hundred people were selected as the material for the study. Based on the empirical study, a rather extensive list of benefits from using virtual and augmented reality technologies has been drawn up. The article substantiates the necessity and public demand for immersive media formats in the information society. Moreover, it gives an assessment of the practice of implementing media projects based on AR and VR, analyzes their capabilities and prospects are, and obstacles to the development and widespread dissemination of such innovations are identified. Immersive journalism constructs a world where the user is encouraged to play an active role. The sense of presence obtained through an immersive system affords the participant unprecedented access to the sights and sounds, and

possibly feelings and emotions, that accompany the news. The author concludes that those media that are aware and prepared will be in a better position to survive, grow and win as the digital revolution continues to roll in.

Keywords: journalism, new media, media content, immersive technologies, virtual reality, augmented reality.

Цель качественной журналистики всегда заключалась в том, чтобы максимально погрузить аудиторию в происходящее, заставить ее «прожить» жизнь героев. Так, тележурналист У. Кронкайт – ведущий исторических передач – перед началом каждой из них сообщал зрителю: «Вы – там!» [1]. Сегодня, в век космических скоростей и иммерсивных технологий (от лат. *immersio* – погружение), стало возможным создать подлинный эффект присутствия в определенном месте, описываемом в информационных заметках, статьях, репортажах с места событий и документальных фильмах.

В целом, можно выделить три вида иммерсии: *виртуальная реальность (VR)*, *дополненная реальность (AR)* и *смешанная реальность (MR)*. Под первой из них чаще всего понимают искусственно созданное пространство – виртуальный мир, ощущение пребывания в котором создается при помощи специальных технических средств: шлема, очков, перчаток или костюма. Дополненная реальность предполагает использование мобильных приложений, дополнительных опций и надстроек. В данном случае виртуальные объекты накладываются на реальность внешними слоями, корректируя либо усложняя ее. Яркий пример – игра *Pokemon Go*. Смешанная реальность часто трактуется как аналог дополненной реальности, который совмещает возможности шлема VR и внешней видеокамеры. В качестве примера исследователь медиа М. Корнев [2] приводит картину, где стены реально существующей комнаты становятся интерьерами космического корабля.

С наступлением пандемии COVID-19 журналистика стала единственным связующим звеном между изолированными людьми и внешним миром. С приходом коронавируса у населения сформировался запрос на безопасный контакт с миром. Онлайн-экскурсии, выставки и спектакли стали обязательными рубриками большинства медийных ресурсов. Помимо телемостов и онлайн-конференций появились реалистичные вкрапления продуктов, созданных при помощи VR и AR, 3D-моделирования и анимации. В репортажи начали проникать элементы компьютерной графики. Внедрение иммерсивных форматов контента позволило пользователям увидеть событие «своими глазами» и при этом избежать риска заражения. Более того, в СМИ начали регулярно появляться сюжеты с использованием технологий виртуальной реальности, нередко на них выстраиваются целые новостные выпуски. Иммерсивные форматы контента вызвали небывалый интерес и отклик аудитории. Таким образом, основной целью повсеместного использования технологий виртуальной и дополненной реальности стало предоставление возможности прикоснуться к реальному миру, которой аудитория была лишена.

Современное общество в полном смысле живет в эпоху цифровых медиа. Скорость изменений в индустрии информационных технологий велика настолько, что исследователи формируют теоретическую базу буквально «на ходу». Стихийно появляются инновационные проекты, для описания опыта которых еще не существует устоявшихся терминов, а для того чтобы не упустить социально значимый тренд, необходимо оперативно следить за всеми изменениями в отрасли.

Степень изученности возможностей применения технологий виртуальной и дополненной реальности в журналистике невелика. В российской практике большинство материалов о новых технологиях носят ознакомительный характер, поэтому в нашем исследовании мы также будем опираться на наблюдения зарубежных ученых, замечания которых нередко имеют высокую практическую ценность.

Теоретическую базу исследования составили научные труды, посвященные новым медиа в целом, специфике режиссуры мультимедийных проектов, интерактивному повествованию и иммерсивной журналистике: М. Райан [3], Н.И. Дворко [4], А.В. Замкова [5], Н. де ла Пенья [6], Е.Л. Вартановой [7], А.А. Гаврилова [8], Л.Г. Вихоревой [9], Ю.В. Благова [10, 11], Л.З. Мановича [12], А.П. Суходолова [13], Н.В. Покровской, А.А. Уткина [14] и других.

На сегодняшний день AR и VR находятся на этапе мощного развития, проникая во многие социокультурные сферы. Внедрение иммерсивных технологий способствует более продуктивному восприятию визуальной информации пользователями, благодаря чему решаются проблемы различных индустрий: торговли, медицины, туризма, образования, развлечений и в первую очередь СМИ. Это говорит о необходимости выявления места и роли данных технологий в современной культуре.

В рамках предлагаемой статьи мы обратимся к исследованию иммерсивных медиаформатов, которые на сегодняшний день имеют лишь единичные случаи практического применения российскими СМИ, однако, как представляется, обладают рядом преимуществ перед традиционными способами представления контента. К числу подобных достоинств можно отнести изменение роли зрителя

со стороннего наблюдателя на участника события, драматизм повествования, формирование иного отношения к фактам, вариативность глубины погружения, серьезное воздействие на эмоциональное состояние аудитории. Гипотеза исследования заключается в том, что иммерсивная журналистика успешно реализует новые способы подачи материала, которые оказывают положительное воздействие на восприятие информационного продукта, учитывая традиции лучших публицистических материалов на основе метода «маски».

Логика нашего исследования подразумевает на первом этапе анализ распространенности иммерсивных форматов в отечественных и зарубежных СМИ, а на последующих этапах определение степени востребованности «журналистики погружения» в период пандемии коронавируса. Основные методы исследования: описательно-аналитический и метод эксперимента. Для изучения феномена иммерсивности использовались также контент-анализ, сравнительный, логический и исторический подходы. Эмпирическим объектом стали медийные проекты с использованием виртуальной и дополненной реальности, созданные в 2020 году, в частности РИА.Lab – лидер на российском медиарынке. В апреле-мае 2021 года были проведены социологические исследования с целью выявления заинтересованности аудитории в иммерсивном контенте в информационной повестке современных СМИ. Проводился письменный опрос пяти представителей молодежной аудитории и анкетирование ста респондентов разных возрастных групп. Результаты исследований были визуализированы при помощи диаграмм.

Современные СМИ стали аудиовизуальной средой, с которой постоянно взаимодействует общество. В 2016 году отечественный эфир заполнился репортажами и новостными выпусками о необычных очках [11, с. 104]. Надев их, телеведущие видели не студию, в которой пребывали, а пространство, нарисованное компьютерной графикой или же снятое на камеру для записи видео 360°, и рассказывали зрителям о том, как это «нереально реально». Так отечественное телевидение познакомило аудиторию со своим сильнейшим конкурентом.

В России иммерсивность началась не с изобретения камер 360°, а вследствие тенденции к визуализации, отмеченной еще в 1960-е годы М. Маклюэном и усилению конкуренции между СМИ [там же, с. 108]. В газетных и журнальных репортажах усилилась экспрессивность и изобразительное начало. Пример такой журналистики – репортаж «Птица-стройка» («Русский репортер», 20 января 2010, №1-2). Автор данного материала – журналист, корреспондент Игорь Найденов. Выбор репортажа обоснован тем, что в нем ярко виден «эффект присутствия» через авторскую подачу материала и образное описание событий: «Дороги дрянные. Зато вокруг – красота. В воздухе смешиваются запахи меда и канализации. Орут петухи». Рассказ наполнен множеством деталей, которые живо возникают в воображении, то есть он по-прежнему рассчитан на сотрудничество журналиста и читателя и доверие последнего. В американских СМИ эффект погружения изначально передавался в основном благодаря использованию цифровых технологий.

Ведущие транснациональные компании активно развивают технологии AR и VR. Иммерсивная журналистика становится новой ступенью эволюции цифровых медиа. Деятели СМИ видят в освоении этих технологий перспективы создания новых моделей нарратива, а вместе с тем и полноценной медиареальности. Сообщения, переданные посредством иммерсивных технологий, становятся более значимыми для зрителя. Пользователи чувствуют себя уже не зрителями, а непосредственными участниками действия, и степень их вовлечения значительно возрастает.

Прообраз дополненной реальности можно наблюдать в литературе и кинематографе, где персонажи взаимодействуют с героями сказок, созданными при помощи компьютерной графики и мультипликации. Сегодня технология уже не является чем-то фантастическим и активно применяется в приложениях для мобильных устройств. В газеты и журналы помещаются изображения, которые в дальнейшем служат метками для средств визуализации. Пользователи могут отсканировать такую метку (чаще всего QR- и штрихкод) и получить доступ к дополнительной информации: чаще всего это фото, аудио, видеозаписи или текстовая информация. В журналистике AR в основном используется в рекреативных целях и предполагает наличие у пользователя специальных мобильных приложений. Многие крупные издания (Times, Esquire, Popular Science и другие) размещают на своих страницах рекламный контент с дополненной реальностью, доступной при наведении на него камеры смартфона.

Ярким примером проникновения дополненной реальности в СМИ является майская обложка журнала The New Yorker, вышедшего в 2016 году. Для «погружения» в трехмерный Манхэттен со-

здатели разработали приложение «Unconv» для смартфона или планшета. Для издания это был первый опыт применения подобных технологий. Редакция мотивировала свой подход тем, что номер журнала посвящен инновациям, а трехмерные интерактивные иллюстрации, символизирующие новый уровень сторителлинга, являются лучшим способом визуализации прогресса.

На Западе активно используются иммерсивные браузеры (Wikitude, Laynar, VillPhoto), которые отображают информацию в реальном времени в формате дополненной реальности, при этом пользователь может самостоятельно добавить дополнительные компоненты путем загрузки личных файлов разных типов. Преимущество данной конвергентной среды для журналистов заключается в наглядном и интерактивном представлении новостей на основе геолокации, а также вовлечении в процесс их передачи современных устройств [9, с. 89].

Дополненная реальность уже начала проникать в социальные сети. Наиболее узнаваемыми примерами этого являются фильтры Snapchat, которые используют камеру устройства для наложения в реальном времени визуальных и / или видеокomпонентов на лица людей (включая такие функции, как макияж, собачьи уши и т.д.). Компания даже выпустила фильтры, специально предназначенные для кошек пользователей. Это, вероятно, представляет собой лишь верхушку айсберга, особенно учитывая, что Apple, Facebook, Amazon, Microsoft, Google и Snap занимаются разработками в сфере дополненной реальности, а именно AR-очками и гарнитурами, которые потенциально способны вытеснить смартфон в качестве личного портативного устройства.

В то время как дополненная реальность позволяет пользователям взаимодействовать в своих текущих средах, виртуальная реальность погружает их в другое измерение, и эта технология также, вероятно, будет все больше пронизывать взаимодействия в социальных сетях. Так, после экспериментов с Oculus Rooms (для совместного времяпрепровождения в виртуальном мире, такого как игры, просмотр мультимедиа или общение) и Facebook Spaces (который позволяет друзьям встречаться в виртуальной реальности и взаимодействовать друг с другом благодаря добавленной возможности обмениваться контентом из своих профилей Facebook) компания представила сервис Horizon – игру-«песочницу» в виртуальной реальности, в которой пользователи могут создавать собственные миры, общаться, смотреть фильмы вместе и выполнять другие действия.

Многие страны активно используют виртуальную реальность в производстве медиаконтента. The Wall Street Journal, BBC, The New York Times, ABC News, CNN создают материалы в формате 3D и 360-градусных панорамных сцен. По словам руководителя отдела по работе с клиентами российского офиса Google М. Бравермана, Россия сегодня является передовой страной с точки зрения как потребления VR-контента, так и разработок в данной области [15]. Телеканал Russia Today одним из первых среди мировых СМИ начал производить видео в формате 360°. Панорамные видео доступны на Facebook, в YouTube, а также через приложение RT360. В 2016 году RT первым в мире записал видео 360° в космосе. Сегодня использование технологии VR при создании документальных фильмов является распространенной практикой в редакции.

Технологии виртуальной и дополненной реальности обогащают медиа визуально, тогда как другие разработки позволяют расширить их аудиальный функционал. Предоставление пользователям возможности подавать устройству команды при помощи одного голоса позволит им безопасно взаимодействовать в условиях многозадачности (особенно во время вождения) и добавит определенную насыщенность и аутентичность, которой часто не хватает простым текстовым сообщениям. Перспективность данной технологии подтверждает растущая популярность подкастов и голосового поиска. Наконец, поскольку мобильные телефоны находятся в руках и привязаны к коже, компании и бренды изучают возможности тактильной обратной связи (при касании и передвижении пользователя).

В 2017 году крупнейшее информационное агентство США Associated Press (AP) представило отчет [16] по новым медиа, автоматизации и использованию иммерсивных технологий в журналистике. Эксперты опросили десятки лидеров в области журналистики, технологий, научных исследований и бизнеса и выделили основные тенденции и примеры использования 3D-контента. Кроме того, в сотрудничестве с командой нейрофизиологов авторы попытались измерить заинтересованность пользователей и их мозговую активность при просмотре иммерсивного контента. Исследователи из AP установили, что респонденты быстро теряют интерес к VR-проекту, если его создатели не дают им свободы действий. Поэтому одним из трендов будет передача большего контроля в виртуальных историях самим зрителям. Эксперты прогнозируют, что со временем сформируется новая модель вир-

туальных проектов: это будут не единичные спецматериалы, а целые «пакеты», доступные на разнообразных мультимедийных платформах.

Цифровизация и виртуализация и до 2020 года были заметными тенденциями, но с началом пандемии COVID-19 ускорились. «Коронакризис» потряс основы, которые были устойчивы к изменениям, открыл новые возможности и привел к инновациям, которым раньше могли сопротивляться как производители, так и потребители медиаконтента. Виртуализация социальной среды, в которой функционируют массмедиа, быстро перешла из разряда теоретической концепцией в медиареальность. COVID-19 ускорил мировые тенденции развития СМИ, катализировал реализацию медиатрендов.

По данным WAN-IFRA, более половины редакций выпустили новые продукты в результате пандемии, в том числе в иммерсивных форматах. Например, редакция журнала «Сноб» запустила спецпроект «Коронавирус», одной из составляющих которого стал тематический раздел «Жизнь online», предлагающий читателю разнообразные виды досуга. Данное новшество коснулось не только представителей медиасферы. С 18 марта 2020 года министр культуры Российской Федерации Ольга Любимова поручила всем учреждениям культуры разработать онлайн-программы. Перед ведомствами встал целый спектр задач: в частности, организация онлайн-трансляций и стримов, разработка сайтов и социальных сетей, которые поддерживают онлайн-экскурсии и способны выдержать наплыв пользователей.

Наметившийся поворот к иммерсивным технологиям требует создания все более ресурсоемких форматов с функцией глубокого погружения. Новым трендом в журналистике стала объемная съемка (volumetric capture). В данном случае объект снимают сразу на несколько камер с разных сторон, после чего полученные изображения сводятся в единый трехмерный образ. Как показывает медиааналитика, ситуация вынужденной самоизоляции привела к росту популярности такого контента – виртуальных туров и экскурсий по всему миру (Revfine), музейных экспозиций («Эрмитаж»), приложений для макияжа (Cosmia AR), примерки одежды (Lamoda) и занятий спортом (VR Sport).

Во время пандемии коронавируса технология QR-кодов вышла на новый этап развития благодаря применению для отслеживания перемещений населения, доступа к результатам тестов и прививочным сертификатам. Инструмент дает возможность перейти в цифровую плоскость и открыть расширенный контент. Более того, QR-коды могут выступать в качестве меток для привязки объектов дополненной реальности. Технологию используют, в частности, журналы Esquire и «Сноб».

Итак, иммерсивные технологии дают журналистам возможность переосмыслить принципы организации и построения историй. Однако AR и VR не заменят традиционных новостных форматов: они являются прорывом в желании людей стать ближе к событию, которое их заинтересовало. Современное интерактивное виртуальное пространство, где исчезают различия между далеким и близким, внешним и внутренним, биологическим и автоматическим, порождает новые возможности зрелищности и вовлеченности, стимулируя взаимопроникновение традиционных жанров и новых цифровых технологий. Иммерсивная журналистика как растущая экосистема будет развиваться прямо пропорционально уровню спроса на новые форматы в связи с улучшением технической оснащенности редакций и целевой аудитории.

Согласно данным портала «Медialogия», в начале 2021 года безусловным лидером по цитируемости в социальных сетях стал сайт «РИА Новости». Мы полагаем, что это стало возможным благодаря иммерсивной платформе РИА.Lab (запущена 19 мая 2020 года, обновления вышли 10 марта 2021 года). В российском медиапространстве это первый масштабный проект с использованием иммерсивных технологий. Он был сделан с применением графики, напоминающей компьютерные игры с документальной или публицистической основой. Кроме того, «РИА Новости» обращает внимание на остросоциальные проблемы, которые порой проще показать, чем описать. Так, при помощи виртуальной реальности была создана карта пожаров Сибири, что позволило увидеть горящие гектары леса из эпицентра события. 2020 год известен не только приходом пандемии коронавируса, но 75-летней годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. К памятной дате РИА.Lab подготовил проект «Неизвестный знаменосец», позволяющий оказаться в одной из башен главного здания Третьего рейха «в теле» бойца, пробраться по коньку крыши и установить флаг. Скачав на смартфон приложение РИА.Lab, можно увидеть рождение галактики, побывать на дне океана или стать свидетелем исторических событий.

Используются технологии как виртуальной, так и дополненной реальности. Для проектов AR требуется только смартфон, в то время как для VR необходимы очки виртуальной реальности или кардборд. ДемOVERсия проектов доступна в формате 360°.

Материалы «РИА Новости» в иммерсивных форматах стали лауреатами российских и международных премий. В частности, проекты завоевали Всероссийскую премию «Культура онлайн», Digital Communications Awards, Eventiada IPRA GoldenWorld Awards 2020 и другие. В 2021 году платформа РИА.Lab стала лауреатом премии «Золотое приложение» (организатор – Российская ассоциация электронных коммуникаций) – одной из крупнейших наград российского рынка мобильной разработки.

Многие издания экспериментируют с VR-технологиями в своих проектах, однако, за исключением платформы РИА.Lab, иммерсивные форматы имеют лишь единичные случаи практического применения. Их распространение в журналистике осложнено высокой себестоимостью и длинным циклом производства, а также проблемами, вызванными восприятием таких проектов.

С целью выявления перспектив развития иммерсивной журналистики нами было проведено очное письменное анкетирование целевой аудитории РИА.Lab, в котором приняли участие молодые люди разного пола и сфер деятельности: профессиональный спортсмен (мужчина, 25 лет), филолог (женщина, 21 год), студент (мужчина, 18 лет), актер театра (мужчина, 30 лет), врач-эпидемиолог (женщина, 32 года).

1 вопрос закрытого типа «Часто ли вы видите в новостных сюжетах элементы виртуальной реальности?» был призван выявить степень осведомленности аудитории о новых медийных продуктах.

Варианты ответа «Да» и «Нет» выбрали 2 из 5 опрошенных (40% и 40%). Вариант «Редко» выбрал 1 респондент, что составило 20%. Таким образом, большинство участников опроса все же встречали элементы виртуальной реальности в новостных сюжетах. Однако первый вопрос не показал четкой картины ситуации.

2 вопрос закрытого типа «Вызывают ли такие медийные продукты больший интерес, чем классические форматы подачи информации?» имел целью выявление заинтересованности аудитории в иммерсивных форматах.

Ответ «Да» выбрал 1 из 5 опрошенных (20%). «Нет» не ответил ни один из респондентов. Большинство опрошенных (4 из 5) выбрали вариант «возможно», что составило 80%. В целом, результат можно расценивать как положительный. Аудитория не против экспериментов и новых подходов к созданию новостей и других мультимедийных проектов. Отсутствие отрицательных ответов говорит о желании искоренить уже устоявшиеся форматы.

3 вопрос открытого типа был сформулирован следующим образом: «В чем преимущество подобного сторителлинга? Пожалуйста, прокомментируйте свой ответ». Вопрос был включен в анкету с целью выявления актуальности иммерсивных форматов с опорой на субъективное мнение респондентов.

Респондентами были предоставлены следующие ответы:

1. «В связи с плотным графиком не находится времени на глубокий анализ новостей. Возможно, не замечал».

Элементы дополненной реальности, по мнению респондента, трудно отличить от обычных новостных сюжетов, однако быть уверенными в том, что они ему не интересны, мы не можем. Ответ дан в нейтральной формулировке.

2. «Дабы рассказать историю, необходимо ее не просто описать, но и дать возможность погрузиться в происходящее. У меня есть очки виртуальной реальности, поэтому я часто ищу такой контент».

Респондент демонстрирует высокую заинтересованность в иммерсивных форматах.

3. «Мне практически не попадают подобные материалы. Считаю, что погружение не для каждого читателя, слушателя, зрителя необходимо».

Сам термин погружения уже плотно укрепился в сленге аудитории, однако респондент не может назвать иммерсивную журналистику явлением распространенным.

4. «Люблю, когда в СМИ применяют новые «фишки». Но вижу их редко или, может быть, они мне просто не попадают».

Ответ можно расценивать как положительный. Однако уже второй респондент отмечает, что ему нечасто попадаются иммерсивные форматы. Можно предположить, что не все СМИ пошли по пути цифровизации.

В 4 вопросе («Какие СМИ вы можете назвать передовыми в использовании современных технологий при создании сюжетов?») респондентам был предложен выбор из четырех крупных медиа с целью выявления у аудитории наиболее популярных СМИ.

Ответ «Первый канал» дал 1 из 5 опрошенных, что оставило 20%. «Риа.Новости» выбрали 3 из 5 опрошенных, что оставило 60%. Данный результат является показателем заинтересованности аудитории в дополненной реальности в новостной повестке данного СМИ. «ТАСС» выбрал 1 из 5 респондент, что составило 20%. Ответ «Известия» – 0%. Таким образом, «Риа.Новости» стал самым частым ответом респондентов. Если речь идет о современных технологиях в период пандемии, то это СМИ является ведущим по внедрению и использованию современных технологий в своих проектах.

5 вопрос закрытого типа «Знакомы ли вы с платформой иммерсивной журналистики РИА.Lab?» был задан с целью выявления степени популярности у аудитории проектов, реализованных СМИ на своих платформах.

«Да» ответил 1 из 5 опрошенных, что оставило 20%. Вариант «Встречал(а) несколько раз» выбрали 2 из 5 опрошенных, что составило 40%. Данный результат является показателем заинтересованности аудитории в проекте дополненной реальности данного СМИ. Ответ «Слышал(а) однажды. Выбрал 1 из 5 респондентов, что оставило 20%. «Нет» ответил 1 из 5 респондентов (также 20%). Можно сказать, что проект «Риа.Новости» начинает набирать популярность у аудитории. Вариант ответа «Встречал(а) несколько раз» стал самым частым среди респондентов. Это СМИ является ведущим по внедрению и использованию современных технологий в своих проектах.

6 вопрос закрытого типа был обобщающим: «Как вы считаете: в период самоизоляции стало больше подобных сюжетов?».

«Да» ответили 3 из 5 опрошенных, что оставило 60%. Это говорит о появлении большого количества материалов с элементами виртуальной реальности в новостной повестке СМИ в период пандемии. Вариант «Нет» не был выбран респондентами. Данный результат является показателем технического прорыва при создании новостных сюжетов и проектов СМИ. Ответ «Возможно» выбрали 2 из 5 респондентов (40%), что также подтверждает гипотезу нашего исследования. Сегодня новостные сюжеты, основанные на иммерсивных технологиях, по мнению респондентов, встречаются чаще. Таким образом, самоизоляция открыла новые возможности как для СМИ, так и для аудитории.

7 вопрос закрытого типа звучал следующим образом: «Есть ли будущее у таких форматов?». Он был задан финальным с целью выявления перспектив виртуальной и дополненной реальности в новостных сюжетах.

Ответ «Да» выбрали 2 из 5 опрошенных (40%). Вариант «Нет» не был выбран респондентами, что говорит о перспективности развития сюжетов с элементами виртуальной реальности в новостной повестке СМИ. Большинство респондентов выбрали ответ «Возможно» (3 из 5 – 60%), что также является положительным результатом. Перспектива у VR-проектов, безусловно, есть, однако эта сфера только начинает развиваться. Вероятно, по этой причине большинство новостных сюжетов либо остались незамеченными, либо не были идентифицированы респондентами как новый виток развития журналистики. Все участники опроса отметили перспективность и конкурентоспособность иммерсивных форматов в цифровую эпоху.

Для получения более объективной картины нами был проведен тематический онлайн-опрос «Актуальность и востребованность платформы иммерсивной журналистики РИА.Lab» с участием более ста граждан РФ и ближнего зарубежья. Респондентам было предложено ответить на три вопроса закрытого типа. В каждом из них можно было выбрать несколько вариантов ответов.

На вопрос о знакомстве с проектом «РИА Новости» более 90% участников онлайн-опроса дали утвердительный ответ (рис. 1).

Вы ранее знали о существовании платформы иммерсивной журналистики РИА.lab?
100% ответов

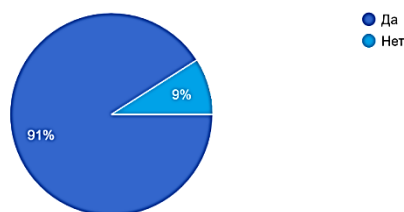

Рис. 1

В следующем вопросе респонденты должны были определить отличительные особенности высокотехнологичной платформы РИА.lab (рис. 2), выбрав один или несколько вариантов ответа.

В чем, по Вашему мнению, её уникальность?

100% ответов

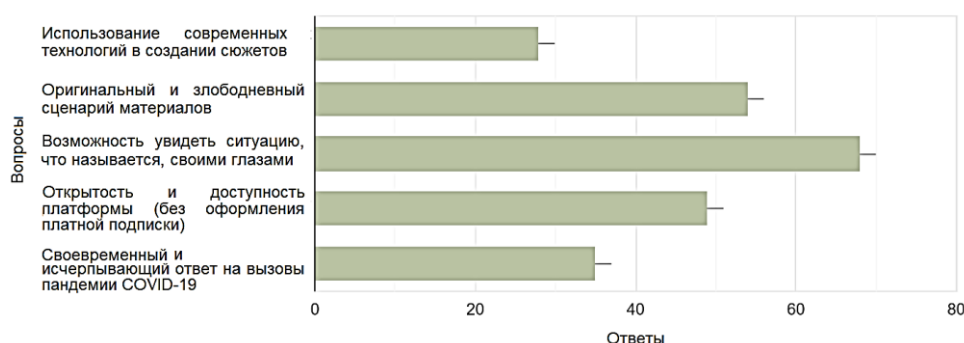

Рис. 2

Таким образом, больше всего аудиторию привлекает возможность непосредственного участия в событии. За данный вариант ответа проголосовали 68 участников из 100 (68%). Менее важным, но все же значимым критерием респонденты считают оригинальный и злободневный характер сюжетов виртуальной реальности (54%). Доступность платформы (бесплатный контент) является, по мнению аудитории, менее значительным фактором (49%), как и ответ на вызовы пандемии COVID-19 (35%). Использование современных технологий в создании сюжетов стал самым непопулярным вариантом (28%).

Заключительный вопрос (рис. 3) имел целью выявление возрастного диапазона аудитории иммерсивных форматов.

Сколько Вам полных лет?

100% ответов

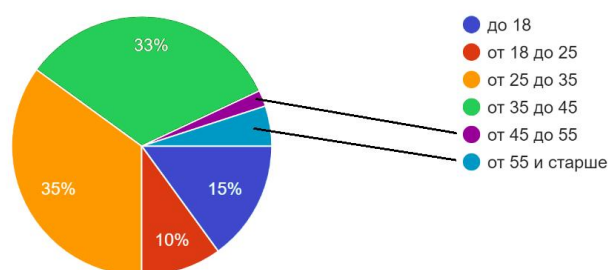

Рис. 3

Полученные данные иллюстрируют, что самыми активными участниками онлайн-анкетирования оказались респонденты от 25 до 45 лет. В наименьшей степени опросом заинтересовались пользователи среднего и старшего возраста (7% в общей сложности).

Подводя итог, отметим, что исследуемая аудитория знает о новой платформе иммерсивной журналистики РИА.lab и, более того, высказывается о необходимости внедрения цифровых технологий в деятельность современных СМИ.

Сегодня в распоряжении журналистов есть большое количество мультимедийных инструментов сторителлинга, которые не только привлекают аудиторию, но и позволяют потребителям информации исследовать и создавать свои собственные повествования. Общество становится нечувствительным к обычным новостям и требует непосредственного присутствия на месте событий. В ответ на новые потребности общества развиваются иммерсивные форматы, позволяющие визуализировать информацию и предоставлять ее в большем объеме, чем способны вместить страницы интернет-ресурсов. Новые технологии, такие как 360-градусное видео, дополненная и виртуальная реальность, представляют собой сдвиг в отрасли – от пассивного к активному потреблению, при котором в роли корреспондента выступает сам зритель. По словам менеджера по стратегии Associated Press Ф. Маркони и специалиста по СМИ в AP Т. Накагавы [там же], за таким динамичным повествованием – будущее журналистики.

Ускорение глобальной цифровизации во многом обусловлено пандемией коронавируса, сформировавшей новые модели медиапотребления в 2020-2021 годах. По данным Института исследований журналистики «Рейтер» [17], 76% главных редакторов, генеральных директоров и других лидеров медиаиндустрии отмечают, что COVID-19 ускорил их планы по переходу на цифровые технологии. Большинство опрошенных (73%) уверены в конкурентоспособности своего СМИ, однако только 53% считают, что у журналистики в классическом понимании есть будущее. Подавляющее большинство (88%) респондентов полагает, что концепция беспристрастности важна как никогда. Культивирование инноваций остается ключевой задачей для многих цифровых лидеров. При этом 74% отмечают, что запуск новых форматов должен быть обоснован, в первую очередь, высоким спросом на них у целевой аудитории. Согласно прогнозам экспертов, в ближайшие годы значительно увеличится количество очных репортажей и прямых трансляций. Онлайн-видео уже зарекомендовало себя как действенный инструмент в борьбе с дезинформацией. Развитие искусственного интеллекта и мобильной техники (включая носимые устройства и умные очки) набирает обороты во всем мире, поэтому деятели медиасферы должны быть готовы к тому, что контент будет использоваться на все большем количестве устройств и каналов распространения. Одно из достижений, которое потенциально окажет фундаментальное влияние, – это 5G. Так, журналисты смогут делать фотографии и видео в формате 360° в режиме реального времени и автоматически передавать их в эфир.

Подводя итоги исследования, посвященного применению технологий виртуальной и дополненной реальности в СМИ, мы приходим к следующим выводам:

- В практике мировых массмедиа выработался новый подход к репортажам – динамическое повествование, которое ставит потребителя новостей в центр процесса. Во время пандемии данный метод доказал свою эффективность и востребованность.

- «Журналистика погружения» реализует новые способы подачи материала, которые оказывают положительное воздействие на восприятие контента, учитывая традиции лучших публицистических материалов.

- Оборудование для создания AR и VR становится все более доступным как с экономической, так и с практической точки зрения.

- Наиболее распространен иммерсивный формат – панорамные видео. Такие проекты есть в России и за рубежом, но пока они носят имиджевый характер.

- Иммерсивные технологии используют многие издания, однако в России лидером остается «РИА Новости» с проектом РИА.Lab, запущенным во время пандемии коронавируса.

- Как показало анкетирование, аудитория готова к новым форматам в СМИ. Важность современных технологий бесспорна, и те СМИ, которые готовы на эксперименты, уже вписали свое имя в историю отечественных медиа.

Анализируя специфику использования иммерсивных технологий современными медиа, можно прийти к выводу, что данные инновации активно развиваются в современном информационно-коммуникационном пространстве. Дополненная реальность сегодня широко применяется в медицине, психологии, дизайне (и искусстве в целом), строительстве, политике и, конечно, в журналистике. Потенциал всех форм искусственной реальности огромен. Однако вследствие ограниченности тематики, а также наличия ряда технических помех для потребления контента пользователями освоение AR и VR не является приоритетом для новостных ресурсов. По этой причине применение данных технологий в журналистике до сих пор находится в начальной стадии. Но, как показывают исследования и практика, потребитель уже готов к контенту такого типа, поэтому закономерно его прогрес-

сивное развитие и распространение. Дальнейшее расширение научных представлений об иммерсивной журналистике будет способствовать эффективному использованию данных технологий в медиа-практике.

Библиографический список

1. You Are There. Available at: <https://interviews.televisionacademy.com/shows/you-are-there> (date of application: 13.11.2021).
2. Корнев М. Виртуальное для реального: новые измерения. Режим доступа: <http://jrnlst.ru/content/virtualnoe-dlya-realnogo-novye-izmereniya> (дата обращения: 13.11.2021).
3. Rayan M. -L. (2011) Narrative as Virtual Reality. Johns Hopkins University Press.
4. Дворко Н.И. Интерактивное повествование и режиссура мультимедиа. Сборник научных трудов Центра образования и исследований в области интерактивных цифровых медиа. СПб, 2018.
5. Замков А.В., Крашенникова М.А., Лукина М.М., Цынарева Н.А. Иммерсивная журналистика: подходы к теории и проблемам образования // Современные информационные технологии и ИТ-образование, 2017. Т. 13, № 1. С. 166-172.
6. De La Pena N. (2010) Immersive Journalism: Immersive Virtual Reality for the First-Person Experience of News, vol. 19, No. 4. Pp. 291-301. Massachusetts Institute of Technology.
7. Вартанова Е.Л., Вyrковский А.В., Смирнов С.С., Макеенко М.И. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир. 2017.
8. Гаврилов А.А. Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37), ч. 1. С. 45-47.
9. Вихорева Л.Г. Приложения дополнительной реальности как вспомогательный фактор рекреативной журналистики // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика, 2016, № 3. С. 84-91.
10. Благоев Ю.В. Иммерсивная журналистика в медиареальности // Вестник Волжского Университета имени Татищева, 2017. Т. 2, № 3. С.146-154.
11. Благоев Ю.В. Традиции и новаторство в журналистике погружения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2019. Т. 1, № 4. С.103-110.
12. Манович Л. З. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
13. Суходолов А.П. СМИ и виртуальная реальность: Новые возможности и перспективы // Вопросы теории и практики журналистики, 2018. Т. 7, № 4. С. 567-580.
14. Уткин А., Покровская Н. Белое зеркало: учебник по интерактивному сторителлингу в кино, VR и иммерсивном театре. М.: Альпина Паблшер, 2020.
15. Максим Браверман про внедрение VR: «Я не вижу принципиальной разницы между Россией и другими странами». Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/maksim-braverman-pro-vnedrenie-vr-ya-ne-vizhu-principialnoj-raznitsy-mezhdu-rossiej-i-drugimi-stranami-27701.html> (дата обращения: 13.11.2021).
16. A new AP report charts the future of immersive journalism. Available at: <https://www.storybench.org/new-ap-report-charts-future-immersive-journalism/> (date of application: 13.11.2021).
17. Journalism, media, and technology trends and predictions 2021. Available at: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2021> date of application: 13.11.2021).

References

1. You Are There. Available at: <https://interviews.televisionacademy.com/shows/you-are-there> (date of application: 13.11.2021).
2. Kornev M. Virtual for real: new dimensions. Available at: <http://jrnlst.ru/content/virtualnoe-dlya-realnogo-novye-izmereniya> (date of application: 13.11.2021).
3. Rayan M. -L. (2011) Narrative as Virtual Reality. Johns Hopkins University Press.
4. Dvorko N.I. (2018) Interaktivnoe povestvovanie i rezhissura multimedia [Interactive storytelling and multimedia mode]. SPb.
5. Zamkov A.V., Krashennnikova M.A., Lukina M.M., Tsynareva N.A. (2017) Immersivnaya zhurnalistika: podhody k teorii i problemam obrazovaniya [Immersive journalism: approaches to theory and problems of education]. Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie 1: 166-172.
6. De La Pena N. (2010) Immersive Journalism: Immersive Virtual Reality for the First-Person Experience of News 4: 291-301. Massachusetts Institute of Technology.
7. Vartanova E.L., Vyrkovskij A.V., Smirnov S.S., Makeenko M.I. (2017) Industriya rossijskih media: cifrovoe budushchee [The Russian Media Industry: the Digital Future]. Moscow: MediaMir Publ.

8. Gavrilov A.A. (2013) Mediarealnost kak tip virtualnoj realnosti [Media-Reality as type of Virtual Reality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 11 (37): 45-47.
9. Vikhoreva L.G. (2016) Prilozheniya dopolnitelnoj realnosti kak vspomogatelnyj faktor rekreativnoj zhurnalistiki [Augmented Reality Apps as an Accessory Factor of Recreative Journalism]. *Vestnik RUDN* 3: 84-91.
10. Blagov Yu.V. (2017) Immersivnaya zhurnalistika v mediarealnosti [Immersive Journalism in Mediareality]. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni Tatishcheva* 3: 146-154.
11. Blagov Yu.V. (2019) Tradicii i novatorstvo v zhurnalistike pogruzheniya [Traditions and Innovation in Immersive Journalism]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* 4: 103-110.
12. Manovich L.Z. (2018) Yazyk novyh media [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press Publ.
13. Sukhodolov A.P. (2018) SMI i virtualnaya realnost: Novye vozmozhnosti i perspektivy [Mass Media and Virtual Reality: New Opportunities and Prospects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 4: 567-580.
14. Utkin A., Pokrovskaya N. (2020) Beloe zerkalo: uchebnik po interaktivnomu storitellingu v kino, VR i immersivnom teatre [White Mirror: a Tutorial for Interactive Storytelling in Film, VR, and Immersive Theater. Moscow: Alpina Publ. (In Russian)
15. Maxim Braverman about VR implementation: "I don't see any fundamental difference between Russia and other countries". Available at: <https://www.sostav.ru/publication/maksim-braverman-pro-vnedrenie-vr-ya-ne-vizhu-printsiipalnoj-raznitsy-mezhdu-rossiej-i-drugimi-stranami-27701.html> (date of application: 13.11.2021).
16. A new AP report charts the future of immersive journalism. Available at: <https://www.storybench.org/new-ap-report-charts-future-immersive-journalism/> (date of application: 13.11.2021).
17. Journalism, media, and technology trends and predictions 2021. Available at: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2021> (date of application: 13.11.2021).

УДК 82.0

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.74.48.019

*Государственный музей истории
русской литературы имени В.И. Даля
кандидат культурологии
ведущий научный сотрудник
Зайцев В.С.
Россия, г. Москва
тел. 8 (495) 691-61-54
e-mail: vik.zaitsev2014@yandex.ru*

*Vladimir Dahl Russian State
Literary Museum*

*PhD in Culturology, researcher
Zaitsev V.S.
Russia, Moscow
tel. 8 (495) 691-61-54
e-mail: vik.zaitsev2014@yandex.ru*

В.С. Зайцев

СОВЕТСКОЕ ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ЧЕХОВЕДЕНИЕ 1930-1950-х гг.

Статья посвящена советским чеховедческим публикациям, появившимся в 1930-1950-е гг. на страницах различных журналов и газет. Публикации, как правило, были приурочены к знаменательным датам, связанным с именем А.П. Чехова: годовщинам со дня рождения и смерти. Будучи явлением «второго порядка» относительно генеральной линии советского чеховедения, эти материалы представляют и самостоятельный интерес как феномен безусловно своеобразный. Для уяснения специфики журнально-газетных чеховедческих штудий в статье выявлены наиболее распространенные тематические аспекты (тематические блоки) текстов и предложена их краткая история и характеристика. Установлено, что многие устойчивые в более позднем советском чеховедении описания специфики чеховского мировосприятия и творчества (обличительные мотивы, сатирическая направленность, гуманизм) претерпевали значительные трансформации в публицистике 1930-1950-х гг., вплоть до диаметрально противоположных трактовок. Например, гуманизм в 1930-е гг. трактовался как мировоззренческий недостаток, а наиболее противоречивые интерпретации касались социальных взглядов А.П. Чехова: журнальное и газетное чеховедение в данном вопросе прошло путь от попыток революционизации чеховских идейных установок к ее отрицанию и обратно. Важную роль в этом процессе сыграл фельетон М.Е. Кольцова «Чехов без грима», предлагавший наиболее радикальный вариант, а также публикации А.Б. Дермана и А.И. Роскина, содержавшие более дифференцированные трактовки. В целом, к концу 1950-х гг. наиболее распространенными и варьируемыми в тех или иных публикациях тематическими блоками стали те девять, которые и разобраны в предлагаемой статье.

Ключевые слова: советское чеховедение, журнально-газетное чеховедение, тематический блок, М.Е. Кольцов.

V.S. Zaitsev

SOVIET CHEKHOVIAN STUDIES IN MAGAZINES AND NEWSPAPERS OF 1930-1950s

The article is devoted to the Soviet Chekhovian works, which were published in many newspapers and magazines in 1930-1950s. As a rule publications were dated to significant dates associated with the name of A.P. Chekhov: anniversaries of birth and death. Being a phenomenon of the "second order" in relation to the general Soviet line of Chekhovian studies, these articles are also undoubtedly unique phenomenon and deserved a research. To clarify the specifics of Chekhovian studies of magazines and newspapers, the article identifies the most common thematic aspects (thematic groups) of the texts and offers brief history and characteristics of every thematic group. It has been established that many descriptions of the specifics of Chekhov's perception of the world and creativity (accusatory motives, satirical orientation, humanism), which are stable in the later Soviet Chekhovian studies, underwent significant transformations on the magazines and newspapers texts of the 1930-1950s, up to diametrically opposite interpretations. For example, humanism in the 1930s was interpreted as an ideological flaw. The most contradictory interpretations were about social views of A.P. Chekhov: magazine and newspaper Chekhovian studies in this matter have gone from attempts to revolutionize Chekhov's ideological attitudes to its rejection and vice versa. The article "Chekhov without make up" by M.E. Koltsov which offered the most radical version was important part in this process. As well as publications by A.B. Derman and A.I. Roskin which contain more differentiated interpretations. In general, by the end of the 1950s the most common and varied thematic groups in various publications are nine groups that are

researched in the proposed article.

Key words: Soviet Chekhovian studies, Chekhovian studies in magazines and newspapers, thematic pattern, M.E. Koltsov.

Наиболее характерное воплощение содержательная составляющая журнально-газетной линии советского чеховедения нашла в тематических блоках. Предлагаемая ниже классификация и характеристика такого рода тематических констант не претендует на полноту, однако вполне адекватно описывает наиболее общие и наиболее распространенные тематические предпочтения, связанные с трактовками чеховского творчества на страницах различных журналов и газет. Анализ произведен на основании ста пятидесяти публикаций 1930–1950 гг. Характеристика каждого блока будет сопровождаться несколькими показательными примерами.

1) Обличительные мотивы чеховского творчества: ненависть к мещанству, пошлости и т.п.

Тема обличительной направленности чеховского творчества – наиболее излюбленная мотивировка ценности наследия А.П. Чехова для пооктябрьской культуры, нашедшая отражение в статьях А.В. Луначарского, М.Е. Кольцова, материалах юбилейного 1929 г., когда появилось большее количество публикаций, связанных с 25-летием со дня смерти А.П. Чехова, и т.д. Тенденция закрепились в 1930–1950-е гг., и среди нашей тематической выборки данный блок лидирует: почти во всех рассмотренных нами статьях данного периода так или иначе затрагиваются мотивы борьбы писателя с негативными проявлениями дореволюционной культуры, быта и психологии людей и т.д.

В середине 1930-х обличительные интенции чеховского творчества узаконивали его актуальность. В. Полянский писал, что А.П. Чехов «близок нам, поскольку он осмелел пошлость и мещанство, призывал идти вперед. Он нужен нам и теперь, покуда в жизни еще немало остатков мещанства и разного вида пошлости» [1; с. 3]. Подобного рода выводами публикации, как правило, заканчивались. К началу 1940-х гг. обличительные мотивы чеховских произведений меняют статус: из подсобного иллюстративного материала к идентификации пошлости и мещанства они заостряются и становятся самоценной частью мировосприятия и наследия А.П. Чехова. В 1940 г. А.М. Лейтес пишет о нескрываемом отвращении, с которым писатель «клеимит художественное слово царский режим пришибеевых, челоуеков в футлярах, чиновников-хамелеонов, дворян-самодуров, купцов-толстосумов, судей-взяточников – всю мертвящую атмосферу самодержавно-бюрократического феодального строя» [2; с. 3]. А.М. Еголин четыре года спустя заявляет: «Чехов бичевал отрицательные явления жизни в царской России... и одновременно звал к изменению условий общественной жизни» [3; с. 3]. Блок дожил, без формальных и содержательных корректив, до юбилейного 1954 г. В контексте журнально-газетных торжеств, посвященных памятной дате, А. Котов заявлял, что А.П. Чехов «во всем своем творчестве... выступает врагом собственничества, разоблачителем нелепостей и мрачных несурзностей буржуазного строя» [4; с. 2]. В. Сидорин квалифицировал писателя как «непримиримого противника мещанства», который «беспощадно бичевал пороки буржуазного общества» [5; с. 3] и т.п.

2) Социальный оптимизм и революционность мировоззрения и творчества А.П. Чехова.

Тема изначально была тесно связана с разоблачительными мотивами, а соответствующие акценты расставлялись в зависимости от взглядов конкретного автора и веяний конкретного периода.

В конце 1920-х гг. А.П. Чехов, в первую очередь благодаря фельетону М.Е. Кольцова «Чехов без грима», был зачислен в ряды «буревестников». Тенденция к радикализации чеховского мировосприятия несколько ослабла на рубеже 1920–1930-х гг., и в середине 1930-х гг. никакой буквальной полноценной чеховской революционности уже почти никто не усматривал. Если революционная концепция у А.П. Чехова все-таки постулировалась, то с подчеркиванием ее «наивности»: «Революция как этическое возмездие за ужасы крепостного бесправия» [6; с. 3]. Промежуточный вариант был найден к концу 1930-х гг. Специфика этого варианта – в отстаивании объективной прогрессивности (которая в рамках марксистской парадигмы не могла не быть революционной) чеховского творчества, безотносительно к субъективным задачам как автора, так и многих дореволюционных (народнических, либеральных, консервативных) критиков и читателей, данную прогрессивность не замечавших. Например, А. Б. Дерман отмечал, что для положительных и революционных предсказаний читатель рубежа XIX–XX вв. имел более осведомленных руководителей, чем А.П. Чехов (в лице авторов революционной литературы или руководителей подпольных кружков), а в собственно писательском поле – М. Горького. Однако «никто не умел сказать читателю более страстно и сильно, чем Чехов, этих магических слов предреволюционного настроения: “Больше жить так невозможно”». Именно в этом, по А.Б. Дерману, и заключалась «подлинная миссия Чехова, которая в конкретных условиях того времени, по тому действию, которое она производила,

должна быть по справедливости названа *революционной*» [7; с. 3]. Иными словами, «революционизирующий» эффект чеховской прозы и драматургии, в рамках подобного подхода, обуславливался читательской рецепцией и отчуждался от авторских задач.

К началу 1940-х гг. трактовки изменились, и писатель превратился в общественника-обличителя с положительной, пусть и не лишенной недостатков, программой. Характерен прямо полемический выпад А.И. Роскина: «Много писалось о расплывчатости чеховского представления о будущем. Это верно. Но в этой расплывчатости не было ничего от равнодушия. Огромное уважение к будущему, – а в конечном счете оно рисовалось Чехову революционным будущим, – заставляло его отбрасывать всякие суррогаты идеалов, всякую ложную, дешевой ценой доставшуюся программность» [8; с. 4].

Формат подобного рода трактовок сохранялся и в 1950-е гг. Например, «Литературная газета» в юбилейной редакционной статье писала о «силе и уверенности», с которыми А.П. Чехов говорил в своих произведениях «о непрочности того строя, который охраняли “печенег”, пришибеёвы и “человеки в футлярах”», о последнем периоде творческого пути писателя, пронизанном «взволнованным предчувствием социальных перемен» [9; с. 1].

Вектор переакцентировок в подходах к общественно-политической составляющей чеховского творчества выявляется с помощью сопоставления работ разных периодов одного и того же автора. Например, разделенных десятилетием (1934–1944 гг.) трактовок Л.А. Плоткина. Недостатки чеховской социальной программы, в 1944 г. идущие прицепом к протестным настроениям и бунтарскому пафосу писателя, в 1934 г. были, в свою очередь, ключевым аспектом мировоззрения А.П. Чехова, а роль прицепа играла как раз абстрактная «оптимистическая струя». Версия 1934 г. сводится к тому, что А.П. Чехов не верил в революцию, для его позиции была характерна «социально-политическая дезориентация», и единственный выход писатель увидел в «культурном капитализме» [10; с. 131, с. 135, с. 136]. Статья 1944 г. сообщает, что «борьба за активное, действенное, критическое отношение к жизни приобрела у Чехова политическое содержание, революционное по своей сущности», а «страстным и нетерпеливым ожиданием» революционной бури оказывается «проникнуто все творчество Чехова» [11, с. 44, с. 50]. В 1944 г. любые отмечаемые недостатки (типа пресловутой «неконкретности» социально-политических прогнозов) расцениваются как незначительные издержки положительного по своей сути социального оптимизма. В 1934 г. самый социальный оптимизм писателя (связанный, напомним, с верой в капиталистический прогресс) котируется как следствие глобальных изъянов общественной позиции. В целом, разноголосица была характерна не только для продолжительных хронологических отрезков – в этом случае она как раз естественна, – но и для более компактных временных промежутков.

Так, открывая в 1935 г. очередной номер «Нового мира», читатель, помнивший статью Л.А. Плоткина 1934 г., мог прийти в недоумение: А.О. Старчаков доказывал, что «всякая попытка показать Чехова выразителем... буржуазного прогресса, обречена на неудачу. Чехов был и остается типичным восьмидесятником, вскормленным мрачной и реакционной эпохой» [12; с. 200]. Если вспомнить, что в 1934 г. была напечатана и чеховская биография Ю.В. Соболева, в которой последний объявлял писателя идеологом «радикальной буржуазии» и апологетом именно «буржуазного» варианта прогресса [13; с. 308], остается только предполагать, как массовый любитель чеховского творчества ориентировался в этом изобилии несоотносимых друг с другом трактовок.

3) А.П. Чехов и М. Горький.

На М. Горького авторы публикаций, посвященных А.П. Чехову, возлагали два варианта функций: великий пролетарский писатель либо предоставлял сугубо иллюстративный цитатный материал, либо, здесь мы имеем дело с полноценной темой, акцент ставился на идейных и творческих связях М. Горького и А.П. Чехова.

Во многих статьях 1934 и 1935 гг. интенции чеховского и горьковского творчества не столько сопоставлялись, сколько противопоставлялись: А.П. Чехов «проигрывал» М. Горькому либо вследствие неконкретности общественно-политических чаяний, либо благодаря «классовым» причинам – старший современник, в отличие от молодого «буревестника», не увидел и не оценил историческую прогрессивность пролетариата.

Одним из первых вопрос не только о влиянии, но о взаимовлиянии художников затронул А.И. Роскин, выступивший против односторонности трактовки темы «Чехов и Горький»: «Если Чехов сыграл известную роль в формировании горьковского мастерства, то Горький, в свою очередь, вошел некоторыми сторонами своего творчества в писательский труд Чехова» [14; с. 3]. В результате уже к памятным дням 1939 г. выводы по теме трансформируются, и в публикациях, рассчитанных на массового читателя,

взаимоотношения писателей преподносились в бескомпромиссном лозунговом формате: «Поколение наших счастливых дней, гордясь именем славного Горького, великого гражданина нового человечества, гордясь наследством замечательного писателя Чехова, с глубокой любовью и признательностью сохраняет благодарность к нему за то, что он, наш Чехов, был духовным и творческим другом и учителем нашего великого Горького» [15; с. 2].

Линия на духовное сближение писателей в дальнейшем продолжается, и А.П. Чехов укореняется в статусе горьковского друга. Поначалу А.П. Чехов не совсем ясно представлял себе, как должна быть разрушена «скверная жизнь» – «в отличие от своего друга – великого писателя-революционера Горького» [16; с. 4]. Впоследствии М. Горький метаморфизировал в «близкого друга» [17; с. 4]. Наконец, «великий пролетарский писатель» стал «нежным и мудрым другом Чехова», а последний, в свою очередь, «родным братом» М. Горького «по всему духу творчества» [18; с. 3].

В не столь радикальной по форме, но сопоставимой по содержанию взаимной близости писатели встретили и 1954 г.: писали о том, что М. Горький был обязан «бесконечно многим» А.П. Чехову [19; с. 5], о том, что, «учась у своего старшего современника», М. Горький лучше всех видел «зовущую, оптимистическую ноту чеховского творчества» и первый распознал у А.П. Чехова «любовь к народу, веру в силы тружеников» [20; с. 1] и т.д.

4) *А.П. Чехов – мастер формы.*

В первой половине 1930-х гг. чаще всего использовался типовой вариант раскрытия темы: увязывание мастерства, о котором часто упоминалось мимоходом, без конкретизации, А.П. Чехова и общественных мотивов его творчества, когда писатель «с мастерством большого художника, обладающего редким талантом юмористического отображения отрицательных явлений жизни, заклеил многие темные стороны капиталистического общества» [21; с. 3]. Другой распространенный вариант раскрытия формального своеобразия чеховского наследия заключался в репрезентации А.П. Чехова как «пролагателя новых художественных путей», в процессе открытия которых писатель поднялся «до высочайших вершин художественного творчества» [22; с. 2]. Формулы, описывавшие специфику феномена, редко были развернутыми (особенно в юбилейных публикациях, рассчитанных на неискушенного читателя).

Плодотворными не только для описания формальных достоинств чеховского творчества, но и для его актуализации, стали незабытые со времен литературных дискуссий 1920-х гг. идеи «учебы у классиков». Один из непосредственных участников этих дискуссий – В.В. Ермилов, отдельную главу большой юбилейной статьи 1944 г. называет «Значение художественного метода Чехова для современной литературы». Данное значение сводится к возможности поучиться у А.П. Чехова не только «великому чувству меры, реальным жизненным пропорциям», но и умению «обнаружить красоту обычного, внутреннюю силу множества “маленьких”, рядовых русских людей», и жадному интересу и вниманию «к каждой отдельной человеческой личности» [23; с. 207-208].

Таким образом, чеховские профессиональные писательские навыки, пройдя периоды снисходительной и, далее, ритуально-восторженной констатации, встраивались в ценностную систему официального литературоведения, обслуживая в том числе и временные ее потребности – например, характерное для 1944 г. подчеркивание «русскости» классиков отечественной культуры. Эта «утилитарная» идейная функциональность окажется востребована и десять лет спустя, когда наряду со стандартизированными юбилейными славословиями будут решаться актуальные идеологические проблемы. Например, А.П. Чехов стал «союзником» в борьбе с поставщиками, по определению редакционной статьи «Труда», «идейно порочных произведений» А.Б. Мариенгофом и Л.Г. Зориным, которым противопоставлялось «одно из важнейших указаний Чехова о том, что через положительные образы художник раскрывает свой идеал человека» [24; с. 1]. «Верным противоядием против эстетства, формализма» [25; с. 2] был объявлен чеховский реализм на страницах «Вечерней Москвы».

5) *Творчество А.П. Чехова в работах В.И. Ленина и И.В. Сталина.*

Ленинско-сталинский тематический блок – один их наименее эксклюзивных: юбилей любого автора, на которого хотя бы единожды ссылался кто-либо из классиков марксизма, подразумевал ссылку на соответствующие цитаты, либо на воспоминания родственников или друзей.

Блок оформлялся постепенно: с начала 1920-х гг. многие авторы в газетных и журнальных публикациях, посвященных А.П. Чехову, апеллировали к ленинскому авторитету и примерам употребления В.И. Лениным чеховских образов, с начала 1930-х гг. в такого рода материалах появляется имя И.В. Сталина. Для официального чеховедения знаковую роль сыграло известное выступление последнего на шестнадцатом съезде ВКП (б) в 1930 г., где И.В. Сталин сравнивал лидеров «правой оппозиции» с

чеховским Беликовым [26; с. 1]. Окончательно «дуумвиратный» ленинско-сталинский вариант закрепляется к юбилею А.П. Чехова 1939 г.

Появлялись статьи, специально посвященные ленинскому и сталинскому отношению к творческому наследию А.П. Чехова. Например, И. Зильберштейн, ссылаясь на воспоминания Н.К. Крупской, что В.И. Ленин при выборе художественной литературы руководствовался идейностью каждой конкретной книги, приходит к выводу: именно поэтому «Ленин так любил произведения Чехова и так часто обращался к его образам» [27; с. 7]. Еще более характерное резюме находим на страницах «Молота»: «Чехов не хотел быть политическим писателем, но произведения его внедрились в политику, стали оружием борющегося за свободу человечества. Такова логика истории, такова судьба каждого истинно великого художника» [28; с. 3].

В 1944 г. много цитировали сталинское упоминание имени А.П. Чехова в речи от 6 ноября 1941 г., посвященной годовщине Октябрьской революции и войне: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!...» [29; с. 2]. Позднее массовость упоминания и цитирования В. И. Ленина и И.В. Сталина в контексте чеховских юбилейных публикаций снизилась, но не исчезла, сохранившись и до юбилея 1954 г. О любви марксистских классиков к чеховскому творчеству упоминали в порядке констатации факта, не вдаваясь в подробности. Это отчасти объясняется в том числе и тем, что невозможно было бесконечно воспроизводить одни и те же цитаты о меньшевиках-душечках, правых уклонистах-Беликовых и о нелюбви советских людей к Пришибеевым – как, например, невозможно было бы продолжать в 1950-е гг. всерьез бороться с «авербаховщиной» или «переверзевщиной».

б) Гуманизм чеховского творчества.

Гуманизм был одним из ключевых качеств любого вошедшего в «официальную антологию» писателя, и А.П. Чехов не стал исключением. Редкий для середины 1930-х гг. случай трактовки чеховского гуманизма как мировоззренческого недостатка, относится к «новомирской» статье А.О. Старчакова 1935 г., в которой констатируется, что «и разрыв Чехова с Сувориным, и высказывания по поводу дела Дрейфуса были продиктованы соображениями гуманистического порядка и ни в какой мере не позволяют сделать выводы о решительном переломе в миропонимании Чехова», т.е. отходе от мировоззрения «буржуазной интеллигенции» с ее «скептицизмом и упованием на лучшие времена» [12; с. 199]. Гуманизм в такой трактовке не только не искупает огрехов общественно-политической позиции, но и вообще выводится из-под полноценной мировоззренческой юрисдикции.

Интерпретация не прижилась, и к концу 1930-х гг. мировоззренческая характеристика А.П. Чехова включала гуманизм в качестве одного из обязательных элементов. Чеховскую «человечность» можно было с разной степенью органичности привязывать к любым идеологически заостренным выкладкам: например, о том, что «капитализм топчет не только землю, но и человеческую душу – и у Чехова тема вырубленного “вишневого сада” неслучайно сочетается с темой “человека забыли”» [30; с. 3].

В 1954 г. А.П. Чехов представал «достойным преемником и продолжателем прогрессивных традиций писателей-шестидесятников и могучих народных писателей Пушкина, Гоголя, Льва Толстого» [31; с. 1], от которых «он воспринял сознание высокого назначения труда писателя, продолжил развитие идей демократического гуманизма» [32; с. 1]; оставался «великим сыном русского народа», имя которого вошло в историю нашей литературы как символ демократизма и гуманизма; вставал «среди светочей русской и мировой литературы... как певец человечности» [33; с. 1].

Симптоматично, что все три приведенных примера, а их можно множить, принадлежат редакционным передовым статьям юбилейных номеров, т.е. текстам традиционно наиболее формализованным и типизованным – со всеми сопутствующими стилистическими приметами. В идентичном формате гуманизм вкраплялся в мировоззренческие юбилейные портреты всех классиков.

7) Борьба со штампами посвященной А.П. Чехову критики.

Пюктябрьские исследователи боролись со штампами дореволюционной критики, а некоторые представители старой литературоведческой гвардии переходили на марксистские рельсы. Затем наступил черед преодоления издержек этой борьбы – пришло время походов против вульгарных социологических концепций. Создание чеховского портрета, релевантного марксистско-ленинской эстетике, на полях этих первых двух больших сражений сопровождалась локальными битвами: уточнялись характеристики «безвременья» 1880-х гг., мнения А.П. Чехова по отдельным общественным вопросам и т.п. Не оставалось в

стороне от генеральных линий и журнально-газетное чеховедение. Здесь критиковались (причем стабильно с начала 1930-х гг. вплоть до 50-летия смерти А.П. Чехова) по большей части интерпретации чеховского творчества дореволюционными критиками консервативных и либеральных направлений, а самой критикуемой фигурой был Н.К. Михайловский. В 1935 г. дореволюционную критику порицали за то, что с ее легкой руки «Чехова отождествляли с его героями, и эта традиция долго держалась и в нашей критике. Михайловский отметил появление Чехова в литературе словами “Одним беспринципным писателем стало больше”» [34; с. 3]. Пять лет спустя декларировали, что «только близорукостью [современной А.П. Чехову] критики, преимущественно народнической (Михайловский, Скабичевский), можно объяснить, что Чехова того периода провозгласили писателем, лишенным всякого мировоззрения, антиобщественным, пессимистическим» [35; с. 2]. Мало изменились трактовки и к 1944 г.: критика сначала «далеко отстала от понимания смысла» чеховских произведений, а в дальнейшем «немало потратила... усилий, чтобы представить Чехова таким безобидным писателем, мягким “певцом сумерек” и тем ослабить его критику буржуазных основ жизни» [36; с. 3]. В последнем примере обращает на себя внимание объединение двух малосовместимых тенденций: непонимания и осмысленной работы по дискредитации обличительных мотивов чеховского творчества, работы, которая как раз подразумевает «понимание». Такая эклектика обуславливалась общей риторичностью и публицистичностью обвинений в адрес «буржуазных» критиков А.П. Чехова, что, вкупе с легендами, например, об Н.К. Михайловском, который не встречал появления А.П. Чехова в литературе фразами о «беспринципности», под знаменами борьбы с «либеральными» штампами и мифами способствовало распространению мифологии уже левого толка.

8) *Изъяны общественно-политических взглядов А.П. Чехова.*

Очерки о А.П. Чехове, написанные в конце 1920-х гг. предлагали «негативный» вариант описания специфики чеховского мировоззрения, отталкиваясь от явлений и процессов (пролетариат, революционизация общества и т.п.), которые писатель или проигнорировал, или «не понял». В первой половине 1930-х гг. на страницах газет и журналов тенденция сохранялась с утратами доли негативизма: недостатки чеховских взглядов описывались в тесной связи с его социально позитивными воззрениями. Варианты наиболее распространенных трактовок можно свести к двум основным формулам.

Первая выглядит так: «[Позитивные аспекты общественно-политической позиции А.П. Чехова], но [негативные аспекты]», где идейный акцент ставился именно на противопоставлении и последующих выкладках. Например, Н. Трунев признавал за А.П. Чеховым тяготение к материалистическому взгляду на мир, «но его материализм был биологического, так сказать, характера. Недаром его приравнивали к Базарову. Социологическую часть своего мирозерцания он строил очень медленно и постепенно, и до конца она так и не была доведена» [37; с. 118]. И.Л. Альтман, подытоживая свое мнение о постановке «Вишневого сада» в театре Р.Н. Симонова, заявлял: «Чехов против Раневской, но он и против Лопахина. Он не может быть и за Трофимова. Сказалось отсутствие революционных идеалов» [38; с. 34].

Вторая формула – зеркальное отражение первой: противительный союз остается при своих функциях, а «негативные» и «позитивные» части меняются местами: «[Негативные аспекты общественно-политической позиции А.П. Чехова], но [позитивные аспекты]». Именно такой вариант, встречаясь уже в середине 1930-х гг., станет наиболее распространенным с конца десятилетия и далее. В частности, образно совместил чеховские достоинства и недостатки А.Б. Дерман, отметив, что писатель «не умел указать, куда надо идти. Но он не уставал указывать, от чего надо уходить прочь» и т.п. [7; с. 3].

1944 г. не был богат на какую бы то ни было критику взглядов или творчества А.П. Чехова, но в 1954 г. она отчасти возродилась, причем в обоих вариантах. Неслучайно З.С. Паперный в том же году выступил резко против такого рода постановок и решений вопроса о чеховском мировосприятии: «Чехов действительно – и в этом его большая беда – не распознал той классовой силы, которой суждено было историей возглавить борьбу против старого, собственнического мира. Но любителям выделять только то, чего Чехов “не видел”, “не мог”, следовало бы задуматься прежде всего над тем, что *мог*, что *сделал*, что *увидел* писатель» [39; с. 165].

9) *Чеховская сатира.*

Тема «Чехов-сатирик» включала в себя много частных вопросов, поиски ответов на которые были синхронизированы ближе к 1950-м гг. Не было понятно, квалифицировать ли писателя как сатирика, и, если квалифицировать, – в чем специфика чеховской сатиры, явно не похожей, например, на щедринскую и т.п. Именно на этом заострял внимание В. Полянский: «Сатира Чехова – не гоголевский смех сквозь слезы, не та острая критика действительности, которую приветствовал Чернышевский... Чехов не разит, как

Щедрин... Чехов мягок, ласков, он грустит и смех его незлобив, он винит не столько людей, сколько самую жизнь того времени, социальные условия, показывая, что они сделали из человека...» [1; с. 3].

Курсу на твердость дефиниций способствовали употребления чеховских образов В.И. Лениным («социал-демократическая душечка» и т.п.) и И.В. Сталиным (упомянутая выше речь на XVI съезде ВКП (б) и сравнение «правых оппозиционеров» с Беликовым); писатель в этих статьях и речах напрямую не назывался сатириком, но сама функция чеховских образов сводилась к высмеиванию оппонентов, что стало ориентиром для многих и журнально-газетных, и научных публикаций о А.П. Чехове. Начиная с 1940-х гг. и далее «тактико-техническая» опция «сатирик» применительно к А.П. Чехову становится общеупотребительной, меняются трактовки частных аспектов. Например, эволюция чеховского смеха коррелирует с эволюцией его мировоззрения: «По мере того, как крепло творческое и общественное самосознание писателя, смех его из иронического перерастал в осуждающий, становился смехом гневной и разящей сатиры», а противопоставление М.Е. Щедрина превращается в сопоставление: «Гениальные сатирические образы Чехова роднят его с Щедриным. Весьма знаменательно, что на смену “Пестрым письмам” великого сатирика приходят “Пестрые рассказы” Чехова, давшего, вслед за Щедриным, правдивую картину эпохи безвременья» [40; с. 3].

Взвешенные точки зрения чаще акцентировались на элементах сатиры в чеховском творчестве, избегая излишней «абсолютизации» сатирического начала. Так, например, А.И. Ревякин писал, что А.П. Чехов «искусно применяя средства сатирического гротеска и гневного сарказма, рисовал... царскую бюрократию...» и т.д. [41; с. 3]. Л.А. Плоткин, анализируя сатирические мотивы чеховского творчества, распределял соответствующие приемы по двум периодам. «Ранний» А.П. Чехов использовал сатирическую гиперболу, гротеск и сатирическое обобщение. У «зрелого» А.П. Чехова, по Л.А. Плоткину, «мы... почти не находим произведений, которые можно было бы *целиком* назвать сатирическими», поэтому доминантные приемы позднего периода – скрытый сатирический подтекст там, где повествование ведется от имени автора («Ионыч», «Попрыгунья», «Анна на шее»), и резкая оценка событий, когда повествование ведется от имени героя («Ариадна», «Человек в футляре», «Крыжовник») [42; с. 158-159]. Собственно, основная мысль всей статьи и сводится к тому, что «Чехов на разных этапах своей литературной деятельности использовал различные методы и средства сатирического изображения действительности» [42; с. 162].

Любопытно, что в отборе и трактовке тематических блоков периодических статей 1930–1950-х гг., связанных с чеховским творчеством, авторы этих материалов фактически реализовали программу «разгримировывания» А.П. Чехова, предложенную в 1928 г. М.Е. Кольцовым в статье «Чехов без грима». Этой программой действий М.Е. Кольцов завершал свой фельетон, и большая часть ее, как показывает наша тематическая классификация, была выполнена.

М.Е. Кольцов призывал вернуть трудящимся массам А.П. Чехова как «беспощадного обличителя» – и данный мотив стал в периодике 1930–1950-х гг. наиболее популярным. М.Е. Кольцов называл писателя революционно настроенным скептиком, – и тема чеховской революционности, пусть и не в столь радикальном варианте, дожила до юбилейного 1954 г. в качестве одной из наиболее популярных. М.Е. Кольцов позиционировал чеховское творчество как школу формы, языка и короткого рассказа – и в следующие три десятилетия писатель побывал в роли наставника по многим вопросам: от сугубо «формальных» до «сатирических». Собственно, и сатириком М.Е. Кольцов А.П. Чехова тоже называл – и предложил восстановить обличительную «магистраль» русской литературы: Н.В. Гоголь – М.Е. Щедрин – А.П. Чехов [43; с. 6]. И в 1940-е, и в 1950-е гг. можно обнаружить публикации, принявшие программу восстановления данной «магистральной» на активное вооружение. М.Е. Кольцов, таким образом, в фельетоне для «Правды» не то предопределил, не то предугадал направление, по которому несколько десятилетий шли авторы аналогичных многочисленных фельетонов, заметок и статей на страницах разнообразных периодических источников: и в данных публикациях «официозное» зачастую соседствовало с оригинальным или любопытным, точно так же, как и в кольцовском фельетоне. Именно поэтому, будучи не генеральной линией развития советского чеховедения, журнально-газетная его часть тем не менее заслуживает сегодня пристального внимания и изучения.

Библиографический список

1. Полянский В. Антон Павлович Чехов // Известия. 1934. 15 июля (№ 163). С. 3.
2. Лейтес А. М. А.П. Чехов. К 80-летию со дня рождения // Труд. 1940. 29 января (№ 23). С. 3.
3. Еголин А. М. Чехов и родина // Правда. 1944. 15 июля (№ 169). С. 3.
4. Котов А. Гениальный художник слова // Труд. 1954. 15 июля (№ 166). С. 2.

5. Сидорин В. Великий художник слова // Алтайская правда. 1954. 15 июля (№ 166). С. 3.
6. Бескин Э. М. Чехов и его герои // Вечерняя Москва. 1935. 28 января (№ 23). С. 3.
7. Дерман А. Б. Отклики // Литературная газета. 1939. 15 июля (№ 39). С. 3.
8. Роскин А. И. Беспокойный писатель. К восьмидесятилетию со дня рождения А.П. Чехова // Известия. 1940. 29 января (№ 23). С. 4.
9. Чехов // Литературная газета. 1954. 15 июля (№ 84). С. 1.
10. Плоткин Л. А. Антон Павлович Чехов. К тридцатилетию со дня смерти // Октябрь. 1934. Кн. 8. С. 127-143.
11. Плоткин Л. А. Чехов и современность. (К 40-летию со дня смерти писателя) // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 7-8. С. 37-50.
12. Старчаков А. О. А.П. Чехов. (К 75-летию со дня рождения) // Новый мир. 1935. Кн. 2. С. 192-200.
13. Соболев Ю.В. Чехов. М.: Газетно-журнальное объединение, 1934. 336 с.
14. Роскин А. И. Последние годы // Литературная газета. 1935. 30 января (№ 6). С. 3.
15. Сидорин В. Горький и Чехов // Орловская правда. 1939. 15 июля (№ 158). С. 2.
16. Лейтес А. М. А.П. Чехов. К 35-летию со дня смерти // Труд. 1939. 15 июля (№ 157). С. 4.
17. Патреев А. А.П. Чехов. (К 80-летию со дня рождения) // Горьковская коммуна. 1940. 30 января (№ 24). С. 4.
18. Ермилов В. В. Гордость русской культуры // Известия. 1944. 15 июля (№ 167). С. 3.
19. Левин Г. Великие современники // Смена. 1954. № 13. С. 5.
20. Тарасова А. К. Наш Чехов // Советская культура. 1954. 15 июля (№ 84). С. 1.
21. Таров В. А.П. Чехов // Рабочая Москва. 1934. 15 июля (№ 164). С. 3.
22. Нейштадт В. И. Чехов за рубежом // Литературная газета. 1939. 15 июля (№ 39). С. 2.
23. Ермилов В. В. А.П. Чехов. Творческий портрет // Новый мир. 1944. № 4-5. С. 195-217.
24. Наш Чехов // Труд. 1954. 15 июля (№ 166). С. 1.
25. Гуральник У. А. Наш современник // Вечерняя Москва. 1954. 15 июля (№ 166). С. 2.
26. Заключительное слово тов. Сталина. (2 июля 1930 года) // Правда. 1930. 2 июля (№ 181). С. 1.
27. Зильберштейн И. С. Ленин – читатель Чехова // Правда. 1935. 29 января (№ 28). С. 7.
28. Лебедев Я. Образы Чехова у Ленина и Сталина // Молот. 1939. 15 июля (№ 160). С. 3.
29. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И.В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы // Правда. 1941. 7 ноября (№ 309). С. 2.
30. Фонштейн А. Антон Павлович Чехов // Вечерняя Москва. 1940. 28 января (№ 22). С. 3.
31. Наш Чехов // Советский Сахалин. 1954. 15 июля (№ 166). С. 1.
32. Великий русский писатель // Алтайская правда. 1954. 15 июля (№ 166). С. 1.
33. Наш Чехов // Известия. 1954. 15 июля (№ 166). С. 1.
34. Лисин Л. Антон Павлович Чехов. (К 75-летию со дня рождения) // Восточно-Сибирская правда. 1935. 29 января (№ 24). С. 3.
35. Розенталь И. М. Творчество А.П. Чехова. (К 80-летию со дня рождения) // Красный флот. 1940. 29 января (№ 23). С. 2.
36. Груздев И. А. Сила Чехова // Ленинградская правда. 1944. 15 июля (№ 168). С. 3.
37. Трунев Н. Чехов о литературном мастерстве // Сибирские огни. 1934. № 6. С. 114-128.
38. Альтман И. Л. К дискуссии о «Вишневом саде» // Художественная литература. 1935. № 3. С. 31-35.
39. Паперный З. С. О любви // Знамя. 1954. № 7. С. 149-165.
40. Волков А. А. Гордость русской литературы // Известия. 1949. 15 июля (№ 165). С. 3.
41. Ревякин А. И. Великий русский писатель. (К 50-летию со дня смерти А.П. Чехова) // Алтайская правда. 1954. 14 июля (№ 165). С. 3.
42. Плоткин Л. А. Сатирическое у Чехова // Звезда. 1954. № 7. С. 153-162.
43. Кольцов М.Е. Чехов без грима // Правда. 1928. 15 июля (№ 163). С. 6.

References

1. Polyanskiy V. Anton Pavlovich Chekhov // Izvestiya. 1934. July 15 (No. 163). P. 3.
2. Leytes A. M. A.P. Chekhov. On 80th anniversary of birthday // Trud. 1940. January 29 (No 23). P. 3.
3. Egolin A. M. Chekhov and motrehland // Pravda. 1944. July 15 (No 169). P. 3.
4. Kotov A. Genius artist of the word // Trud. 1954. July 15 (No 166). P. 2.
5. Sidorin V. Great artist of the word // Altayskaya pravda. 1954. July 15 (No166). P. 3.
6. Beskin E. M. Chekhov and his heroes // Vechernyaya Moskva. 1935. January 28 (No 23). P. 3.
7. Derman A. B. Responds // Literaturnaya gazeta. 1939. July 15 (No 39). P. 3.
8. Roskin A. I. The restless writer. On 80th anniversary of A.P. Chekhov's birthday // Izvestiya. 1940. January 29 (No 23). P. 4.
9. Chekhov // Literaturnaya gazeta. 1954. July 15 (No 84). P. 1.
10. Plotkin L. A. Anton Pavlovich Chekhov. On 30th anniversary of death // Oktyabr'. 1934. No. 8. Pp. 127-143.

11. Plotkin L. A. Chekhov and modernity. (On 40th anniversary of the writer's death) // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1944. No 7–8. Pp. 37–50.
12. Starchakov A. O. A.P. Chekhov. (On 75th anniversary of birthday) // Novyy mir. 1935. No. 2. Pp. 192–200.
13. Sobolev Yu. V. Chekhov. M.: Gazetno-zhurnal'noe ob'edinenie. 1934. 336 p.
14. Roskin A. I. The last years // Literaturnaya gazeta. 1935. January 30 (No 6). Pp. 3.
15. Sidorin V. Gor'kiy and Chekhov // Orlovskaya pravda. 1939. July 15 (№ 158). P. 2.
16. Leytes A. M. A.P. Chekhov. On 35th anniversary of death // Trud. 1939. July 15 (No 157). P. 4.
17. Patreev A. A.P. Chekhov. (On 80th anniversary of birthday) // Gor'kovskaya kommuna. 1940. January 30 (No 24). P. 4.
18. Ermilov V. V. The proud of Russian culture // Izvestiya. 1944. July 15 (No 167). P. 3.
19. Levin G. Great contemporaries // Smena. 1954. No 13. P. 5.
20. Tarasova A. K. Our Chekhov // Sovetskaya kul'tura. 1954. July 15 (No 84). P. 1.
21. Tarov V. A.P. Chekhov // Rabochaya Moskva. 1934. July 15 (No 164). P. 3.
22. Neyshadt V. I. Chekhov abroad // Literaturnaya gazeta. 1939. July 15 (No 39). P. 2.
23. Ermilov V. V. A.P. Chekhov. Creativness portrait // Novyy mir. 1944. No 4–5. Pp. 195–217.
24. Our Chekhov // Trud. 1954. July 15 (No 166). P. 1.
25. Guralnik U. A. Our contemporary // Vechernyaya Moskva. 1954. July 15 (No 166). P. 2.
26. Closing remarks by Comrade Stalin. (July 2 1930) // Pravda. 1930. July 15 (No 181). P. 1.
27. Zilbershteyn I. S. Lenin as a reader of Chekhov's works // Pravda. 1935. January 29 (No 28). P. 7.
28. Lebedev Ya. Chekhov's heroes in Lenin's and Stalin's works // Molot. 1939. July 15 (No 160). P. 3.
29. Report of the Chairman of the State Defense Committee, comrade I.V. Stalin at a ceremonial meeting of the Moscow Council of Working People's Deputies with party and public organizations in Moscow // Pravda. 1941. November 7 (No 309). P. 2.
30. Fonshteyn A. Anton Pavlovich Chekhov // Vechernyaya Moskva. 1940. January 28 (No 22). P. 3.
31. Our Chekhov // Sovetskiy Sakhalin. 1954. July 15 (No 166). P. 1.
32. The great Russian writer // Altayskaya pravda. 1954. July 15 (No 166). P. 1.
33. Our Chekhov // Izvestiya. 1954. July 15 (No 166). P. 1.
34. Lisin L. Anton Pavlovich Chekhov. (On 75th anniversary of birthday) // Vostochno-Sibirskaya pravda. 1935. January 29 (No 24). P. 3.
35. Rozental I. M. A.P. Chekhov's works. (On 80th anniversary of birthday) // Krasnyy flot. 1940. January 29 (No 23). P. 2.
36. Gruzdev I. A. Chekhov's strength // Leningradskaya pravda. 1944. July 15 (No 168). P. 3.
37. Trunov N. Chekhov on literary skills // Sibirskie ogni. 1934. No 6. Pp. 114–128.
38. Altman I. L. On discussion about «Cherry Orchard» // Khudozhestvennaya literatura. 1935. No 3. Pp. 31–35.
39. Papernyy Z. S. On love // Znamya. 1954. No 7. Pp. 149–165.
40. Volkov A. A. The proud of Russian literature // Izvestiya. 1949. July 15 (No 165). P. 3.
41. Revyakin A. I. The great Russian writer. (On 40th anniversary of Chekhov's death) // Altayskaya pravda. 1954. July 14 (No 165). P. 3.
42. Plotkin L. A. Chekhov as a satirist // Zvezda. 1954. No. 7. Pp. 153–162.
43. Koltsov M.E. Chekhov without a makeup // Pravda. 1928. July 15 (No. 163). P. 6.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'111А

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.65.28.020

*Российская академия народного хозяйства и
государственной службы,*

*Старший преподаватель кафедры профессио-
нальной языковой подготовки*

Алексеев А.Б.

Россия, г. Москва

тел. 89636414696

e-mail: neuausstatten@mail.ru

*Russian Academy of Economy and Public Admin-
istration*

*The chair of professional language teaching Sen-
ior lecturer*

Alexeyev A.B.

Russia, Moscow

tel. 89636414696

e-mail: neuausstatten@mail.ru

А.Б. Алексеев

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТЕЙНМЕНТА КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается коммуникативный феномен политейнмента, трактуемый в качестве гибридного типа дискурса, располагающегося на пересечении политической, масс-медийной, бытовой и, возможно, иных сред общения – непрофессиональных, обыденных, молодежных, связанных с различными субкультурами, – характеризующегося несерьезной, развлекательно-увеселительной прагматикой, часто игровым отвержением / искажением институциональных норм и созданием своих, новых «правил», эпатажем, политематизмом, готовностью говорящего привнести в интеракцию персональные элементы, перейти на личности. Несмотря на то, что современная политика все чаще превращается в политику развлекательного типа, эта трансформация изучена совсем не исчерпывающе, и даже краткий обзор научной литературы показывает, что нет не только общего понимания, что представляет собой политейнмент, но и какого-либо четкого обозначения его границ, разновидностей, речевых жанров. В статье предлагаются ответы на некоторые из этих, на самом деле, сложных вопросов. Указывается, что следует уделить особое внимание не столько речевым жанрам, принадлежащим скорее масс-медийному политическому дискурсу, чем политическому, сколько элементам развлекательности, прагматически внедряемым в институциональную интеракцию государственных деятелей / людей, претендующих ими быть.

Ключевые слова: гибридный дискурс, политейнмент, политический дискурс, речевой жанр, развлекательность.

A.B. Alexeyev

ON THE QUESTION OF THE STUDY OF POLITAINMENT AS A SPECIFIC TYPE OF THE POLITICAL DISCOURSE

The article considers the communicative phenomenon of politainment which is interpreted as follows: a hybrid type of discourse located at the intersection of political, mass-media, mundane and, perhaps, other unprofessional communicative spheres, linked to different juvenile subcultures, characterized by unserious, entertaining pragmatics and playful rejection / distortion of institutional norms and creation of one's own new 'rules', shock value, polythematism, readiness of the speaker to introduce in the interaction personal elements and to get personal. Despite the fact that modern politics often turns into an entertaining type of politics, this transformation has been studied not exhaustively and even a brief review of linguistic literature shows that there is not only lack of universal understanding of politainment but also researchers are often not clear about its boundaries, varieties and speech genres. The article offers some answers to these, in fact, difficult questions. It is indicated that special attention ought to be paid not to the speech genres which are more likely to belong the mass-media political discourse than the political one but to the entertaining elements which are pragmatically introduced into the institutional interaction of statesmen or those people who have ambi-

tions to become them.

Key words: hybrid discourse, politainment, political discourse, speech genre, entertainment.

Политический дискурс изучается в рамках политической лингвистики. Одновременно на основе науки, расположенной на пересечении исследовательских интересов к политике и языку, соответственно, формируются новые (меж)дисциплинарные направления – прежде всего хотелось бы отметить политическую лингвоперсонологию и обыденную лингвополитологию. Фокус внимания авторов, таким образом, с одной стороны, постепенно перемещается с рассмотрения институциональной политической коммуникации на ее субъект – языковую личность политика, – а с другой, ученые начинают включать в орбиту своих изысканий и непрофессиональные дискурсы, традиционно достаивавшиеся значительно меньшего внимания. Последняя тенденция наблюдается в пределах всей филологической науки. Например, теме «обыденный медицинский дискурс» посвящается немало исследований, в том числе литературоведческого характера [1, с. 187; 2].

В результате расширения поля изучения, можно сказать, второго лингвистического поворота в науке, что соотносится с установкой на глобальный подход к языку, важность которого осознается не только филологами, но и, например, философами [3, с. 47], возникает потребность в уточнении некоторых ключевых положений теории дискурса и сообразовании ее с реалиями развития современного мира, а также гуманитарных дисциплин, по определению, призванных отразить и объяснить особенности функционирования общества. В XXI в. наблюдаем тенденцию ускорения культурных, социальных, политических, экономических, научно-технических, а значит, и коммуникативных изменений, происходящих теперь, по справедливому замечанию Е.Д. Павлычевой, в геометрической прогрессии [4, с. 5]. Стремительная глобализация, по сути, американизация, дигитализация, коммерциализация и персонификация политики, в своей совокупности опосредующие становление развлекательного политического контента в качестве уникального, но отнюдь не автономного дискурсивного феномена, – свидетельство глубоких трансформаций современности.

Определение и условия функционирования политейнмента. Термин «политейнмент» (по отношению к масс-медийной интеракции имеет смысл говорить об инфотейнменте) сам по себе интересен для лингвиста, потому что он иностранного происхождения и представляет собой двухкорневое слово, восходящее к английским лексемам ‘politics’ и ‘entertainment’ – «политика» и «развлечение» соответственно. Актуальность данного термина объясняется наметившейся американизацией различных дискурсивных сред, в первую очередь виртуальных [5, с. 98], а поскольку интернет-общение (что особенно очевидно в ковидную эпоху, когда люди, работающие дистанционно, проводят многие часы за мониторами компьютеров) превращается в основной модус коммуникативного, а если понимать язык широко как дом бытия (М. Хайдеггер), форму жизни (Л. Витгенштейн), то и прочих аспектов существования современного человека, справедливо сказать: США определяют общемировой вектор развития дискурсов, о чем свидетельствуют ученые разных стран [5, с. 98; 6, с. 41; 76, с. 112; 8]. Так, Ч. Юнлю констатирует, что в Турции появляются новые политические речевые жанры, и одним из них следует признать победные выступления президента Р. Эрдогана, в патетической манере произносимые им с балкона после успешных политических баталий – *balkon konuşmaları* (досл. «балконные речи»). Несмотря на то, что они тесно ассимилировались с специфической турецкой культурой и вытекающими из нее способами политического мышления, изначально *balkon konuşmaları* возникли как следствие перенятия американских традиций, – именно в США, гордящихся демократией, принято обращаться к народу после выборов с призывом к единению, преодолению межпартийных противоречий и отказу от жесткой риторики [8], без которой не обходится ни одна электоральная кампания.

Предложим следующую дефиницию политейнменту: сложное коммуникативное явление, фактически разветвленный гибридный дискурс, располагающийся на пересечении политической, масс-медийной, бытовой и, возможно, иных сред общения – непрофессиональных, обыденных, молодежных, связанных с различными субкультурами, – характеризующийся несерьезной, развлекательно-увеселительной прагматикой, игровым отвержением / искажением институциональных норм и созданием новых «правил», эпатажем, политематизмом, готовностью говорящего привести в интеракцию персональные элементы, перейти на личности. Остановимся подробнее на некоторых аспектах рассматриваемого явления.

Во-первых, в отличие от традиционного, как правило, регулируемого, а значит, институционального политического дискурса, политейнменту свойственна более основательная гибридизация с

некоторыми сферами коммуникации, прежде всего масс-медийной. Действительно, в рамках инфотейнмента СМИ, ранжируя сообщения, превращают их из собственно политических в *квазиполитические*. Чтобы привлечь внимание адресата в равнодушном, сером обществе, построенном на потреблении, становление которого диагностировали еще представители Франкфуртской школы, а также чтобы не дать реципиенту возможности узнать об актуальных новостях, что порой невыгодно политическим элитам, контролирующим информационные потоки, журналисты склонны поднимать такие темы, как «спорт», «личная жизнь», «интимные отношения», продвигать абсурдные конспирологические теории, заниматься поношением «врагов», «иноагентов». В результате круг обсуждаемых вопросов сводится примерно к следующему: сколько шайб забросил политик в товарищеском хоккейном матче, в какой он физической форме, как часто занимается сексом [9, с. 18], много ли денег получили от ЦРУ / налогоплательщиков / граждан России «преступные», «продажные», «экстремистски настроенные» оппозиционеры или, если это оппозиционный дискурс, «коррупцированные», «жуликоватые» (англ. 'crooked') правители, за чей счет их семьи живут в Европе, насколько роскошные имеют дворцы / виллы / яхты, скоро ли начнется Третья мировая война и кто в ней победит.

Во-вторых, в политейнменте оскорбления приветствуются – инвективы, диффамирующие ярлыки навешиваются на личности, социальные группы, государства. Как пишет Б. де Жувенель, происходит соревнование говорящих в грубости [10, с. 370]. «Грязные словечки», используемые политиками, веселят аудиторию, в чем и заключается их основная лингвопрагматическая функция [11, р. 219]. В результате столкновения невежливов людей коммуникативный акт разворачивается на уровне бытовой конфликтной ситуации, где все средства хороши, и которую, хоть некоторые отечественные ученые и относят к нечто аномальному, принадлежащему Западу [12, с. 136], стоит считать явлением универсальным – глобализация в форме американизации сама по себе предполагает, что столь порицаемые в российских дискурсах, в том числе, как выясняется, академическом, «манипулятивные», «нечестные» политехнологии не принадлежат исключительно США.

Политейнмент – общение в мальчишеских, уличных выражениях, в котором важно создать образ мачо [13, с. 46–48]. Возраст государственного деятеля при этом значения не имеет: он все равно ведет себя как подросток. Е.Н. Галичкина называет этот коммуникативный тренд ювенилизацией [5, с. 98]. Пример из американского политического дискурса:

*PAUL: ...there's a **sophomoric** quality that's **entertaining** about Mr. Trump but I am worried, I am very concerned about having him in charge of the nuclear weapon because I think his response, his visceral response to attack people on their **appearance** – **short, tall, fat, ugly** – **my goodness**, that happened in **Jun-iory**! ...*

*TRUMP: I never attacked him on his look and believe me **there's plenty of subject matter right there**. (Laughter) That I can tell you (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).*

Перевод: ПОЛ: ...Д. Трамп обладает качеством быть **поверхностным шоуменом**, но меня беспокоит, очень волнует то, что он станет человеком, которому будут вручены ядерные коды, поскольку я считаю, что его ответ, его привычный, уже автоматический ответ, предполагающий нападение на **внешность** других людей, – **этот низкий, тот высокий, этот толстый, тот страшный** – боже мой, такой ответ мы получали в **школьном возрасте**!

*ТРАМП: Я никогда не нападал на его внешность, но, поверьте мне: как он выглядит, – это еще тот вопрос, по поводу которого **мне есть что сказать** (Смех). Это я вам обещаю.*

Сенатор эксплицитно обозначает, что, по его мнению, Д. Трамп занимается клоунадой (на это указывают лексемы 'sophomoric', 'entertaining', 'Jun-iory'), построив всю свою риторику на обсуждении того, как выглядят кандидаты. Бизнесмен отвечает на предъявленное обвинение колкостью: он фактически оскорбляет Р. Пола, утверждая, что внешность последнего стоило бы обсудить, в имплицитной форме выражая мысль, которую можно примерно передать так: «Вы лицом не вышли». Также Д. Трамп бесцеремонно говорил о том, что единственная женщина, пытавшаяся в 2015–2016 гг. получить номинацию от Республиканской партии, – К. Фиорина – некрасива: 'Look at that face! Would anyone vote for that?' (русс. «Посмотрите на это лицо! Кто-нибудь будет голосовать за него?») [Ibid.].

В-третьих, становление политейнмента нельзя мыслить в отрыве от других, необязательно коммуникативных векторов развития современного общества. Следует отметить в целом отрицательные, но неизбежные черты технологически развитого, эмансипированного социума, живущего, по сравнению с предыдущими историческими эпохами, в материальном изобилии, как потерю моральных ориентиров, коммерциализацию [14, с. 83], виртуализацию [5, с. 98], мифологизацию [15], мар-

гинализацию [1, с. 186], проявляющуюся в утрате / отвержении своей идентичности и поиске новой, в результате чего востребованными могут быть термины *реидентификация* и *псевдоидентификация* [16, с. 5]. Не забудем упомянуть, с одной стороны, информатизацию, а с другой – неverifiedируемость массивов сведений, находящихся в открытом доступе и имеющих свойство быть пресловутыми *фейк-ньюс*. Пандемия – подтверждение тому, насколько предвзято СМИ освещают новости, пользуясь приемами *информационного штурма*, *психологического шока*, *эмоционального заряжения*, *экспрессивного удара* [17, с. 154]. Возникновение вокруг энigmatического вируса моральной паники [18], повышенный градус алармизма по поводу непрекращающейся диффузии неизвестной болезни, дезинформация [19: 5–6] – все это характерные символы нашего времени. Недаром ВОЗ была вынуждена поставить вопрос об *инфодемии* [14, с. 87], изучение которой непосредственно находится в ведении ученых-гуманитариев, включая филологов.

Наконец, политеймент не отрицает существование институционального политического дискурса – эти два коммуникативных феномена вполне могут ужиться друг с другом: политик – то «актер» / «спортсмен» / «шоумен», то превращается в лидера нации, мессию, борца с нечестными коллегами. Пример из украинского политического дискурса:

ЗЕЛЕНСКИЙ: *Дальше вопрос: можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический. Пока никто не пробовал [аплодисменты]. Есть другой вопрос: можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали, ни у кого не получилось* (https://www.youtube.com/watch?v=yxj-rwncMzU&ab_channel=%D0%9E%D1%80%D1%83TV).

Претендент на должность президента Украины В. Зеленский поднял нетривиальную для обсуждения тему, но к сожалению, для постсоветских стран неизменно актуальную – тему коррупции. Парадокс заключался в том, что политик заговорил о ней на «Студии Квартала-95», что изначально программировало его на упрощенное представление действительности. Обращаясь к стереотипу «все воруют», построенном на неоправданной, манипулятивной генерализации («все»), используя элементы языковой игры, говорящий донес до адресата мысль: политикам нельзя доверять. Только «новые люди из народа», такие как он, способны воздержаться от воровства. Кандидат четко обозначил, что у него «есть юридическое образование – и это плюс. Но у [него] *нет опыта работы в политике – и это – жирный плюс*» [Там же, выделение наше].

Проблемное поле изучения политеймента. Не будет ошибкой сказать: политеймент изучен в отечественной и зарубежной филологии отнюдь не исчерпывающе. Не только не существует единого понимания данного английского слова (что для современной лингвистики – состояние весьма обычное: не наличествует консенсуса по поводу более конвенциональных терминологических единиц), но и, по имеющимся у нас сведениям, нет какой-либо подробной классификации различных видов / речевых жанров политеймента, хотя очевидно, что объект нашего рассмотрения – явление сложное и крайне неоднородное.

Другая проблема, с которой неизбежно сталкивается исследователь политеймента, – определение его границ. Данный аспект представляется особенно важным, поскольку, как полагает О.Р. Михайлова (обращаясь, правда, к иному понятию – моральной панике), исследователи избегают употребления вполне устоявшихся в социальной науке концептов, которые нельзя операционализировать или подвергнуть количественному анализу [20, с. 29]. Соглашаясь с автором по поводу нелегкости использования ряда терминов, зададимся вопросом: как измерить, представить в виде математической формулы панические настроения в обществе, как избежать субъективности, предвзятости собственной оценки? Транспонируя данный тезис о сложности применения (лингво)политологических понятий и понятийных комплексов на область нашего исследования, сформируем вопрос следующим образом: возможно ли определить критическую точку, в которой серьезный дискурс превращается в политеймент?

Некоторые лингвисты полагают, что о политейменте имеет смысл говорить тогда, когда развлекательные моменты политики начинают превалировать над серьезным общением [7]. Условность такой трактовки очевидна, если, во-первых, учесть, что термины «политика», «политик» не обладают какой-либо более или менее приемлемой для всех интерпретацией не только в обыденном, но и научном сознании. Их непросто использовать исследователям ввиду свойственной им многозначности [21, р. 1], можно сказать, фантомности. В. Маяковский писал: «...рукою // своею собственною // шупаю // **бестелое слово** // «политика» [22, с. 119, выделение наше].

Во-вторых, по свидетельству Е.В. Стыриной и А.А. Мартиросян, в масс-медийных текстах важную роль играют две функции – *информационную* и *функцию воздействия* [23, с. 94]. Последняя может реализовываться через введение в дискурс фикциональности, создаваемой воображением коммуниканта, способствующей искусственному использованию им элементов вымышленного мира, которые, перемежаясь с действительностью, различимы с трудом [23, с. 95–96]. Сложное соотношение *фактуальности* и *фикциональности*, несводимых к оппозиции «правда – ложь», не является умозрительной проблемой: имеет смысл различать развлекательность, относящуюся к событиям, которые, хотя и косвенно, но традиционно относятся к сфере политического обсуждения / перформанса (Олимпийские игры, Евровидение, культурные мероприятия), и ту, которая прагматически внедряется в публичное общение, скрывая за собой нововведения, указывающие на уже произошедшие трансформации в сфере политики (приглашение на митинги «звезд» – поп-див, рэперов, боксеров; проведение политических дебатов в стилистике *à la carnaval*, с участием актеров «Студии Квартал-95» или персонажей из популярных фильмов, например, Дарта Вейдера [24]).

Наконец, любое суждение о преобладании развлекательности над серьезностью / глубокомысленностью коммуникативного произведения неизбежно рискует быть субъективной, поскольку каких-либо четких критериев анализа политейнмента еще не выработано.

Несмотря на отмеченные пробелы в накопленных до сих пор знаниях о политейнменте, было бы неверно утверждать, что ученые-филологи совсем не занимались данной темой: наличествуют определенные теоретические положения, на которые можно опираться. В частности, немецкий ученый А. Дёрнер посвятил политейнменту книгу *‘Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft’*. Продуктивной является постановка вопроса автором, о возможности выделять *развлекательную политику* и *политическое развлечение*. Прототипичные жанры второго явления – это (политические) романы [7, с. 112], ток-шоу [7, с. 133], фильмы [7, с. 155], криминальные фильмы [7, с. 189], кинофильмы [7, с. 214]. Такой подход, однако, фактически оставляет вне поля внимания развлекательную политику, что неправильно, т.к. развлекательность проникает в политический дискурс, не ограничиваясь функционированием в рамках масс-медийной интеракции. Как критически пишет Б. де Жувенель, «Парламентские дебаты [иногда] уже не академия для граждан, а цирк для безумцев» [10, с. 368]. В политику все чаще приходят люди, ранее работавшие в сфере шоу-бизнеса, хорошо изучившие особенности непринужденной, личностно-ориентированной коммуникации. Из современных политиков к ним следует отнести Б. Грилло, Д. Трампа, В. Зеленского; в прошлом – государственным деятелем с «актерской» биографией был 40-й президент США Р. Рейган.

Стараясь организовать политическое развлечение, политик может участвовать в своеобразном соревновании со «звездами»:

TRUMP: *I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument. I don't have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we've broken a lot of records. We've broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don't need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth. And hopefully the brain attached to the mouth. Right? The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important* (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>).

Перевод: *Я побил больше рекордов, чем Элтон Джон, он, кажется, имеет много музыкальных записей. А между прочим, у меня нет музыкального инструмента. У меня нет ни гитары, ни органа. Элтон – тот с органом. И много людей ему помогают. Нет, мы побили много рекордов. На самом деле, мы побили почти любой рекорд. Потому что, вы знаете, мне нужно немного места. Музыкантам нужно место, намного больше места. Для футбола, хоккея и всех игр спортсменам нужен простор. А нам не нужно. Мы заполняем это место людьми. Поэтому мы бьем все рекорды. Да, правда, мы собираем толпы людей без всяких музыкальных инструментов. Вот один инструмент: язык. И, да, мозг, который управляет действиями языка. Так? Мозг намного более важен, чем язык. Мозг намного более важен.*

Все выделенные слова и выражения относятся к семантическим полям «шоу-бизнес» и «спорт», что уже свидетельствует об их людической (лат. *ludo* – играю) функции. Говорящий актуализирует некоторые лексемы в разных значениях. В частности, ‘organ’ – одновременно орган (музыкальный

инструмент) и орган, 'record' – рекорд и музыкальная запись, что должно быть интерпретировано в качестве языковой игры.

Эксплицитным маркером речей политиков, стремящихся превратить политический дискурс в политическое развлечение, являются слова как «веселье» (англ. fun) или «удовольствие» (англ. pleasure, happiness, etc.):

CHRISTIE: ...*So let's do something fun tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character. (Chants: 'Lock her up')* (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

RUBIO: *So just give me one more minute because we gonna have fun here. He [Trump] likes to go on Twitter. ... First of all, he says that I'm sweating all the time. ... He doesn't sweat because his pores are clogged with the spray tan he uses. Donald is not going to make American great again; he's going to make America orange* (<https://www.cbsnews.com/news/marco-rubio-goes-after-donald-trumps-small-hands/>).

Перевод: КРИСТИ: Итак, давайте немного **повеселимся** сегодня вечером. Сегодня вечером я как бывший федеральный прокурор готов воспользоваться возможностью привлечь Хиллари Родэм Клинтон к ответственности за ее действия и характер. (Выкрики: «В тюрьму ее!»)

РУБИО: Так, дайте мне еще одну минуту, потому что мы **развлечемся** здесь. Он [Трамп] любит пользоваться твиттером. ...Прежде всего в твиттере, он говорит, что я все время потею. ... Он не потеет, потому что у него поры кожи замазаны спреем для загара. Дональд не сделает Америку великой, он сделает Америку оранжевой.

Речевой жанр реплики К. Кристи – обвинение. Однако совершенно очевидно, что кандидат порицает лидера демократов Х. Клинтон в полусерьезной, полужутливой манере. Аудитория непосредственно включена в продуцирование дискурсивного контента: с помощью скандирования лозунга 'Lock her up' (русс. «В тюрьму ее!») она выражает свое отношение к экс-госсекретарю. Если К. Кристи разыгрывает роль прокурора, то адресату отводится не менее важная задача – быть присяжным, вынести приговор Х. Клинтон.

Речевой жанр высказывания Р. Рубио – дискредитация. Обращаясь к темам «внешность», «личная гигиена», кандидат утверждает, что его соперник слишком часто пользуется спреем, он сделает Америку не великой, а оранжевой (обыгрывание лозунга Д. Трампа "Make America great again"). Эпитеты 'great' и 'orange' превращаются в контекстуальные антонимы.

Подведем итоги. Изучение политейнмента – уточнение значения самого термина «политейнмент», определение его разновидностей, установление границ политического развлечения и развлекательной политики, выделение речевых жанров данных дискурсов – представляет несомненный научный интерес и актуальность. В данной статье мы лишь наметили некоторые возможные пути решения данных проблем, в частности, представив свое понимание политейнмента, указав на необходимость обращения внимания на элементы фикциональности и прагматического внедрения в политическое общение несвойственных ему черт. В качестве дальнейшего вектора исследования может быть более подробное освещение речевых жанров развлекательной политики и их классификация.

Библиографический список

1. Трубецкова Е.Г. Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 186–191.
2. Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings // Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism, 2020, vol. 20, iss. 1. P. 39–43.
3. Равочкин Н.Н. Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки. 2020. № 2(34). С. 46–53.
4. Павлычева Е.Д. Лингвистическая основа речевых портретов в политической сфере : монография. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 212 с.
5. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
6. Фефелов А.Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. Вып. 2. С. 40–49.
7. Dörner A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2001. 272 S.

8. Ünlü Ç. Amerikanvari seçim sonu konuşmalarının milli bir örneği olarak 'Balkon Konuşmaları': 2014 cumhurbaşkanlığı seçimi konuşması üzerine retoriksel bir analiz [Electronic Resource]. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (дата обращения: 21.04. 2021)
9. Худяков А.В. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX–начала XXI веков (на материале дискурсов президентов России и Франции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2018. 22 с.
10. Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастания / пер. с фр. М.: ИРИСЕН, Мысль, 2011. 546 с.
11. Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p.
12. Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения Марша шпионов Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153.
13. Мухин А.А. Владимир Путин. Who is Mister P? М.: Родина, 2021. 224 с.
14. Булгакова А.А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
15. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
16. Бочкарев А.Е. О псевдоидентификации в русском языке (на примере обозначений человека в русских литературных текстах) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–12.
17. Храброва Е.С. Конструирование дискурса алармизма в медиaprостранстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 152–161.
18. Передреева М.А., Туватина А.Р. Формирование массовых настроений: моральная паника и СМИ // Форум молодых ученых. 2020. С. 538–542.
19. Горелов А.А. Философия в глобальном мире: сборник статей. М.: Летний сад, 2021. 352 с.
20. Михайлова О.Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 28–47.
21. Hudson K. The language of modern politics. London: Macmillan Press, 1978. 167 p.
22. Маяковский В. Сила класса, слава класса: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 333 с.
23. Стырина Е.В., Мартиросян А.А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 1. С. 92–105.
24. Pasquier V. Election en Ukraine: un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction) [Electronic Resource] URL: [https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-\(et-ce-nest-pas-une-fiction\),n6192187.php](https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-(et-ce-nest-pas-une-fiction),n6192187.php) (дата обращения: 21.10. 2021)

References

1. Trubeckova E.G. Medical discourse and / or morbuul code: Problems of terminology of modern literary criticism // News of the Saratov University. New Series: Philology. Journalism 2021. Vol. 21, Iss. 2. P. 186–191.
2. Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings // Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism, 2020, vol. 20, iss. 1. P. 39–43.
3. Ravochkin N.N. Language games in the sphere of politics and law: analytical philosophers vs postmodernists // MGPU Bulletin. Series: Philosophy. 2020. Iss. 2(34)] P. 46–53.
4. Pavlycheva E.D. The linguistic basis of speech portraits in politics: monography. Moscow, 2019. 212 p.
5. Galichkina E.N. Typology of speech genres of the Internet communication // VGPU News. 2019. No 2(135). P. 97–100.
6. Fefelov A.F. Dialectics of race and racism markers in "The Adventures of Tom Sawyer" and "The adventures of Huckleberry Finn" // NGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication. 2014. Vol. 12. Iss. 2. P. 40–49.
7. Dörner A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2001. 272 S.
8. Ünlü Ç. Balcony Speech as an Example of American-style Postelection Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey [Electronic Resource]. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (the date of reference: 21.04. 2021)

9. Hudjakov A.V. Lingocognitive peculiarities of the president discourse of the end of XX– beginning XXI of centuries (on the basis of presidential discourses of France and Russia) : the abstract of the candidate philology dissertation. Mytishhi, 2018. 22 p.
 10. Zhuvanel' B. de. Power: natural history of its growth / Tr. from French. Moscow, 2011. 546 p.
 11. Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p.
 12. Bogoljubov A. F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of the Spies' March in Time of the Media War and Pandemic // NGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication. 2020. V. 18, Iss. 2. P. 132–153.
 13. Muhin A.A. Vladimir Putin. Who is Mister P? Moscow, 2021. 224 p.
 14. Bulgakova A.A. The creation of the new world: the principles of transmedia storytelling in the discourse of COVID-19 pandemic // Actual issues of modern philology and journalism. Series: Linguistics and intercultural communication. 2021. Vol. 3(42). P. 82–90.
 15. Jerlih S.E. The war of myths. The memory about Decembrists on the border of millennia. St.-Petersburg, 2016. 552 p.
 16. Bochkarev A.E. Pseudo_identification in the Russian Language (Human beings descriptions in Russian literary texts) // NGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 5–12.
 17. Hrabrova E.S. The construction of the alarmist discourse in the British media (on the texts covering the COVID-19 pandemic) // Actual issues of modern philology and journalism. Series: Linguistics and intercultural communication. 2021. Vol. 3(42). P. 152–161.
 18. Peredreeeva M.A., Tuvatina A.R. The formation of mass moods: moral panics in mass-media // Young Scientists' Forum. 2020. P. 538–542.
 19. Gorelov A.A. Philosophy in the global world: collection of stories. Moscow, 2021. 352 p.
 20. Mihajlova O.R. The possibility of the use of ego-network analysis for the study modal panics representation on the interpersonal level // Monitoring of the public opinion: economic and social changes. 2020. Vol. 2. P. 28–47.
 21. Hudson K. The language of modern politics. London: Macmillan Press. 1978. 167 p.
 22. Majakovskij V. The power of the class, the glory of the class: verses and poems. Moscow, 1983. 333 p.
 23. Styryna E.V., Martirosjan A.A. Elements of fictionality in media Texts: Facts vs Fiction // NGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication. 2021. Vol. 19. Iss. 2. P. 92– 105.
- Pasquier V. Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction) [Electronic Resource] URL: [https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-\(et-ce-nest-pas-une-fiction\),n6192187.php](https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-(et-ce-nest-pas-une-fiction),n6192187.php) (date of application: 21.10. 2021)

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ EVENTS AND REVIEWS

УДК 82.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.12.48.021

*Воронежский государственный
технический университет
Старший преподаватель
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(919)189-66-04
e-mail: vdovina40@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
Senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh,
tel. +7(919)189-66-04
e-mail: vdovina40@gmail.com*

О.М. Безатосная

«ВСЕЛЕННАЯ ДОСТОЕВСКОГО»: ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЙ ВГТУ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ

О.М. Bezatosnaya

“THE UNIVERSE OF DOSTOEVSKY”: THE REVIEW OF THE EVENTS HELD IN VSTU IN HONOUR OF THE WRITER’S ANNIVERSARY

В ноябре-декабре 2021 года кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ были организованы и проведены разнообразные мероприятия, посвященные 200-летию Ф.М. Достоевского. Эти мероприятия были объединены под общим названием – фестиваль «Вселенная Достоевского» и в соответствии с эпидемиологическими требованиями проходили в онлайн-формате. Следует отметить, что анонс о событиях фестиваля был размещен в наиболее популярных социальных сетях, причем при оформлении объявлений использовалась цветопись, характерная для произведений писателя. География фестиваля не ограничилась рамками одного вуза: активное участие в фестивале приняли Дом-музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе и музей Ф.М. Достоевского в городе Семей (Казахстан).

Были подготовлены и проведены разнообразные мероприятия: онлайн-экскурсии, виртуальные тематические выставки, конкурс буктрейлеров и рисунков, лекции, мастер-класс и онлайн-дебаты. Остановимся на самых интересных и ярких моментах этого литературного праздника.

Научная библиотека ВГТУ, присоединившись к мероприятиям фестиваля, подготовила к юбилею Ф.М. Достоевского две выставки – «Слеза ребёнка на лице мира» и «Писатель, потрясающий душу». Выставка «Великое наследие Ф.М. Достоевского» была подготовлена виртуально. Посмотрев её, можно было ознакомиться со всей литературой по данной теме, которая имеется в фондах научной библиотеки: это и собрания сочинений писателя, и издания серии ЖЗЛ, и литература о творчестве Достоевского.

Сотрудниками библиотеки также был подготовлен буктрейлер «Достоевский Ф.М. и инженерное образование в царской России» – обзор учебных пособий, по которым в указанный период истории обучались будущие инженеры. Нынешним студентам было небезынтересно узнать, что, вполне возможно, братья Достоевские занимались именно по таким учебникам в инженерном училище. Все представленные экземпляры учебных пособий были изданы в 19 веке и хранятся в фонде редких книг

научной библиотеки ВГТУ.

В афише фестиваля «Вселенная Достоевского» одним из первых мероприятий была обозначена онлайн-экскурсия в литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в городе Семей (Казахстан). Хранитель мемориального фонда музея Людмила Борзых рассказала о жизни писателя во время его ссылки, показала подлинные предметы, хранящиеся в музее: стол, за которым работал Ф.М. Достоевский, предметы быта, которыми он пользовался. Участники виртуальной экскурсии увидели подлинный документ о бракосочетании Ф.М. Достоевского с М.Ф. Исаевой. Несмотря на сравнительно молодой возраст музея (ему исполнилось всего 50 лет), его сотрудники ведут научную работу по дальнейшему изучению творчества писателя. Участники экскурсии отметили богатство и разнообразие экспонатов музейного фонда, и неподдельную любовь сотрудников музея к наследию великого писателя.

Экскурсия в дом-музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе стала одним из завершающих мероприятий фестиваля «Вселенная Достоевского». Старая Русса – это место, где писатель провёл остаток жизни. Здесь были написаны его последние произведения: «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы». Экскурсию по музею Достоевского провёл доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник дома-музея С.Л. Шараков.

Ряд мероприятий в рамках фестиваля был подготовлен кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ. Зав. кафедрой, доктор филологических наук С.А. Скуридина провела лекции-беседы «Достоевский: штрихи к портрету» и «Достоевский и имя». Преподаватели кафедры доц. М.В. Новикова, доц. Ю.С. Попова, асс. К.И. Кушнир подготовили онлайн-дебаты «Раскаялся ли Раскольников?», в которых активное участие приняли студенты ВГТУ. Мнения разделились, однако участники аргументировали свою точку зрения, обращаясь к тексту романа «Преступление и наказание». По окончании дебатов жюри пришло к выводу, что студенты ответственно подготовились к данному мероприятию.

Необычным можно назвать и мастер-класс «Встречают по одежке: гардероб Радиона Раскольникова». Преподаватели кафедры доц. М.В. Новикова и доц. Ю.С. Попова вместе со студентами раскрыли потенциал костюмного кода в творчестве писателя.

Помимо студентов ВГТУ, активное участие в мероприятиях фестиваля «Вселенная Достоевского» принимали и воронежские школьники. Так, в конкурсе буктрейлеров, иллюстраций и выразительного чтения участвовали учащиеся гимназии им. ак. Н.Г. Басова и СОШ №20. Их работы и выступления получили высокую оценку преподавателей кафедры.

Завершающим этапом фестиваля стало выступление преподавателей ВГТУ в прямом эфире литературной гостиной «2021 год – год Ф. М. Достоевского: Достоевский в поиске имени», организованной Воронежской областной универсальной научной библиотекой имени И.С. Никитина. Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и истории ВГТУ Е.А. Волкова рассказала о праздновании юбилея Ф.М. Достоевского не только в нашей стране, но и во всём мире.

Доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ С.А. Скуридина представила особенности ономастической лаборатории писателя, тщательно подходившего не только к выбору имени для своих персонажей, но и к названию пространства, в котором происходят события его романов. Доценты кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ М.В. Новикова и Ю.С. Попова рассказали о значимости гардероба как в жизни Ф.М. Достоевского, так и в жизни его героев.

УДК.93/94.131.

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.57.87.022

Воронежский государственный технический университет

*Доктор исторических наук,
доцент кафедры философии, социологии и истории*

Волкова Е. А.

Россия, г. Воронеж, тел. +79525479124

e-mail: volkovaincontact@mail.ru

Voronezh state technical university.

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of
the Department of Philosophy, Sociology and History
Volkova E.A.*

Russia, Voronezh.

tel. +79525479124

e-mail: volkovaincontact@mail.ru

Е.А. Волкова

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ «ЗАВОЕВАЛ» МИР:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ**

Е.А. Volkova

**F.M. DOSTOEVSKY CONQUERED THE WORLD: ON THE OCCASION OF THE 200TH
ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE GREAT RUSSIAN WRITER**

2021 год был объявлен ЮНЕСКО годом Ф.М. Достоевского, великого русского писателя и мыслителя. На протяжении прошлого года мы имели возможность наблюдать, как разные государства «искали своего Достоевского», как вспоминали и чтити этого великого русского писателя, гуманиста, философа.

11 ноября 2021 года русский культурный мир отметил 200 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского (1821-1881). По данным ЮНЕСКО, Достоевский сегодня – один из самых цитируемых и переводимых русских авторов в мире. Весь 2021 год шли мероприятия, приуроченные к этой дате, так называемый Культурный марафон к 200-летию писателя. В России были проведены выставки и лекции, а также презентация новой экспозиции в Музее Достоевского в Санкт-Петербурге. Был открыт отреставрированный памятник на его могиле в Некрополе Мастеров искусств в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. В ноябре и декабре 2021 года прошла большая выставка, посвящённая Достоевскому на территории Русского музея и на территории Инженерного замка. В Петербурге на площадке Дома Офицеров проводились лекции, посвященные писателю.

15 ноября 2021 года состоялось торжественное открытие нового отдела ГМИРЛИ «Московский дом Достоевского», приуроченное к 200-летию со дня рождения писателя. Первым отреставрированный музей посетил президент России В.В. Путин в день рождения Достоевского – 11 ноября. Открытие музейного центра «Московский дом Достоевского» фактически стало важнейшим событием в ряду мероприятий, приуроченных к 100-летию ГМИРЛИ.

Школьники и студенты могли принять участие в открытых конкурсах, посвященных жизни и творчеству Ф.М. Достоевского (в том числе онлайн). В Воронежском государственном техническом университете, преподавателями которого (Е.А. Волковой и С.А. Скуридиной) в 2021 году были защищены докторские диссертации, посвященные разным аспектам жизни и творчества писателя), состоялся фестиваль «Вселенная Достоевского», в рамках прошли онлайн-лекции, викторины, мастер-классы и онлайн-экскурсии в музеи Ф.М. Достоевского. Завершающим этапом Культурного марафона стал Всероссийский диктант «Памяти писателя», который проводился в рамках Всероссийской акции «Читаем великого классика вместе». Он прошёл 12 октября 2021 года онлайн и на специальных площадках страны. Читали его известные люди – артисты, писатели, ученые.

Во многих странах также прошли мероприятия, посвященные этому знаменательному событию. В Индии Известный индийский писатель Пол Захария, выступая перед собравшимися, подчеркнул важность продвижения русской литературы в Индии, поскольку она играет большую роль в укреплении народной дипломатии. По словам писателя, Достоевский – один из самых читаемых русских писателей в Индии, его произведения переведены на многие индийские региональные языки. В рамках фестиваля был проведен семинар «Глубина психологических аспектов героев произведений Фёдора Достоевского» и «Влияние Достоевского на мировую литературу», конкурсы и викторины для индийских школьников и студентов, а кульминацией стало издание сборника статей известных индийских писателей на языке малайлам; сборник будет посвящен влиянию Достоевского на индийскую литературу.

В Монако была отпечатана марка с портретом великого русского писателя. Автором марки стал русский художник Георгий Шишкин, проживающий в Монако.

В Милане открылась выставка «Россия и Европа в судьбе и творчестве Достоевского». Экспозиция с комфортом расположилась в залах дома-музея известного итальянского писателя Алессандра Мандзони. К слову, сам Достоевский бывал в Милане и восхищался Миланским собором.

В Турине в середины октября можно было заглянуть на выставку книжной графики: экспозиция «Роман «Идиот» Ф. М. Достоевского глазами русских художников» начала работать в туринской библиотеке «Вилла Амореtti». Открытие выставки состоялось в рамках Туринского книжного салона при участии Генерального консульства России в Милане.

В Италии необычайно широко отмечали юбилей нашего классика: тем, кто знает итальянский, была доступна программа юбилейных мероприятий – в записи и онлайн.

В октябре Федору Михайловичу также было посвящено торжественное заседание в Ватикане, где представили перевод на итальянский трех речей о Достоевском философа и публициста Владимира Соловьева (1853-1900), которые были написаны с 1881 по 1883 год уже после смерти писателя. Книга с предисловием митрополита Волоколамского Илариона вышла в цикле публикаций римской академии Sapiientia et Scientia. К слову, государственный секретарь Ватикана кардинал Пьетро Паролин в ходе заседания отметил, что Папа Римский Франциск регулярно цитирует Достоевского.

Выставка «Достоевский: современник и пророк» стартовала в столице испанской Каталонии. Организатором выступил благотворительный фонд «Русский дом в Барселоне».

Экспозиция состояла из двух частей. В первом зале можно было познакомиться с работами художницы из Италии Валерии Бранкофорте: иллюстрации к произведениям классика она выполнила специально для выставки, а во втором зале благодаря современным музейным технологиям все желающие могли лично пообщаться с писателем и героями его произведений. Отмечается также, что много места в экспозиции отведено «Петербургу Достоевского», звуковую палитру которого воссоздают с помощью аудиоэффектов.

Выставка, рассказывающая о жизни и творческом пути Фёдора Достоевского, прошла в конце сентября также и в Русском доме науки и культуры в Париже: это коллекция литографий, гравюр и фотографий XIX века в цифровых копиях из коллекций Музея Достоевского и Литературного музея Пушкинского Дома (Санкт-Петербург). Историко-документальная экспозиция объединила исторические снимки, копии документов, цитаты из произведений Достоевского и отрывки из его писем, что позволило проследить за самыми важными событиями жизни писателя. На открытии выставки с гостями в режиме «онлайн» пообщалась автор и куратор экспозиции, заместитель директора музея по творческим проектам Вера Сергеевна Бирон.

Выставка «Копенгаген Достоевского» прошла в столице Дании. Посетители Российского центра науки и культуры смогли увидеть фотографии и рисунки, рассказывающие о посещении Фёдором Достоевским Дании в 1865 году. Писатель тогда побывал на кладбище «Ассистенс» в Копенгагене, где похоронен основатель экзистенциализма Сёрен Кьеркегор. В рамках «Салона Достоевского» в Копенгагене также проходят выступления исследователей творчества Достоевского и других русских классиков; событие организовано представительством Россотрудничества в Дании совместно с культурным центром «Ассистенс» и датским театром перформативных искусств.

Немецко-русский институт культуры в Дрездене еще в начале года выступил с инициативой проекта «Год Достоевского в Германии»: ведь писатель часто приезжал в Германию и жил в Дрездене, Гамбурге, Баден-Бадене, Висбадене и Бад-Эмсе. Так, именно в Дрездене Федор Михайлович написал роман «Бесы» и повесть «Вечный муж», а в Висбадене работал над первой главой произве-

дения «Преступление и наказание». Опыт посещения немецких казино также нашёл своё отражение в романе «Игрок».

Русский Дом в Берлине к 200-летию юбилею классика подготовил комплексную программу, включающую литературные чтения, презентации новых изданий, выставки, кинопоказы, спектакли, онлайн-конкурсы, викторины и другие мероприятия.

До 30 ноября проходила акция «Германия читает Достоевского», участником которой мог стать любой желающий – нужно лишь прочесть любой законченный фрагмент из произведения Достоевского на русском или немецком языке и прислать видео на адрес электронной почты; по итогам акции будет собрана видеокнига.

Очевидно, что представители разных стран и культур ищут своего Достоевского, и ищут свои ответы на свои вопросы. Гений Достоевского таков, что поставленные им вопросы актуальны и в настоящее время. Он не столько стремится дать многомерный ответ на многие смыслообразующие вопросы, но и ставил проблемные вопросы, над которыми до сих пор задумываются люди разных культур и вероисповеданий. В актуальности и парадоксальности поставленных вопросов кроется та глубина знаний Достоевским человека и мира, которая привлекает современного читателя и зрителя во всем мире.

Библиографический список

1. Волкова, Е.А. Формирование социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского в 1840-е годы / Е.А. Волкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.- 2015.- №4(8).- С.5-10.
2. Волкова, Е.А. Взаимодействие власти и общества в произведениях Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России: Материалы 2-й межрегиональной научно-практической конференции.- Воронеж: РИО Воронежского филиала РАНХ и ГС, 2016.- С.39-45.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / Ф.М. Достоевский.- Л.: Наука, 1972-1988.
4. <https://goslitmuz.ru/news/158/14045/>
5. <https://marina-roscha.mos.ru/presscenter/news/detail/9649011.html>

References

1. Volkova, E.A. Formation of socio-historical views of F.M. Dostoevsky in the 1840s / E.A. Volkova // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.- 2015.- No. 4 (8) .- P.5-10.
2. Volkova, E.A. The interaction of power and society in the works of F.M. Dostoevsky / E.A. Volkova // Problems of the effectiveness of state power: external and internal factors of the dynamic development of Russia: Proceedings of the 2nd interregional scientific-practical conference. - Voronezh: RIO of the Voronezh branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2016.- P.39-45.
3. Dostoevsky, F.M. Complete works in 30 volumes / F.M. Dostoevsky, Leningrad: Nauka, 1972-1988.
4. <https://goslitmuz.ru/news/158/14045/>
5. <https://marina-roscha.mos.ru/presscenter/news/detail/9649011.html>

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания*

Морозова Н.С.

Россия, г. Северодвинск,

тел. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer*

Morozova N.S.

Russia, Severodvinsk,

tel. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(44) 2022

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.03.2022. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,1. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84